

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
Научный журнал

Том 1 (67) №4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки»
является историческим правопреемником журнала
«Ученые записки Таврического университета»,
который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь
2015

**Печатается по решению Ученого совета
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
протокол №13 от 29 октября 2015 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Галина Юрьевна, д-р филол. наук, проф.
(главный редактор)

Александрова Ирина Викторовна – д-р филол. наук, проф.
Борисова Людмила Михайловна – д-р филол. наук, проф.
Гуменюк Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф.
Ищенко Наталья Анатольевна – д-р филол. наук, проф.
Курьянов Сергей Олегович – д-р филол. наук, доц.
Меметов Айдер Меметович – д-р филол. наук, проф.
Новикова Марина Алексеевна – д-р филол. наук, проф.
Орехова Людмила Александровна – д-р филол. наук, проф.
Петренко Александр Демьянович – д-р филол. наук, проф.
Савченко Любовь Васильевна – д-р филол. наук, проф.
Титаренко Елена Яковлевна – д-р филол. наук, проф.
Шилина Анжела Григорьевна – д-р филол. наук, проф.
Яблоновская Наталья Всеволодовна – д-р филол. наук, проф.
Ященко Татьяна Антоновна – д-р филол. наук, проф.

Егорова Людмила Геннадьевна – канд. филол. наук, доц.
(ответственный секретарь)

Подписано в печать 24.12.2015. Формат 70x100 1/16
30 усл. п. л. Заказ № НП/5
Отпечатано в издательском отделе КФУ
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
<http://sn-law.cfuv.ru>

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 316.77

ЗАВИСИМОСТЬ ОБЩЕСТВА ОТ КОММУНИКАТИВНЫХ РЕСУРСОВ: ФАКТОР ОПАСНОСТИ ИЛИ ОБЪЕКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Кондратская В. Л.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: kondratskaya@mail.ru*

В статье говорится о том, что безопасность коммуникативных ресурсов должна тщательно изучаться и носить системный характер. Наличие определенных слов-маркеров в текстах позволяет проверить его на «медиаэкологичность». Революция в области коммуникаций и информации предопределила смену мировоззрения. СМИ не только отражают действительность, но и интерпретируют, и конструируют её согласно своим интересам или интересам группы лиц, её контролирующих – «медиакратов».

Ключевые слова: коммуникативные ресурсы, безопасность медиаресурсов, ятрогенный фактор, медиаэкология, СМК, интернет, блоги.

ВВЕДЕНИЕ

Безопасность коммуникативных ресурсов должна быть предметом тщательного научного исследования одновременно с наличием совокупности целого ряда неотъемлемых признаков явления, подлежащего исследованию, начиная с наличия ясно выраженных и точно сформулированных признаков опасности: находящейся внутри указанных ресурсов, либо наступающей вследствие взаимодействия с ними. К этому ряду также относятся точно обозначенные условия, при которых эта опасность наступает, проявляется каким-либо способом. Для того, чтобы стать объективной частью определения фактора, явления, предмета, любое из свойств должно иметь сферу реализации / проявления. Так, например, газ хлор опасен для живых организмов, процессов их жизнедеятельности, но безопасен для ёмкостей, в которых он хранится. Опасность хлора проявляется при непосредственном контакте с живыми существами и является объективным следствием химических реакций газа с органическими соединениями. Безопасность хлора достигается предотвращением наступления указанных реакций, исключением контакта, или снижением концентрации хлора до уровня ниже предельно допустимого.

Исследуя объективные свойства коммуникативных ресурсов подобно тому, как исследуются процессы взаимодействия веществ и соединений, мы придём к заключению, что опасность не относится к числу их неотъемлемых и безусловных свойств. Каким бы преступным, экстремистским, человеконенавистническим ни

оказалось содержание транслируемого посредством коммуникативных ресурсов текста, он остаётся безопасным набором печатных символов до тех пор, пока не будет прочитан, осознан, и прочитавший его индивид не перейдёт к реализации содержащихся в нём идей или воззваний. Таким образом, опасность является дефиницией не отдельно взятого коммуникативного ресурса или совокупности ресурсов, а всей цепочки факторов: от зарождения опасных экстремистских идей, их формулирования, развития, до осознания потребителями и реализации ими определённых идей, следования призывам на практике. Опасность коммуникативных ресурсов является обстоятельством субъективным, зависящим от общественной, моральной, правовой и иной конъюнктуры.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В данном случае мы рассматриваем фактор опасности чего-либо с точки зрения законодательства и особенностей функционирования государственных институтов Российской Федерации, считая опасным генерирование и распространение экстремистских идей и призывов. Однако для полноты понимания вопросов опасности либо безопасности использования коммуникативных ресурсов, необходимо отметить, что в отдельных слоях или сегментах гражданского общества опасными или неприемлемыми могут восприниматься и иные системные процессы генерирования, развития и воплощения идей. Например, движение «child free» (прибл. перев. с англ. «свобода от детей»), которое посредством информационно-коммуникативных систем / каналов расширяет число потребителей информации, определённая часть которых становится последователями этого мировоззрения, сознательно отказывающимися от продолжения рода. Может ли считаться безопасным и рациональным использование коммуникативных ресурсов для расширения числа сторонников этого неформального общественного движения? С юридической точки зрения, публикация аргументов в пользу отказа от рождения детей не признана опасной, не запрещена, и не влечёт за собой никакой ответственности. Но, безусловно, снижение уровня рождаемости имеет свои негативные оценки в сфере демографии, воспроизводства трудовых ресурсов, а в перспективе – и с позиций этики, культуры, религии и т.д. Распространение аргументации «свободы от детей» осуществляется в первую очередь именно в «новых медиа», по новым каналам коммуникаций. Это социальные сети, блоги, форумы, каналы видеохостинга, которые во всё большей степени действительно становятся средствами массовой информации, дополняя, а в ряде случаев и стремительно приходя на смену привычной традиционной «тройке» «старых» СМИ: прессе, телевидению и радио. Этого феномена мы коснёмся далее. При условии дальнейшего расширения числа сторонников идеи «child free», которое наиболее активно использует системы распространения информации по каналам новых медиа, отрицательные последствия этого мировоззрения, вместе с последствиями снижения уровня рождаемости по другим причинам, могут проявиться уже в обозримом будущем. Это, в первую очередь, изменение процентного соотношения трудоспособного и неработающего населения, этнического состава населения, пересмотр структуры системы образования и здравоохранения и т.п.

Ключом к пониманию и поиску путей устранения различных проблем безопасности и рационального использования коммуникативных ресурсов являются

исследования функционирования целостных системных процессов генерирования, развития и воплощения идей, где участие коммуникативных ресурсов имеет весьма значимую роль. Достаточно перспективным в работе в указанных направлениях нам представляется детальное изучение коммуникативных ресурсов в качестве ятрогенных факторов. В 1925 г. немецким психиатром О. Бумке был предложен термин «ятрогения» для обозначения негативного воздействия врача на больного. По мнению исследователей данного вопроса В.В. Деларю и С.А. Юдина,[3] проблема ятрогений является очень многогранной. Одним из актуальных вопросов в данном контексте представляется оценка роли средств массовой информации (СМИ), поскольку последние десятилетия характеризуются принципиально новыми информационными технологиями с качественно другими уровнями и формами производства, переработки и распространения информации; при этом констатируется особая значимость СМИ в формировании массового и индивидуального сознания.

В.В. Деларю и С.А. Юдин проанализировали направленность материалов в «бумажных» СМИ, посвящённых здоровью населения, и пришли к выводам, что в исследуемый период в достаточной степени возросло количество материалов на темы здравоохранения, оказания медицинской помощи, и всё чаще акцент этих материалов ставится на самолечение. С одной стороны, предполагают авторы, в этом есть положительный эффект – население получает определённую конкретную информацию, что делает ненужным обращение в медицинские учреждения по незначительным поводам. Но, с другой стороны, это имеет и отрицательный эффект: потенцируется самолечение (особенно сомнительными способами / средствами) со всеми вытекающими неблагоприятными последствиями; кроме этого, предоставляемая информация часто способствует формированию в массовом сознании негативного образа врачей, традиционной медицины и системы здравоохранения. Поэтому, по мнению исследователей, содержащиеся в СМИ материалы медицинской тематики являются преимущественно ятрогенным фактором.

Здесь мы вправе резюмировать удачное проецирование термина, привнесённого из другой науки, на проблему в сфере исследований безопасности коммуникативных ресурсов, что стало возможным благодаря пересечению нашего круга научных интересов с медицинской тематикой.

Обозначив, таким образом, наиболее актуальный перечень опасностей, наступление которых обусловлено включением коммуникативных ресурсов в процесс распространения определённых идей, учений, взглядов и даже рецептов, можно отметить, что зависимость общества от средств массовой информации также можно рассматривать и как одно из условий развития общества, так и в качестве глобальной опасности.

Вызывающий тревогу у многих аналитиков и общественных деятелей рост масштабов расширения медиаполя современных медиа, по нашему мнению не является самостоятельным медиапроцессом, а лишь побочным фактором лавинообразного расширения производств и технологий. Это и появление на рынке всё более доступной электроники, и развитие коммуникационной инфраструктуры: прокладка оптоволоконных линий, строительство новых «сот», т.е. приёмопередающих узлов мобильной связи, дата-центров, серверных станций и т.п. Так появление кинемато-

графа стало возможным не в результате некоего общественного запроса, но исключительно благодаря изобретению гибкой светочувствительной плёнки, которая пришла на смену стеклянным пластинам, что позволило сократить время экспозиции одного кадра с нескольких минут до долей секунды. Дальнейший бурный рост кинопроизводства (а вместе с ним и появление целой сферы культуры), изобретение звукового кино и цветной киноплёнки – стало результатом запроса уже сформировавшейся как огромный рынок киноиндустрии. На следующем витке спирали развития технологий мы отмечаем: происходящие в медиaprостранстве процессы вначале являлись лишь последствием, отражением глобальных перемен в мировой системе производства и развития технологий, но за короткий срок привели к созданию новых сфер медиарынков и сами стали весомым фактором развития производств и технологий. Транснациональные корпорации увидели в новых медиа новые рынки, новые инструменты манипуляции общественным сознанием, вплоть до воздействия на результаты выборов, решения законодательных органов и правительств. Правительства ряда государств уже продолжительное время используют новые медиатехнологии как один из важнейших инструментов расширения сферы влияния, вмешательства в политику других стран.

С этой точки зрения формирование, закрепление и дальнейший рост зависимости отдельных людей и социальных институтов от средств массовой информации является необходимым условием устойчивого развития медиарынков, увеличения влияния и доходов транснациональных корпораций, а также средств внешней политики правительств. Характеристики этой зависимости имеют много общего с зависимостью от табакокурения, алкоголя и наркозависимостью, и не только тем, что обусловлены заинтересованностью поставщиков продукта в прибылях, но и симптомами возникновения и развития зависимости: от любопытства, затем привыкания – до болезненной невозможности отказаться от потребления.

Осознавая чрезвычайную хрупкость экосистем медиaprостранства и отметив фактор соучастия, встроенности коммуникативных ресурсов в систему распространения и расширения опасных для общества тенденций, мы переходим к оценке повышения зависимости от средств массовой информации и массовой коммуникации.

В ситуации лавинообразного характера расширения потоков информации, что позволяет получать факты из различных источников, оценивать, анализировать и на этой основе делать собственные выводы, формировать собственную точку зрения, мы сталкиваемся с парадоксом «информационного фаст-фуда». Как отмечает исследователь этого феномена И.А. Пашипян [5], всё более частый отказ потребителя информации от собственного анализа и обращение к готовым моделям, предлагаемым СМИ, не является следствием лени или необразованности читателя и слушателя. Это прямое следствие роста потоков информации. И.А. Пашипян считает, что, современный человек живет в смеси подлинной, физической реальности и реальности воображаемой, виртуальной, что само по себе сопряжено с рисками неадекватного поведения. Сто лет назад внутренний мир человека формировался на основе личного опыта, опыта общения, профессиональной деятельности и путешествий, и в очень незначительной степени – на основе газетных сообщений. Внутренний мир того человека был не так широк, как современного, но более адекватен.

Вместе с тем, психика современного человека, в отличие от предшествующих поколений, стала сложнее, характеризуется большей степенью воображения. Именно воображение и сформированный под его влиянием виртуальный мир всё более определяет поведение человека в мире реальном. Виртуальный мир, включает И.А. Пашинян, наиболее подвержен воздействиям извне, манипуляциям, эти воздействия остаются практически незамеченными потребителем информации, ведь у современного человека развита иллюзия свободного выбора источников информации. Сформированный средствами массовой информации и коммуникационными ресурсами виртуальный мир воспринимается индивидом как собственная уникальная личность.

Общеизвестно, что с помощью СМИ рекламируются идеи, создаются удобные образы, навязывается массовая культура, образ жизни, услуги и товары. В целом создаётся система самоидентификации личности с определённым набором социальных, культурных, политических, этических взглядов, клише. Степень зависимости личности от принятых клише исследователь И.А. Акимов возводит до уровня власти. По мнению И.А. Акимовой[1] власть СМИ распространяется практически на все сферы общества в большей или меньшей степени. Наиболее ярко это проявляется в политической и социальной сферах, а также в сфере духовной жизни. Революция в области коммуникаций и информации предопределила смену мировоззрения. СМИ не только отражают действительность, но и интерпретируют, и конструируют её согласно своим интересам или интересам группы лиц, её контролирующих – «медиакратов».

Как уже было отмечено выше, СМИ задают модели культуры, поведения, модели отношений к явлениям социальной жизни, нередко имеющих мало общего с действительностью. СМИ как проводники массовой культуры стали определяющим образом влиять на формирование ценностных установок, стиля и образа жизни населения, особенно молодежи. Это очень важный фактор формирования социокультурной идентичности как индивидуальной, так и коллективной (групповой), а самоидентификация с определённой социальной группой порождает зависимость.

Исследователь А. Мозолин в соответствии с общей типологией социальной зависимости в обществе предполагает трактовки личной информационной зависимости и групповой (общественной) информационной зависимости:

Личная информационная зависимость возникает тогда, когда доступность информации, способов её получения находится в зависимости от особых интересов одного индивида. Если информационные потоки обусловлены этими интересами, социальная реальность искажается максимально. Характеристики, присущие социальной информации, – субъективность, изменчивость, высокая степень рассредоточенности в пространстве источников социальной информации, их обезличенность, свобода обмена социальной информацией – создают широкие возможности для искажения социальной реальности и формирования личной информационной зависимости. В современных обществах, когда концентрация и распространение социально значимой информации осуществляются в основном посредством государства и СМИ, возникновение личной зависимости является широко распространенным явлением. Развивая выводы исследования, можно также констатировать, что инфор-

мационная зависимость находится в прямой связи со степенью самоидентификации индивида с определённой социальной группой, личностью, генерирующей социальное клише / образы.

Групповая информационная зависимость возникает тогда, когда способы получения и доступность информации, а также её содержание связаны с интересами и совпадением характеристик самоидентификации в рамках одной группы. В современных обществах формирование групповой зависимости характерно не только для авторитарных систем управления, групповых по своей сути, но и для демократических. В них СМИ нередко находятся под влиянием тех или иных политических и экономических групп, реализующих посредством искаженной информации свои групповые интересы. В авторитарных обществах групповая информационная зависимость существует очень долго; она может существовать достаточно долго и в современных демократических обществах, так как источники информации о состоянии политических и экономических групп зачастую малодоступны не только для отдельных граждан, но и для независимых СМИ. Зависимость социальных институтов от СМИ обусловлена самой природой этих общественных объединений: их существование и развитие проблематично или вовсе невысказимо без распространения информации о своих целях и задачах, о своей деятельности, в той же степени они зависимы и от необходимости воспринимать и адекватно реагировать на актуальные тенденции. На основе входящей информации принимаются стратегические и тактические решения в экономике и политике, в сфере потребления, влияющие на положение и поведение больших масс людей. Примерами воздействия такого рода являются конфликты между государствами, конкурирующими корпорациями, колебания курсов ценных бумаг и валют на биржах. К новейшим примерам зависимости групп (социальных институтов) от СМИ и коммуникативных ресурсов можно отнести и так называемую «технология фейсбук-революций».

Переходя к выводам, можно отметить, что современные демократические общества и их институты не выработали способов эффективного и действительно рационального использования коммуникативных ресурсов, не защитили экологию медиасреды от вызовов и опасностей современного мира. Наличие этих опасностей, вместе с нарастанием зависимости социальных институтов и людей от средств массовой информации, является одной из угроз устойчивого развития общества и государства. Единственный эффективный способ регулирования опасностей и вызовов, связанных с использованием СМИ и коммуникативных ресурсов – тоталитарное устройство общества – сам по себе является главной опасностью и угрозой существования демократии.

ВЫВОДЫ

Перспективы развития новых медиа, использования новых коммуникативных ресурсов представляются нам разноректорным и парадоксальным. С одной стороны, это дальнейшая глобализация, концентрация инфоресурсов под контролем транснациональных корпораций-«медиакратов». Facebook, Google, в Российской Федерации – New Media Technologies (совладелец Mail.ru Group) и ряд других корпораций прямо или опосредованно контролируют интернет-коммуникации и коммуникативные ресурсы, вводят свою корпоративную этику и политику, а фактиче-

ски, свою цензуру. Блокируя одни аккаунты и поощряя («выводя в топ») другие, они навязывают потребителям информации систему взглядов и ценностей, закрепляют зависимость отдельных индивидов и социальных институтов от медиа, расширяют возможности эффективной манипуляции общественным мнением. С другой стороны, в той или иной степени осознавая эту угрозу, потребители информации сегментируют информационное поле, конкретизируют и актуализируют свой информационный выбор, тем самым в определённой степени сужая его (создание групп в социальных сетях, формирования «списка друзей», подписок на другие аккаунты, уход от средств массовой информации к немассовым). Сужение канала потребления информации, по мнению людей, отсекает излишние воздействия и манипуляции, ограничивая сферой, например, профессиональных интересов (IT-форумы или группы), или хобби (кулинарные сообщества, сообщества цветоводов), или житейских, личностных проблем (группы родителей детей с особыми потребностями, волонтёры) и т.п.

Список литературы:

1. Акимова И. А. СМИ как фактор формирования идентичности личности в обществе / И. А. Акимова // «Сервис Plus». – 2009. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.marketing.spb.ru/lib-around/socio/media_identity.htm
2. Данилова Е. Г. Нестабильная социальная идентичность как норма современного общества / Е. Г. Данилова, В. А. Ядов // Социологические исследования. – 2004. – № 10.
3. Деларю В. В. Средства массовой информации: ятрогенный фактор или агенты здоровьесберегающей социализации населения [Электронный ресурс] / В. В. Деларю, С. А. Юдин // Успехи современного естествознания. – 2014. – №11. – С. 17-19. – Режим доступа: <http://vocale.ru/upload/pdf/2/15897.pdf>
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – 685 с.
5. Пашинян И. А. Риски лжи и фальсификации в современном обществе / И. А. Пашинян // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. – 2012. – №1.
6. Толковый словарь русского языка / Ожегов С.И.; Шведова Н.Ю. – Изд-во: М.: Аз, 1996.

SOCIETY'S DEPENDENCY OF COMMUNICATION RESOURCES: DANGER FACTOR OR OBJECTIVE PROCESS

Kondratskaya V.

This article is telling us that safety of communicative resources has to be learned thoroughly and be systematical. Presence of the certain marker words in texts lets us check it for the "media-eco-friendliness". The revolution in the communicative sphere and information determined the worldview realm. Mass Media are not only reflecting reality, but interpret and build it according to it's interests or interests of "mediacracies" - people who control it.

Key words: communicative resources, security of media resources, iatrogenic factor, media ecology, mass communication, internet, blogs.

УДК 801.7:321.01

ДИСКУРС ВЛАСТИ: ОТ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ДО МАНИПУЛЯЦИИ

Синельникова Л. Н.

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Ялта
E-mail: Prof.sinelnikova@gmail.com*

В статье дискурс власти квалифицируется как планируемое социальное взаимодействие, организуемое на основе доминирующих интенций – завоевание и удержание власти. Легитимизация как итог завоевания власти и манипуляция как стратегия удержания власти оказываются взаимосвязанными. Эта многомерная и многослойная связь обеспечивается спектром коммуникативных действий самовозвышающего и оправдательного характера, которые транслируются в разных коммуникационных средах с привлечением особых языковых (стилистических, риторических) средств.

Ключевые слова: дискурс власти, легитимизация, манипуляция, когнитивный, коммуникативный, прагматический.

ВВЕДЕНИЕ

Дискурс власти имеет разнообразные семантико-стилистические проявления, но в этом разнообразии усматривается основная установка – завоевание и удержание власти. Эта суммированная интенция, континуально организующая движение от легитимизации к манипуляции или, точнее, совмещающая то и другое, проявляется в риторических приёмах, в стилистическом (тональном) выборе, в характере аргументов, в ролевых «масках», которые могут меняться на разных этапах политических действий.

1. Власть как система коммуникаций

Власть – объёмное понятие, и в кротологии – системе наук о власти – представлено множество классификаций, обобщений, прогнозов. Заявленная тема определяет выбор квалификационного ориентира: власть – это социальное взаимодействие, проявленное в коммуникации, в языке, в типах текстов, в их семантико-стилистических и риторических характеристиках. Жанрово-стилистический характер информации, транслируемой властью по всем каналам связи с народом, отражает основную установку – максимально эффективное воздействие на общественное сознание.

Язык – инструмент власти [7; 20], и коммуникация – атрибут политической деятельности [4; 12; 17]. Время воздействует на язык извне и изнутри. Его эффект множественен и неоднозначен. Он касается плана выражения, знаковых единиц и коммуникативной организации высказывания» [1, с. 11]. Языковое наполнение моделей коммуникации (при условии понимания языка и текста как репрезентанта ментальности) проявляет специфику дискурса власти не в меньшей, а то и большей степени, чем любого другого вида дискурса. Коммуникативный фактор объединяет подход к власти как к концепту и как к дискурсу.

Дискурс власти формируют многие акторы: политики, журналисты, пишущие о политике и политиках; политики, оценивающие других политиков; политоло-

ги как профессиональные аналитики; представители народа или, точнее, разных сегментов общества; писатели, включающие в текст своих произведений политические темы. Адресат, как правило, идентифицируется по идеологическим убеждениям, политическим пристрастиям, которые, в свою очередь, определяются его статусными (возрастными, образовательными, гендерными и др.) характеристиками. Субъектно-субъектные отношения (кто пишет и для кого) определяют характер модальной рамки дискурса власти, уровень эмоционального напряжения в разнородных коммуникациях, степень ответственности за речевое поведение. В итоге получается, что дискурс власти «блуждает» по социальному полю властных отношений, локализуясь в ключевых точках взаимодействия людей» [3, с. 60].

Избираемый и культивируемый формат языковой «упаковки» информации для завоевания и удержания власти имеет специфический набор семантико-стилистических и риторических признаков, комплекс которых идентифицирует власть и её представителей в определённое время и на определённом уровне властных полномочий. Поскольку политических действий и событий происходит, как правило, меньше, чем их дискурсивных представлений в информационном пространстве, именно языковой (семантико-стилистический, риторический) фактор помогает составить представление о положении дел, извлечь из мозаики оценок и номинаций информацию о сути и последствиях не столько предпринимаемых властью действий, сколько сказанного об этих действиях – как осуществлённых, так и планируемых.

2. Легитимизация власти как коммуникативное действие

Легитимизация – свойство власти, означающее признание большинства граждан правильности и законности формирования и функционирования её органов; противопоставляется незаконному захвату власти, её узурпации. Легитимная власть способна обеспечить стабильность и развитие общества, не прибегая к насилию [5]. Легитимизация – это и закон, и процесс. В основе архитектоники легитимности власти лежит ритуализация «объясняющих» действий, призванных обеспечить социальную солидарность и нейтрализовать социальное отчуждение. Отсюда постоянный интерес власти к тональности (в широком смысле) отношения к ней со стороны населения. Положительные оценки – знак легитимности, отрицательные – требуют от власти дополнительных действий: создания новых легитимационных сценариев самовозвышающего и оправдательного характера. Власть должна утвердить в сознании граждан свою значимость через популяризацию своих действий, вызвать их положительную оценку, а при необходимости оправдать неудачи и представить их как временные и преодолимые при условии поддержки народа. Внимание к тому, как концептуализируется власть в сознании людей, сопровождает процесс легитимизации.

В условиях разделения идентичностей в легитимационные «игры» включаются риторические средства «поддержки», прежде всего риторический пафос: умеренное обращение к эмоциям, драматизация в описании событий с тем, чтобы побудить аудиторию к пониманию и доверию. Перемещение эмоций в мир политики – одна из современных тенденций, проявленных в дискурсе власти. При этом происходит нарастание признаков демагогического коммуникативного поведения: многословность, отклонение от темы, намеренный пропуск нежелательных фактов,

признание лишь несущественных просчётов, смещение причинно-следственных связей, обилие ссылок на авторитеты, избегание конкретных ответов, апелляция к примитивным оценкам положения вещей, то есть приспособление к настроению «своего» адресата.

Легитимизация через повышение градуса враждебного отношения к другим слоям общества, к другому народу способствует формированию *дискурса вражды*, который активно проявляет себя в современных политических коммуникациях, составляя разрастающийся сегмент агонального дискурса. Агональность как признак дискурса власти фиксируется в разнообразии форм речевой агрессии, противоречащим нормам экологически выдержанной коммуникации. Исследователи называют множество признаков речевой агрессии: стратегия дискредитации, утверждение собственной правоты, игнорирование вопросов, самопозиционирование, забота о собственном имидже и др. [19].

История, её события – современный политический тренд. В борьбе за легитимность власть может перекраивать историческую память, переоценивать роль личностей и этносов в исторических событиях. В этом случае дискурс исторической памяти становится частью агонального дискурса [13]. Искажение фактов в угоду идее, манипуляция правдой может привести к отчуждению значительной части народа от власти, расширить «территорию заблуждений».

Легитимность дискурса власти в общественном сознании связывается и с персональной легитимностью. По мнению политолога А.В. Скиперских, «персонифицированная легитимность состоит из нескольких компонентов: гендерного, визуального и профессионального» [15, с. 86]. Дискурсивный подход к легитимности требует включения и речевого фактора, в той или иной форме присутствующего в фреймовой конструкции «харизма» и влияющего на баланс отношений между легитимностью и эффективностью. Социологический анализ выявляет отношение к власти по степени активности, направленной на её поддержку, по признаку апатичности, разочарования, отчуждения от власти и т.д. Влияние на такие показатели речевого фактора не фиксируется, но его значимость не может быть исключена. Оговорки, речевые «проколы» активно обговариваются в обществе, в Сети, получают определённую оценку, нередко ироническую, и оказывают влияние на восприятие представителей власти, а через них и на власть в целом. Ребрендинг в таких случаях оказывается затруднительным.

Форматы манипуляции

Манипуляция – скрытое управление сознанием и поведением граждан; приёмы умышленного искажения действительности для утверждения своих интересов в качестве всеобщих. Манипуляция осуществляется скрыто с помощью набора стереотипов, мифов и символов, подменяющих реальность.

Проблемы манипуляции рассматриваются в политической психологии, в социологии, в коммуникативистике, в риторике, в дискурсологии [6; 9; 10]. Дискурс власти кинематографичен: в нём всегда используется принцип скрытого монтажа, позволяющего жонглировать смыслами, менять акценты, инверсировать иллюзии и реальность. Манипуляция имеет разные проявления, в том числе стилистические, которые влияют на выбор адресата: принимать или отвергать ту или иную оценку.

Коммуникативная матрица дискурса власти включает фреймы, определяющие актуальные идеологические векторы дискурса власти [2]. Фрейминг – «риторический инструмент, который собирает несвязные характеристики фрагмента реальности в целостный образ или логическую последовательность» [14]. Политический фрейм – это оязыковлённая когнитивная модель, обусловленная идеологией власти в определённое время. К числу лингвистических показателей относятся слова, словосочетания, фразеологизмы, тропы, риторические фигуры и приёмы, политические термины, цитаты. Вербальная представленность политического фрейма содержит информацию о стратегии и тактиках субъектов политического дискурса, представленную в семантике ключевых слов, в коннотативных признаках наименований, в характере модальных оценок. Каждый фрейм власти фиксирует свойства в строго определённой стилистической тональности. Восприятие аудитории должно вести к одной цели и к одной эмоции, другие цели и эмоции – враждебный фрейм. Признаки общего лингвистического фрейма могут варьироваться в конкретных текстах, дополняться новыми характеристиками. В пространстве этих тем складывается новая мифология и формируется оппозиционный политический дискурс.

Термин *рефрейминг* активен в понятийном аппарате психологии и нейролингвистического программирования и означает переобращение, «перемену рамки у картины» или «перемену картины в рамке». Рефрейминг позволяет внести изменения в привычный взгляд на ситуацию, затормозить действие прежней доминанты и заменить её новой, то есть подорвать стереотип. Сместить восприятие можно через переименование события, использование прямых оценок иного (непривычного) свойства и под. Но есть и другой путь: ничего не переименовывая и не производя замены вербальных знаков оценки, придать событию иной смысл путём переноса внимания на нечто другое, вступающее в ассоциативное противоречие с транслируемой информацией. Событие одновременно помещается в несколько контекстов, которые чередуются, накладываются друг на друга, в результате чего внимание расфокусируется, оценочный стержень теряется и в конечном итоге распадается. Приём рефрейминга используется в информационных войнах, строящихся на борьбе интерпретаций, в имиджевых текстах, одна из целей которых – «отстройка» от конкурентов. Организацию информации с использованием приёма рефрейминга можно отнести к наиболее распространённым (едва ли не универсальным) и достаточно действенным приёмам манипулятивного воздействия на общественное мнение.

Манипулятивная стратегия власти имеет прямое отношение к суггестивной лингвистике, к суггестивному употреблению языка в текстах. К «жёстким» типам воздействия относится мантрический тип открытой суггестии [16]. Пример мантрической суггестии в целях психологического запугивания – неverifiedируемая с точки зрения истинности (подтверждения непреложными фактами) предикация «Россия – агрессор». Убеждение без объяснений – это и есть открытая суггестия, свидетельствующая о недостатке или отсутствии информации. Призывы к диалогу при наличии разных аргументов оказываются бесполезными, сами аргументы в этом случае оказываются манипулятивными [8]. В. Е. Чернявская корректно определяет одну из целей манипуляции как желание осуществить интересы отправителя сообщений, «которые необязательно совпадают с интересами адресата» [18, с. 19]. В ря-

де случаев напрашивается замена «необязательно совпадают» на «совсем не совпадают».

Исследователи обращают внимание на технологичность современного дискурса власти – тщательную спланированность коммуникативных действий для достижения определённой цели [11], особенно в том случае, если основной целью оказывается борьба с идеологическим противником. Политтехнологи, как теневые акторы дискурса власти, изыскивают новые возможности манипуляции общественным сознанием. Власть не может не учитывать роста общественной рефлексивности в интернете. «Поле боя» информационной войны расширилось за счёт перехода политики в интернет, что свидетельствует о маргинализации дискурса власти. Появились новые формы явных и тайных «военных» действий. Так, в Сети активизировался астротерфинг – оплачиваемый вид троллинга, цель которого – создание искусственного общественного мнения через подставных пользователей. В качестве «троллей на зарплате» действуют специалисты широкого профиля, знакомые с механизмами троллинга, умеющие включаться в дискуссию в качестве равноправных участников (обычно в форме комментариев), учитывающие психологические особенности представителей того или иного сообщества. В результате создаётся ложный эффект массовости. Цель – отвести внимание от острых тем, заменить конструктивное общение пустопорожней перепалкой, произвести вброс компромата, культивировать слухи – всё это знакомые признаки информационной войны, усиленные троллинговой активностью и безнаказанностью.

ВЫВОДЫ

Перечень наук, влияющих на объём и направление интерпретаций дискурса власти, говорит о сложности выработки адекватного инструментария анализа: лингвистика, риторика, коммуникативистика, культурология, социология, социолингвистика, этнография, этнолингвистика, политология, политическая психология, межкультурная коммуникация, имиджелогия, конфликтология, политический менеджмент и др. В каждой из этих сфер обнаруживаются и изучаются специфические признаки дискурса власти. Но три подхода: когнитивный (картина мира, единство языка и сознания), коммуникативный (речевая деятельность акторов власти в соотносённости с целевым адресатом) и прагматический (целенаправленность и интенциональная обусловленность речевых действий) в их совместности – позволят, как представляется, обеспечить системное междисциплинарное описание дискурса власти.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. От редактора / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – 351 с.
2. Белт Т. Политическое убеждение путём метафорического моделирования / Т. Белт // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 2 (22). – С. 18-25.
3. Герасимова О. Ю. Дискурс власти в современном обществе / О. Ю. Герасимова // Вестник Челябинского гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. – 2009. – № 42 (180). – Вып. 15. – С. 60-64.
4. Грачёв М. Н. Политика: коммуникативное измерение / М. Н. Грачёв. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2011. – 172 с.
5. Князев Д. А. Современные формы легитимации государственной власти : монография / Д. А. Князев. – Ростов-на-Дону : Издательский центр ДГТУ, 2010. – 155 с.

6. Копнина Г. А. Речевое манипулирование / Г. А. Копнина. – М. : Флинта, 2007. – 176 с.
7. Лассвелл, Г. Язык власти / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 20. – № 2. – С. 264-279.
8. Ли Е. В. Диалектическое взаимодействие универсальных и этнокультурных стратегий аргументации в политическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19 – теория языка. – Иркутск, 2011. 20 с.
9. Михалёва О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : монография / О. Л. Михалёва. – Иркутск : Иркутский ун-т, 2005. – 320 с.
10. Мягкова А. Ю. Языковая манипуляция как орудие информационно-политической борьбы / А. Ю. Мягкова // Уч. зап. Российского гос. социального ун-та. – 2010. – № 8. – С. 188-191.
11. Плотникова С. Н. «Дискурсивное оружие»: роль технологий политического дискурса в борьбе за власть / С. Н. Плотникова // Вестник Иркутского гос. ун-та. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – № 2. – С. 138-144.
12. Речевая коммуникация в политике / под общ. ред. Минаевой Л. В. – М. Наука, 2007 – 245 с.
13. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Агональный дискурс современной политики памяти / О. Ф. Русакова В. М. Русаков // Дискурс-Пи. Научный журнал. – Екатеринбург, 2015. – С. 10-19.
14. Сировицкий В. Фрейминг, который мне нравится / В. Сировицкий // Риторика сегодня. Блог на WordPress.com.
15. Скиперских А. В. Новое прочтение концепта персонифицированной легитимности / А. В. Скиперских // Современные наукоёмкие технологии – 2005. – № 1. – С. 86-87.
16. Черепанова И. Ю. Заговор народа. Как создать сильный политический текст / И. Ю. Черепанова. – М. : КСП+. – 2002. – 464 с.
17. Черватюк И. С. Дискурсивные маркеры власти / И. С. Черватюк // Человек в коммуникации : концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2006. – С. 58-66.
18. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия : учебное пособие / В. Е. Черепанова. – М.: Флинта, 2006. – 136 с.
19. Шамне Н. Л., Карякин А. В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса / Н. Л. Шамне, А. В. Карякин // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Языкознание. Сер. 2. – Волгоград, 2011. – № 1 (13). – С. 204-208.
20. Язык и власть : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов, 2003. – 138 с.

DISCOURSE OF POWER: FROM LEGITIMISATION TO MANIPLULATION

Sinelnikova L. N.

The article qualifies the discourse of power as a planned social interaction organised on the basis of the dominant intentions of gaining and retaining power. Legitimation as an outcome of gaining power and manipulation as a strategy of retaining power turn out to be interconnected. This multidimensional and multi-layer connection is ensured by a range of communicative actions (self-elevating and justifying), which are translated in different communicative environments involving special linguistic (stylistic, rhetorical) means.

Keywords: discourse of power, legitimation, manipulation, cognitive, communicative, pragmatic.

УДК 82-92:379.823-053.2/5(470)+(73)

ДЕТСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО КОНТЕНТА

Сметанина М. О., Оленёва А. А.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: Mariya-journ@mail.ru*

Статья посвящена развитию детского телевидения на примере телеканалов России и США. Рассмотрены принципы создания программ для детей. Проанализирован контент детских телеканалов «Карусель» (РФ) и «Nickelodeon» (США) на предмет соответствия обозначенным принципам. Указаны тенденции развития детского телевидения в России и США.

Ключевые слова: детское телевидение, контент, Россия, США.

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с конца XX века, телевидение для детей как в России, так и в Америке переживает этап кризиса, так как контент детских телеканалов не имеет государственного значения, когда были бы четко регламентированы цели, задачи и пути развития детского телевидения. Юный зритель сталкивается с однообразными по жанру программами, тематика которых сужена, на многих телеканалах практически исчезло понятие разграничения телепередач по возрастным группам. Все большую роль играет коммерциализация телевизионного эфира. На общегосударственных телеканалах не хватает или отсутствуют образовательные, культурные и просветительские передачи. Делать программы такого рода экономически не выгодно. Практически половина эфира детских телеканалов принадлежит анимационному жанру американского и японского производства.

Цель исследования – изучить специфику и проблемы детского телевидения на примере российского и американского контента.

В связи с поставленной целью были определены следующие **задачи**:

- Проанализировать отечественную и зарубежную литературу и источники, посвященные истории телевидения для детей;
- Выделить требования к детским телепрограммам;
- Охарактеризовать современные тенденции развития детского телевидения;
- Провести сравнительный анализ американского и российского контента для детей;
- Определить специфические особенности детского телевидения на примере телепередач.

Источники исследования — программы детских телеканалов «Карусель» (Россия) и «Nickelodeon» США.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

С появлением телевидения возник вопрос создания детского контента. Прежде всего детское телевидение и передачи создавались с целью воспитания, обучения и развития юных зрителей.

Детское вещание в Советском Союзе началось в 1939 году с передачи «С новым годом», в январе 1940 года юные зрители увидели новогоднее представление «Зайкин дом». В Соединенных Штатах Америки регулярное вещание для детей началось в 1950 году [6].

На советском телевидении детские программы приоритетно были направлены на образование и социализацию ребенка, а уже второстепенно на развлечение. Финансирование таких программ осуществлялось за счет государственных средств и не предполагало никакой коммерческой выгоды. Основная цель – максимальное качество передач.

Главной функцией детского телевидения в Америке было развлечение. Воспитание и образование не входило в основные задачи таких программ. Телевидение преследовало коммерческие цели, широко используя рекламные ролики.

Но уже к концу XX века ситуация изменилась как в России, так и в США. Россия начинает вводить в эфир развлекательные передачи для детей, тем самым отодвигая на второй план образовательные и воспитательные. Постепенно между выпусками телепередач появляется реклама, которая быстро «приживается» в детском эфире. В США же в эфире появляется больше поучительных и развивающих проектов, реклама дозируется.

Рассмотрим, как развивается детское телевидение России и США сегодня. Для этого проанализируем соответствие контента принципам, предъявляемым к созданию программ для детей.

По мнению исследователей, чтобы программы для детей соответствовали возрасту зрителей и не утратили воспитательной и образовательной функций, важно при их создании учитывать ряд принципов. Рассмотрим их подробнее:

1. Экологичность. Данный термин понимается как художественное исполнение и техническое мастерство изготавливаемого телевизионного продукта, его соответствие стандартам качества телевидения и критериям психологической безопасности.

2. Социокультурная и психологическая адаптивность телевизионной продукции, ее соответствие возрастным особенностям зрителей.

3. Соответствие детских телепередач культурным традициям государства. Детское телевидение должно способствовать освоению ребенком системы ценностей, присущей российскому образу жизни. Такой подход к организации детского телевидения гармонично сочетается с общечеловеческими ценностями.

4. Развитие субъективности ребенка в социальном мире. Под этим принципом можно понимать изучение внутреннего субъективного мира личности. Телевидение, способствующее развитию личности, должно быть сфокусировано на достижении взаимосвязанных целей – саморазвития ребенка как личности и его успешной социализации.

5. Креативность детских телепередач. Это принцип следует понимать, как развитие эстетического чувства, внутреннего внимания и творческого воображения, способности к раскрытию смысла и символическому прочтению художественного образа.

6. Целостность детских телепередач. Это объединение традиций семейного воспитания, содержания школьного образования, педагогических усилий и политики государства в отношении детского телевидения [6].

На основе этих принципов мы проанализировали контент российского и американского детских телеканалов.

Детский телеканал «Карусель».

Телеканал «Карусель» — государственный федеральный телевизионный канал для детей и юношества. Самый крупный детский телеканал России. Зона вещания: РФ, Европа, США, ОАЭ, Израиль, Канада, Индия. Создан при поддержке «Первого канала» и ВГТРК 27 декабря 2010 года. Телеканал 24 часа в день демонстрирует телевизионные программы, фильмы, мультфильмы. Подготовка передач для детей осуществляется под контролем детских психологов. Главная особенность детского телеканала в том, что он в свою сетку вещания включает программы как для самых маленьких, так и для детей подросткового возраста [7].

Принцип *экологичности* создания детских телепередач в полной мере соблюден на канале «Карусель». В качестве примера приведем телепередачу «Давайте рисовать!», формат которой создан совместно с Государственным музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. В программе юные художники знакомятся с направлениями изобразительного искусства и работами известных художников.

Каждый выпуск передачи построен таким образом: 1. рассмотрение творчества, манера работы конкретного художника; 2. проведение мастер-класса; 3. обзор рисунков, присланных юными зрителями в студию. Несмотря на серьезную тематику передачи, ее авторы учли возраст маленьких зрителей. И обыграть серьезность программы помогают ведущие — Фея Фиалка и Каляка Маляка — которые в игровой форме рассказывают детям об истории живописи.

Принцип *целостности* представлен социокультурной и психологической адаптивностью телевизионной продукции, ее соответствием возрастным особенностям зрителей. Так, на телеканале «Карусель» соблюдены нормы разделения телепередач по возрастным категориям. Именно поэтому для детей дошкольного возраста существует проект «Ранние пташки». Во время эфира транслируются обучающие мультсериалы. Для детей постарше существуют программы «Плясс-класс», интеллектуальная программа «Пойми меня», «Навигатор Апгрейд Дайджест» и другие.

Принцип *соответствия детских телепередач культурным традициям государства* представлен следующим образом: конкретного акцента на культурные традиции государства в передачах не делается, но практически в каждой программе можно проследить моменты и подходы к ее созданию, основанные на менталитете и культуре присущей Российской Федерации (например, проект «Битва фамилий»). С недавнего времени в эфир выходит передача «История России». Она построена в виде лекций и предназначена для более зрелого возраста.

Ярким примером реализации принципа *развития субъективности ребенка в социальном мире* выступает телепередача «Всё, что вы хотели знать, но боялись спросить» (телеканал «Карусель»). Эта интерактивная развлекательная программа в веселой и доступной форме рассказывает юному зрителю об интересных фактах и событиях, тем самым развивая личность каждого ребенка в зависимости от его интересов. Отвечать на вопросы детей помогает ведущий Всезнайка и специалисты в области рассматриваемого вопроса.

Принцип *креативности* выражается как неотъемлемая часть к подходу создания детского контента, потому что главная цель телеэфира для детей — заинтересовать каждого ребенка. В программах на канале «Карусель» ведущие одеты оригинально и ярко, в оформлении студии использованы вымышленные художественные и мультипликационные образы, построение передач способствует привлечению внимания со стороны детей.

Принцип *целостности* представлен объединением традиций семейного воспитания, содержания школьного образования, педагогических усилий и политики государства в отношении детского телевидения. Пример: передача «Один против всех» — увлекательная интеллектуальная игра, где ребенок отвечает на вопросы из разных областей жизни, будь то школьная программа или знания, полученные самостоятельно.

Таким образом, на телеканале «Карусель» соблюдены все принципы создания детских телепередач. Остановимся на анализе позитивного и негативного воздействия, оказываемого контентом телеканала «Карусель» на детскую аудиторию.

Негативное воздействие на юных зрителей, на наш взгляд, оказывают мультфильмы зарубежного производства, транслируемые на канале. К таким можно отнести мультфильм «Свинка Пеппа». Этот мультсериал, несмотря на свое предназначение для детской аудитории, не соответствует моральным, эстетическим и интеллектуальным принципам. Так, например, герои мультсериала выглядят не реалистично и не эстетично, что может существенно ввести ребенка в образное заблуждение. Манеры и плохие привычки, продемонстрированные в мультфильме, не способствуют правильному психологическому воспитанию ребенка.

К позитивным моментам воздействия можно отнести все телепередачи, транслируемые на телеканале. Проанализировав и просмотрев выпуски программ для детей, можно сделать вывод, что они соответствуют моральным принципам, психологическим особенностям детской аудитории, а также являются обучающими и познавательными.

К положительному влиянию на зрителей также можно отнести мультфильмы отечественного производства: например, мультсериал «Фиксики» обучает детей механизмам устройств, их ремонту и применению. Очень интересные и познавательные факты раскрыты в данном случае с помощью мультипликации, которая проще воспринимается детьми.

А теперь рассмотрим специфику детского телевидения на примере телеканала «Nickelodeon» США.

«Nickelodeon» — детский телевизионный канал. Создан в 1977 году в США. С 1 апреля 1979 года начал вещание по всей территории США. В настоящее время осуществляет трансляции на 22 языках. Можем заметить, что основное эфирное

время детского телеканала «Nickelodeon» занимают мультфильмы, фантастические сериалы для детской аудитории, шоу и лишь небольшая часть эфира принадлежит программам, направленным на образование юного зрителя, а не на его развлечение [9].

Так, можно проследить специфические принципы создания детских программ на телеканале «Nickelodeon»:

Экологичность. Данный принцип не соблюден, так как многие телепередачи не соответствуют стандартам качества телевидения и критериям психологической безопасности. Особенно это касается мультипликации, транслируемой на канале. Пример: «Губка Боб квадратные штаны». Типичный американский мультсериал, где герои выглядят чересчур не реалистично, имеют плохие манеры, выражения, используемые в диалогах героев, не соответствуют детскому телевидению.

Социокультурная и психологическая адаптивность телевизионной продукции, ее соответствие возрастным особенностям зрителей. Со стороны российского зрителя может показаться, что многие передачи вообще не следовало бы показывать детям, но у американцев немножко другое представление о культуре и нравственности. Поэтому отмечаем, что данный принцип по отношению к американским детям соблюден. Есть разделение передач на категории: для малышей, детей младшего школьного возраста, подростков. Малышам отведен эфир с содержанием мультсериалов: «Зак и кряк», «Даша-путешественница», «Вспыш и чудо машинки», «Подружки их Хартлейк Сити», «Щенячий патруль», «Маленькое королевство», «Умизуми» и др.

Для детей школьного возраста в эфир выходят: «Хлебоутки», «Кунг-Фу Панда», «Легенда о Корре», «Приключения Джимми Нейтрона, мальчика-гения», «Котопес», «Монстры против пришельцев» и др. Программ для подросткового возраста представлены в виде: реалити-шоу («Макс и Шред», «Игроделы», «Опасный Генри», «Никки, Рикки, Дикки и Дон»), телесериалов («Колдовская история», «Виктория победительница», «Ох, уж этот папа»), мультфильмов.

Соответствие детских телепередач культурным традициям государства. Опять же опираясь на особенности менталитета можно сказать, что передачи для детей на телеканале «Nickelodeon» соответствуют данному принципу.

Развитие субъективности ребенка в социальном мире. Этот принцип соблюден частично, так как полезной и развивающей информации в сетке вещания телеканала очень мало. Если мультфильмы для самых маленьких являются образовательными и поучительными, то контент, предназначенный для детей постарше больше напоминает взрослую телепродукцию.

Креативность детских телепередач. Для американского детского контента это один из главных принципов. Как уже отмечалось ранее, практически весь эфир составляют развлекательные шоу, которые предполагают яркость, эпатажность, креативность.

Целостность детских телепередач. Полное несоответствие детских передач данному принципу. На телеканале нет ни одной телепередачи, которая бы объединяла в себе семейные традиции, школьное образование и педагогические задачи.

Проведенный анализ позволяет нам дать оценку влияния детского телеканала на развитие, образование и психику ребенка.

ДЕТСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО КОНТЕНТА

Положительное влияние на данном телеканале оказывают только некоторые мультсериалы. Можно выделить в данной категории «Дашу-путешественницу», мультфильм, который помогает детям познавать мир и обучаться вместе с главной героиней.

К негативному влиянию можно отнести большое количество развлекательных телепередач, а также анимационные образы героев, которые не всегда эстетичны (монстры, приведения, нереалистичное изображение персонажей).

ВЫВОДЫ

На основе анализа можно сделать вывод, что российское телевидение для детей возвращается к традициям отечественного телевидения, уделяя большое внимание производству образовательного и воспитательного контента. На американском телеканале присутствует телевизионный продукт воспитательного содержания, однако, большую часть сетки вещания все же составляют развлекательные проекты.

Преимуществом детского телевидения является возможность дистанционного обучения, развития и развлечения большой аудитории юного зрителя. Однако важно не только создавать контент для детей, но и исследовать его эффективность и влияние. Так как телевидение оказывает сильное воздействие на психофизическое состояние ребенка. Именно поэтому просмотр телепередач, мультфильмов должен быть дозирован.

Для создания качественного телевидения для детей необходимо привлекать психологов, педагогов, имеющих четкое представление о полезных способах восприятия детьми информации и ее смысловой нагрузки.

Список литературы

1. Вартанов А. С. Российское телевидение на рубеже веков проблемы, программы, лица / А. С. Вартанов. — М.: Книжный дом «Университет», 2009. — 480 с.
2. Горюнова Н. Л. Художественно-выразительные средства экрана / Н.Л. Горюнова. — М.: Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2000. — 39 с.
3. Дунаецкая Н. Взрослые проблемы детского телевидения [Электронный ресурс] / Н. Дунаецкая — Режим доступа: <http://www.tabu.org.ua/?fname=1168641830&level=1&templ=t1>
4. Егоров В. В. Телевидение: Страницы истории / В.В. Егоров. — М.: Аспект-Пресс, 2004. — 202 с.
5. Кузнецова Г. В. Телевизионная журналистика / Под ред. Г. В. Кузнецова, В. Л. Цвика, А. Я. Юровского. — М.: Высшая школа, 2002. — 368 с.
6. Ожерельева А. Обзор: Детское телевидение в России и США / А. Ожерельева // Интернет-журнал «ТВ-дайджест» [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.tv-digest.ru
7. Официальный сайт «Карусель» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.karusel-tv.ru>
8. Рохлин А. М. История отечественного телевидения / А.М. Рохлин. — М.: Аспект-пресс, 2008. — 128 с.
9. Сайт телеканала «Nickelodeon» на русском языке [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.nickelodeon.ru>
10. Violence in the Media – Psychologists Help Protect Children from Harmful Effects // American Psychological Association, February 19, 2004. – URL: <http://www.apa.org/research/action/protect.aspx>

CHILDREN'S TELEVISION IN THE CASE OF RUSSIAN AND AMERICAN CONTINENT

Smetanina M.O., Oleneva A.A.

The article is focused on the development of children's television as in example of Russian and USA channels. In the introduction is marked actuality of the topic, the purpose of the article and tasks. Actuality of the research is: since the late 20th century television for children in Russia, and in America, is undergoing a crisis, since the children's television content is not of national importance, when would be clearly defined goals, objects and the development of children's television. Young spectator is faced with sameness programs by genre, subject matter, which is narrowed, on many TV channels has practically disappeared the concept of differentiation of television by age groups. The increasing role played by the commercialization of television broadcast. On national television channels is not enough or not at all educational, cultural programs. Doing this kind of program is not economically profitable. Almost half of the children's television belongs to the animated genre of American and Japanese production.

The purpose of research - to study the specifics and problems of children's television as in example of the Russian and American content.

In connection with the intended purpose, the following problems have been identified:

- To analyze the domestic and foreign literature and resources devoted to history of television for children;

- Select the requirements for children's television programs;

- To characterize modern trends of development of children's television;

- Carry out a comparative analysis of the American and Russian content for children;

- Identify the specific features of children's television in the example of TV programs.

Research Sources - children's television program "Carousel" (Russia) and the United States «Nickelodeon».

The article presents the facts from the history of children's television in the Soviet Union and the United States, marked the goals that states set for themselves in developing children's television. Covered qualifying standards of children's television programs: ecological compatibility, socio-cultural and psychological adaptability of television production, its compliance with the age peculiarities of spectators, compliance children's television to the cultural traditions of the state, the development of the child's subjectivity in the social world, creativity of children's TV programs and the wholeness of the children's TV programs. Analyzed the accordance of the content of children's television «Carousel» (Russia) and «the Nickelodeon» United States by these principles. In the end was drawn a conclusion. Based on the analysis, we can conclude that Russian television for the children returns to the traditions of the national television, paying great attention to the production of educational and pedagogical content. On American television channel children's programs present educational content, however, most of the broadcasting schedule is still full of entertaining projects.

Keywords: children's TV, content, Russia, the United States.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 070

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В 2014-2015 ГОДАХ

Егорова Л. Г., Ладинская А. А.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: legora@list.ru*

В статье проанализированы изменения в информационном пространстве Республики Крым в 2014-2015 гг. в связи с переходом полуострова в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: Республика Крым, медиапространство, печатные СМИ, проблематика изданий, тематическая направленность.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование выполнено в рамках панорамного анализа поликультурного медиапространства Республики Крым и служит цели создания полнотекстовой базы данных печатных СМИ полуострова.

Цель статьи – проанализировать изменения в информационном пространстве Республики Крым в 2014-2015 гг. в связи с переходом полуострова в состав Российской Федерации.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

По состоянию на 15 марта 2014 г., в Республике Крым (РК), согласно данным Республиканского комитета по информации, было зарегистрировано 2662 печатных издания. Из них реально выходили 229 изданий, из которых 200 газет, 23 журнала и 6 других периодических изданий. По периодичности 26 изданий являлись ежедневными, 125 – еженедельными, 58 – ежемесячными, 11 – ежеквартальными и 9 – ежегодными. Из 229 фактически выходящих зарегистрированных изданий 38% были классифицированы как общественно-политические, 19% – информационные, 15% – рекламные, 12% – научно-популярные, 8% – издания для досуга, 5% – религиозные, 3% – учебные и 1% – спортивные [3].

Коммунальные издания, 23 наименования, составили 11% от общего количества печатных СМИ. 58 изданий, или 24%, были учреждены государственными или партийными структурами. В процессе анализа негосударственного сегмента печатных СМИ, составившего 65% от общего

количества фактически выходящих зарегистрированных печатных изданий на территории Крымского полуострова, было установлено, что: учредителем негосударственной прессы у 72 печатных изданий выступает частное лицо, у 18 – трудовые коллективы, у 15 – частное предприятие, у 45 – общество, община, духовное управление, союз.

В связи с переходом Крыма в состав Российской Федерации информационное пространство полуострова претерпело кардинальные изменения. Мы проследили трансформацию медиапространства РК в 2014-2015 гг. Анализ базы данных Роскомнадзора позволил сделать вывод, что по состоянию на 09.12.2015 г. общее количество зарегистрированных печатных СМИ в Крыму составило 166 наименований (для сравнения: 2662 зарегистрированных и 229 фактически выходящих издания по состоянию на 15 марта 2014 г.).

Такая тенденция, по нашему мнению, обусловлена тем, что медиарынок Крыма ранее был наполнен общеукраинскими изданиями, которые имели представительство на полуострове либо выпускали отдельный вкладыш, посвященный Крыму: так, например, 15 из покинувших медиапространство РК СМИ оказались именно такими изданиями («Телескоп», «Теленеделя» и т.д.). Некоторые крымские издания, например «Хаверим», «Благая весть» и «Извор», не прошли перерегистрацию в Роскомнадзоре и также ушли с медиарынка Республики. Наоборот, в медиапространство полуострова в 2015 году вошли, например, такие издания, как «Новая газета», «Новый Крым» и «Наша газета».

Представим краткое описание ситуации, сложившейся вокруг некоторых выходящих до момента принятия Крыма в состав Российской Федерации изданий.

Например, последнее упоминание о деятельности «Караимской газеты» датируется 12.02.2014. «Караимская газета» издавалась начиная с 12 марта 2005 года, считаясь ежемесячной газетой, и являлась основным источником изучения культуры и жизни караимов Крыма. Газета «Извор», которая выпускалась с 1997 года ежемесячно, по состоянию на 09.12.15, на сайте Роскомнадзора также не зарегистрирована. Издание ориентировано на продвижение болгарской культуры Крыма, играло важную роль в процессе объединения болгар и стимулировало изучение болгарского языка и культуры. О функционировании еврейской газеты «Хаверим» нет никаких сведений; в Роскомнадзоре не зарегистрирована.

Информационно-политическая газета «Первая Крымская» была вынуждена прекратить деятельность в середине 2015 года, т.к. осталась без должного финансирования. Об этом написано на официальном сайте газеты с призывом граждан помочь и пожертвовать определенную сумму для дальнейшего издания «1К».

Издание «Регион Крым», принадлежавшее «Партии Регионов», начиная с 2014 не издавалась; в Роскомнадзоре не зарегистрировано.

Газета «Кримське слово» прекратила свое существование после присоединения полуострова к России. Журналы «Теленеделя», «Теленеделя. Программа передач» и «Телескоп» также перестали функционировать, поскольку являлись филиалами украинских развлекательных журналов. Помимо этих журналов, полуостров покинули «События», «Комсомольская правда в Украине»,

«Дзвін Севастополя», «Флот України», «Кримський діалог», «Вестник юстиции» и другие издания – филиалы украинских редакций.

Несмотря на то, что более 60 периодических изданий, а также некоторые телеканалы и радиостанции покинули полуостров, в 2015 году начали функционировать новые в крымском медиапространстве СМИ. После того, как Крым покинули телеканал АТР, вышеперечисленные печатные издания и радио «Лидер», на медийную площадку вышли телеканал Millet, радио «Море» и газеты «Новая газета», «Новый Крым» и «Наша газета».

В ходе анализа мы установили, что среди 166 зарегистрированных печатных СМИ РК преобладают одноязычные издания. Так, 122 издания выпускаются исключительно на русском языке, 28 газет – на русском, английском, украинском и крымскотатарском языках, двуязычными являются 13 изданий (из них: 10 – с русским и английским и три – с русским и украинским языками), три издания выходят на крымскотатарском языке.

Данные нашего исследования подтверждают справедливое замечание профессора Г. Ю. Богданович о том, что, «оставаясь носителем национальной ментальности и языка, человек, участвуя в совместной деятельности с представителями других национальностей, вбирает, а то и «присваивает» черты другой культуры, что отражается в характере реального общения, стратегии и тактике дискурсов» [1, с. 20]. По мнению ученого, большая объединительная роль в Крыму принадлежит русскому языку, на основе которого строятся и универсальные коммуникативные модели. Мы солидарны с позицией исследовательницы, отметившей, что, «являясь фактором региональной идентичности, русский язык снимает напряженность межличностных отношений, служит средством общения с представителями других культур, выполняет общественно значимую роль транслятора сведений о культуре совместно проживающих народов» [1, с. 24].

В процессе анализа функционирования рынка печатных изданий РК в 2014-2015 гг. было также выявлено, что 50 изданий из 166 учреждены государственными / партийными структурами. Что касается 116 негосударственных изданий, то учредителем у 60 выступает частное лицо, у 48 – общество с ограниченной ответственностью, у 8 – общественные организации и общины.

По состоянию на конец 2015 года, из 166 зарегистрированных в РК изданий 44% могут быть отнесены к общественно-политическим, 17% – к информационным, 15% – рекламным, 9% составляют научно-популярные издания, 8% – издания для досуга, 4% – религиозные, 2% – учебные и 1% – спортивные издания.

К общественно-политическим изданиям, которые насчитывают 44% от общего количества зарегистрированных печатных крымских СМИ, относятся такие газеты, как «Крымские известия», «Крымская правда», «Крымское время», «МК в Крыму», «Новый Крым», «Авангард», «Большая Ялта», «Сельская новь» и др. Информационные издания, в частности «Крымский телеграфЪ», «Ялтинские вести», «Кафа», «Регион Керчь», «Своя газета», «Вечерний город», составляют 17% от зарегистрированных печатных СМИ Крыма. 15% печатных изданий занимают рекламные СМИ: например, «Недвижимость Крыма», «Крымская недвижимость», «Объявления Крыма», «Что? Где? Почему?», «Недвижимость Севастополя», «Сорока Крым» и др. К научно-популярным, составляющим 9% рынка печатных крымских

СМИ, относятся «Ливадийские чтения», «Врачебное слово», «Агромир», «Целительная сила», «Историческое наследие Крыма», «Military Крым», «Ялта православная» и др. Сегмент печатных изданий для досуга составил 8% медийного пространства Крыма. Сюда вошли такие издания, как «Ялос», «Теленеделя», «Полуостров сокровищ», «Крымская пятница» и другие. К религиозным изданиям, 4% от всего числа крымских печатных СМИ, причислены «Хидает», «Ялта православная», «Жизнь и благословение» и др. Учебные печатные СМИ зафиксированы на позиции 2%, к ним могут быть отнесены «Тасиль», «Полиграфист Тавриды», «Южный бульвар». Издания спортивного сегмента медиапространства РК составили, как и ранее, один процент от общего количества зарегистрированных изданий Республики Крым (например, «Таврия спорт»).

В ходе исследования нами была проведена классификация печатных изданий Крыма по их тематической направленности, то есть, согласно Единому отраслевому Классификатору печатных СМИ, характеристике освещаемых в издании вопросов, во взаимосвязи с целевой аудиторией издания.

Можем отметить, что тематические издания, в частности журналы, специализирующиеся на определенной отрасли, посвящают все материалы главной теме издания. Например, журнал «Крымская свадьба» в тематике статей ограничивается свадебными советами, модными тенденциями и рекламирует свадебные салоны и рестораны. Рекламно-информационные издания, например, «Сорока Крым», специализируются на рекламной информации, размещая объявления из различных сфер деятельности общества (работа, недвижимость, строительство и ремонт и др.) и рекламу.

Чтобы обозначить тематические предпочтения крымских периодических изданий, мы проанализировали отдельные издания полуострова, отличные друг от друга по направленности.

«Крымская правда» – ежедневная газета, состоящая из четырех полос. Первая полоса посвящена общественно важным, актуальным проблемам. Вторая полоса обычно отводится вопросам экономики, может содержать продолжение материала с первой полосы. На третьей полосе публикуются интервью, очерки или комментарии первых лиц Крыма. Последняя полоса «КП» предназначена для досуга, рекламы, новостей культуры и спорта (см. рис 1.). Проанализировав примерно 100 номеров за 2014-2015 годы, мы выявили, что в «КП» преобладают общественно-политические материалы. В политической проблематике отдается предпочтение текстам, которые освещают деятельность власти в позитивном ключе. Обычно это результаты заседаний сессии Госсовета, интервью с первыми лицами Республики, презентация реформ, планов на будущее и т.д. Негативной оценки действия власти в «Крымской правде» не наблюдается. Социальной проблематике в «Крымской правде» уделяется должное внимание. В газете публикуются материалы об общественно важных проблемах, в частности в секторе ЖКХ и социальных выплат, а также различного рода советы.

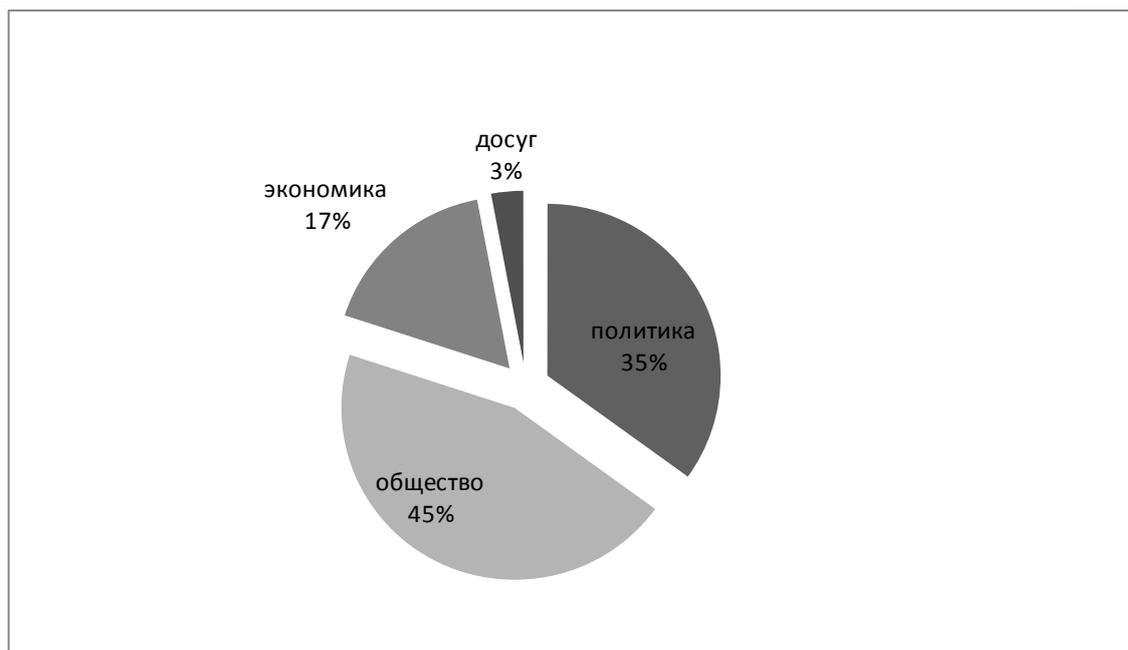

Рис. 1. Тематические предпочтения издания «Крымская правда»

А вот 4-полосная газета Государственного Совета Республики Крым «Крымские известия» делает упор на политической тематике. Из почти 100 проанализированных выпусков большая часть материалов относилась к политической проблематике и была опубликована на первой полосе или развороте в категориях «Госсовет» и «Статьи». В основном это новости политической жизни Крыма и России. В рубрике «Экономика» зачастую публикуются проблемные и полемические статьи, заметки с новостями и комментарии экспертов. Большое внимание уделяется также общественным проблемам. Новостям культуры и спорта отведена половина последней полосы (см. рис. 2).

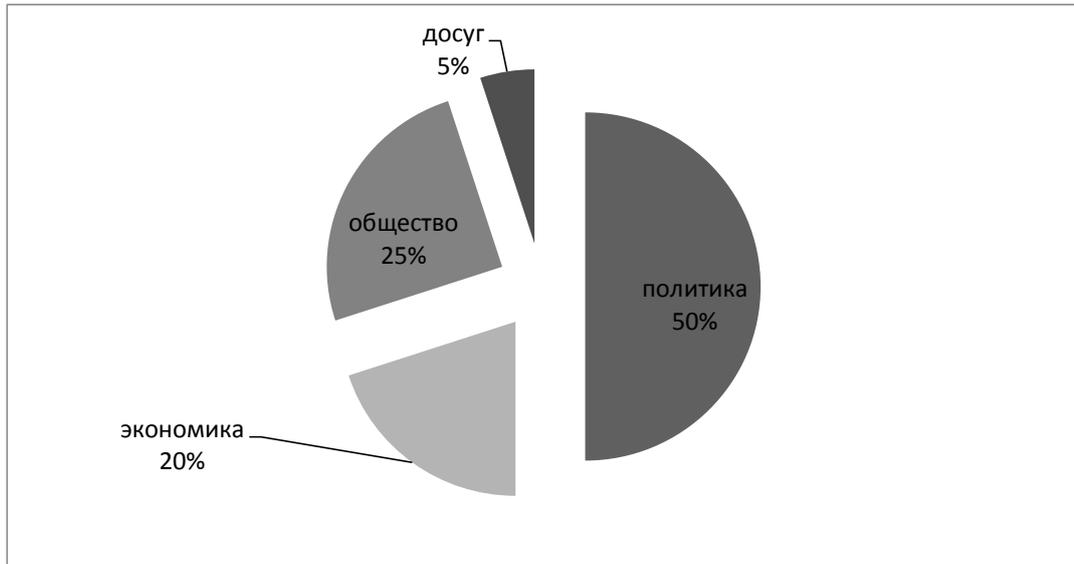

Рис. 2. Тематические предпочтения издания «Крымские известия»

Еженедельник «Аргументы и Факты. Крым» уделяет большое внимание общественной тематике, под нее выделено несколько рубрик: «Общество: События», «Общество: ЖКХ», «Общество: Люди», «Общество: Семья». Более 60% проанализированных выпусков (примерно 100 номеров) выпускались исключительно под рубрикой «Общество». Политическая тематика в «Аргументах и фактах» сведена к минимуму, отмечалась в 10% проанализированных выпусков, публиковались лишь самые важные новости политики (см. рис. 3).

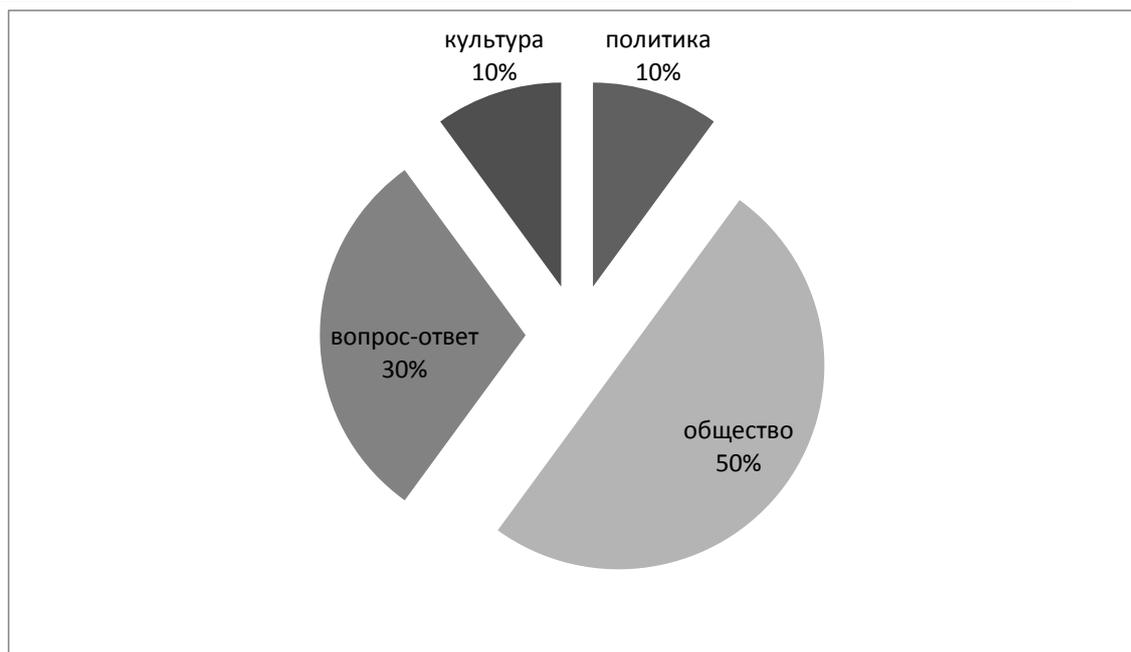

Рис. 3. Тематические предпочтения издания «Аргументы и факты. Крым»

ВЫВОДЫ

В период с 2014 по 2015 годы медиапространство Республики Крым претерпело значительные трансформации: по разным причинам прекратили свое существование примерно 60 изданий, один телеканал и одна радиоволна. В этот же период отмечено появление трех печатных СМИ, одного телеканала и одной радиоволны.

В ходе изучения материалов ведущих изданий региона было выявлено, что газеты «Крымская правда» и «Крымские известия» отдают предпочтение освещению политической сферы жизни общества: так, политическая проблематика на страницах данных СМИ составляет 50%, социальная – 25%, проблемам экономики уделяется 20% от всего количества информации, 5% занимают культура и досуг. «Аргументы и Факты. Крым», наоборот, больше внимания уделяют социальной проблематике – более 60%, в газете популярна рубрика «Вопрос-ответ», которой отводится не менее 20% от всей информационной насыщенности номера. Политической и экономической проблематике уделяется по 10% информации издания.

Перспективным представляется дальнейшее изучение преобразования медиапространства Крыма в новых общественно-политических условиях.

Список литературы

1. Богданович Г.Ю. Полилингвокультурная ситуация и полилингвокультурный феномен как термины межкультурной коммуникации / Г.Ю. Богданович // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – №1. Ч. 1. – С. 20-25.
2. Главное управление юстиции Министерства юстиции Украины в АРК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minjust.crimea.ua>
3. Егорова Л. Г. Печатные СМИ Крыма: разработка медиапрезентации / Л. Г. Егорова, М. А. Чумичева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Том 26 (65). – № 3. – С. 110 - 120.
4. Роскомнадзор. Перечень наименований зарегистрированных СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rsoc.ru/mass-communications/reestr/media/?letter=%CD>

MEDIA SPACE TRANSFORMATION IN THE REPUBLIC OF CRIMEA IN 2014-2015

Yegorova L., Ladinskaya A.

The article deals with analysis of changes in the information space in the Republic of Crimea in 2014-2015 due to its integration into the Russian Federation.

According to the data provided by Republican Information Committee for 15, March 2014, 2662 printed media were registered in the Republic of Crimea (RC). Among them 229 ones were really issued, which included 200 newspapers, 23 magazines and journals and 6 other periodical press. By frequency, 26 periodicals were daily, 125 ones were weekly, 58 ones were monthly, 11 ones were quarterly, and 9 ones were yearly. Out of 229 actually issued and registered periodicals, 38% was classified as socio-political ones, 19% was identified as informational media, 15% was determined as advertising ones, 12% was singled out as popular scientific ones, 8% was referred to as leisure periodicals, 5% was labelled as religious ones, 3% was attributed to educational sphere, 1% was categorized as sports ones.

Because of the annexation of Crimea to the Russian Federation, informational space of the peninsular has dramatically changed. Media space transformation of RC in 2014-2015 was investigated. Analysis of data of Russian Inspection Committee has proven that for 09, December 2015 the overall number of registered printed media in Crimea equals 166 (compared to 2662 registered and 229 actually issued for 15, March 2014).

Key words: the Republic of Crimea, media space, printed media, subject matter, thematic orientation.

УДК 82-92

**ДИФфуЗИЯ ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ В ПЕЧАТНЫХ СМИ
НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ «КРЫМСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ»
И «НОВЫЙ КРЫМ»**

Криворученко Е. Ю., Калугина А. Ю.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: kaluginastasia@bk.ru, kruvorychenko.cat@gmail.com*

Освещается явление диффузии жанров журналистики. На примере двух печатных изданий Крыма проиллюстрированы современные тенденции трансформации, происходящие в системе жанров журналистики, в частности в системе печатных изданий, изучены изменения в данной системе, доказывающиеся процесс взаимопроникновения элементов одних жанров в другие. Демонстрируются примеры использования в печатных СМИ жанров журналистики в «чистом» виде. Проанализированы различные точки зрения теоретиков журналистики и журналистского мастерства касательно современного состояния системы жанров журналистики, изучены тексты печатных СМИ и принадлежность их той или иной группе жанров; создается базис для дальнейшего изучения явления диффузии современных журналистских текстов.

Ключевые слова: жанр, диффузия, СМИ, журналистика, система жанров журналистики, текст.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация стилистических свойств в современной журналистике усилилась в конце XX века, что привело к появлению такого понятия, как жанровая диффузия. Появилась необходимость определить новые пути к подходу, анализу, а также изучению всей жанровой системы журналистики, которая тоже сама по себе претерпела кардинальные перемены. Структура текстов СМИ стала источником для исследований такими теоретиками журналистского мастерства, как А.И. Акопов, М.Н. Ким, Л.Е. Кройчик, Г.В. Лазутина, М.М. Лукина, С.В. Ляпун, Г.С. Мельник, С.С. Распопова, А.Н. Тепляшина, А.А. Тертычный и другие. Кроме выявления жанров смешанного типа был сделан акцент на поиске жанров в «чистом» виде. Они, как известно, в наше время редко встречаются на страницах газет, журналов и в Интернет-СМИ.

Вопрос о системе жанров становится одним из главных и ключевых в современной практической журналистике и в журналистской науке.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что современный жанр журналистики требует постоянного наблюдения. С течением времени его границы сужаются или, наоборот, расширяются. Один жанр входит в пространство другого. Так, некоторые жанры и вовсе исчезают со страниц печатных СМИ, а также в онлайн-пространстве, которое выставляет свои требования к текстовому медиaproдукту. Журналисты пользуются более доступными и привычными форматами подачи материала.

Благодаря исследованию можно наблюдать современные тенденции в системе жанров журналистики, которые демонстрируют картину жанровой палитры региональных газет. Акцентировано внимание на основных жанрах информационной и аналитической групп, а также элементах художественно-публицистических жанров. Новый подход к системе жанров, отслеживание новых структур каждого отдельного жанра свидетельствуют о новизне нашего исследования.

Цель данной работы - показать и доказать наличие процесса диффузии жанров на примере периодических печатных региональных изданий (еженедельные газеты «Крымский ТелеграфЪ» и «Новый Крым»)

Исследование и анализ жанров журналистики в региональных печатных СМИ – основная задача работы. Определялся ряд и других задач:

- поиск «чистых» жанров;
- поиск жанров, наиболее подверженных диффузии в региональных печатных СМИ;
- изучение и анализ текстов газет «Крымский ТелеграфЪ» и «Новый Крым»;
- наблюдение над взаимопроникновением элементов различных групп жанров.

Диффузия жанров исследована посредством таких методов, как изучение и анализ печатных СМИ, сравнение двух объектов печатных СМИ, наблюдение над информационными, аналитическими и художественно-публицистическими жанрами, изучение тематической литературы, изучение материалов журналистов-теоретиков и практиков.

В качестве объекта исследования выступила жанровая палитра печатных СМИ региона (в данном случае – 2 газеты АР Крым). Предметом исследования является процесс диффузии жанров журналистики в текстах этих газет.

Значимость для теории журналистики выявлена в том, что данная тема имеет ряд понятий, определения которых впоследствии способны трансформироваться. Исследование может послужить основой для дальнейших наблюдений над взаимопроникновением современных жанров журналистики. На практике результаты данного исследования могут быть использованы в качестве базиса для формирования новых структур текста или путем возвращения в прежние границы жанров. Диффузные свойства жанровой палитры могут также повлиять на стилистические особенности авторов медиаматериалов; будут полезны при разработке практических и лекционных занятий по профильным предметам, изучаемым на факультетах журналистики («Жанры журналистики», «Введение в специальность» и т.д.).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Процесс «размывания» жанровых границ был отмечен еще в середине 1970-х В. В. Ученовой. В своих исследованиях автор отмечала, что: «Диффузия жанров способствует их взаимообогащению. Она является объективным результатом усложняющихся отношений человека и окружающей среды, поскольку отражает изменения, происходящие в сознании автора, что взаимопроникновение элементов одних жанров в другие способствует внутренним преобразованиям, происходящим в текстах» [5, с. 4].

Жанровая диффузия имеет определенные причины.

Согласно научной позиции А.А. Тertyчного, изложенной в работе «Состояние и перспективы развития системы жанров российских СМИ», на жанры, их элементы и структуру влияют:

- Становление рыночных отношений в России;
- Процесс глобализации и проникновение западных СМИ на информационный рынок России;
- Снижение статуса журналистики в российском обществе;
- Снижение профессионализма журналистов;
- Изменение предметно-тематического поля СМИ;
- Пропаганда жанровых форм западной журналистики в ходе обучения журналистов;
- Формирование стереотипов информационных ожиданий аудитории [4].

В настоящее время из-за влияния вышеперечисленных факторов одни жанры практически ушли с газетной полосы (очерк, фельетон, передовая статья, обзор печати), другие, напротив, усилили свое присутствие (интервью, комментарий, эссе).

Приметой современной газетной полосы стали рекламные тексты и тексты PR-характера. Наконец, некоторые теоретики и практики СМИ стали выделять новые жанры: журналистское расследование, исповедь, версию, беседу, пресс-релиз.

Жанры журналистики были исследованы многими журналистами-теоретиками ещё с прошлого века. Можно сделать вывод, что жанр – понятие исторически сформированное. И продолжает изменяться, будучи системой одновременно закрытого и открытого типа. Сегодня, под воздействием современных СМИ журналистики нового времени, этот процесс активизировался. Вопрос о принадлежности жанра к той или иной группе остается открытым, пока развивается журналистика. *Жанр* – форма, для которой журналист собирает информацию. Это понятие близко понятию *текста*, но они неоднородны, так как *текст* – это предмет, который вкладывают в *жанр*.

В ходе работы были также изучены основные этапы процесса жанрообразования и рассмотрены научные подходы к классификации в современной системе жанров журналистики в печатных СМИ. Данная теория послужила платформой для изучения жанров и для практического исследования.

Можно утверждать, что каждый текст, оформленный в определенный жанр, подвержен диффузии. У каждого жанра, как мы выяснили, есть определенные требования и характерные черты. При явлении процесса диффузии некоторые черты могут терять свои свойства, некоторые элементы могут исчезать и появляться новые, заимствованные из других групп жанров. «Размываются» границы информационных и аналитических жанров. Появляется такое понятие как «взаимопроникновение».

На основании изученных нами жанров журналистики и проанализированных журналистских текстов в печатных СМИ можно утверждать, что диффузии

наиболее подвержены такие жанры, как расширенная заметка, репортаж, интервью, корреспонденция, статья.

Границы размыты почти в каждом жанре журналистики. При этом следует сослаться на слова Марка Григоряна: «При всем уважении к теории (а если верить ей, то в журналистике выделяется больше сорока жанров) не могу не сказать, что журналисты, реально работающие в редакциях, как правило, не думают о тонкостях жанровых различий, которые им преподавали на журфаках. В действительности они «видят» значительно меньшее количество жанров, чем в учебниках. Можно говорить о том, что российская теория журналистских жанров отстает от практики и нуждается в пересмотре» [3, с.9].

ВЫВОДЫ

С течением времени в связи с постановкой новых вопросов перед обществом и журналистом жанры «обновляются». Они трансформируются. Данный процесс можно наблюдать постоянно. Практическая журналистика реагирует на потребности общества и на те задачи, которое оно перед ней ставит, так как журналистика развивается вместе с событиями и явлениями окружающего мира. Динамика диффузии происходит регулярно, а значит, тема требует широкого и постоянного изучения.

В нашей работе анализ текстов печатных СМИ показал, что в газете «Новый Крым» больше информационных жанров, чем аналитических и художественно-публицистических. Это прослеживалось при изучении выпусков газеты за трехмесячный период.

Количество так называемых «чистых» жанров, в основном, отнесено к информационной группе. Остальные жанры имеют неклассическую форму. Изменена структура подачи текста. В газете «Новый Крым» были зафиксированы жанры журналистики, которые включали в себя элементы других групп жанров. Так, в информационную группу жанров были включены элементы аналитики. В аналитическую – элементы информационной группы или художественно-публицистической. На основании проведенного исследования выявлено, что в газете «Новый Крым» 55% всех жанров были подвержены диффузии.

В информационные жанры проникли элементы аналитической группы жанров. 45% всех текстов в газете «Новый Крым» за изучаемый период были написаны авторами в так называемых «чистых» жанрах. В основном, эти жанры – заметки, собранные по классической структуре жанра.

В газете «Крымский ТелеграфЪ» аналитическая группа превалирует над информационной и художественно-публицистической. 35,6% всех текстов издания за трехмесячный период были подвержены диффузии. Основное число представлено аналитическими жанрами. 64,4% - жанры в «чистом» виде.

Было изучено по 12 выпусков газет за трехмесячный период: 106 материалов из газеты «Крымский ТелеграфЪ», 100 текстов из газеты «Новый Крым».

Проведенное исследование позволяет определить состояние современной системы жанров на региональном уровне, а также отметить, что диффузии подвержены информационные и аналитические группы жанров журналистики. Посред-

ством анализа текстов мы выявили основные единицы и элементы, заимствованные одной группы жанров из другой, и пришли к выводу, что такое явление, как диффузия, будет существовать и развиваться, пока развивается журналистика.

Список литературы:

1. «Крымский Телеграфъ» – Газета. – АР Крым, 2015 – выпуски № 330-342
2. «Новый Крым»- Газета. – АР Крым, 2015 – выпуски № 20-32
3. Григорян М. В. Пособие по журналистике / М. В. Григорян. – М.: Права человека, 2007. – 192 с. – С.9.
4. Тертычный А.А. Состояние и перспективы развития системы жанров российских СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Тертычный. - Режим доступа <http://www.mediascope.ru/node/675> Проверено 01.03.16
5. Ученова В.В. Современные тенденции развития журналистских жанров/ В. В. Ученова //Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1976.– №4.

DIFFUSION OF GENRES OF JOURNALISM IN PRINTED MEDIA ON THE DATA OF REGIONAL NEWSPAPERS « THE CRIMEAN TELEGRAPH» AND « THE NEW CRIMEA»

Kryvoruchenko K. Yu, Kalugina A. Yu.

Transformation of the stylistic properties in modern journalism intensified at the end of the XX century, which led to the appearance of such a phenomenon as a genre diffusion. That caused a need to research new approaches to the analysis and study of the entire journalism genre system, which has also suffered drastic changes.

The subject matter of genre system turns out to be a key and one of the most important issue in the modern practice of journalism and journalistic science.

The relevance of this investigation lies in the fact that the modern genre of journalism requires constant monitoring. Over time, its borders either become narrow or expand. One genre overlaps the other. Thus, some genres completely disappear out of printed media as well as out of online space, which imposes its own requirements for text media products. Journalists tend to use more accessible and familiar way of introducing material.

The provided analysis reveals current trends in the system of genres of journalism, which illustrate a genre variety of regional newspapers. The attention is paid to the major genres of informational and analytical types as well as to some elements of artistic and journalistic ones. A new suggested approach to the genre system, investigating new structures of each genre contributes to originality of the paper.

The purpose of this article is to show and prove the existence of genre diffusion process on the data of two weekly regional periodicals "The Crimean Telegraf" and "The New Crimea" during 3 months period. Examination of genres of journalism in the regional printed media is considered the main task of the work.

The object of the study is the genre diversity of the printed media in the region (in particular, 2 Crimean newspapers). The subject is the process of diffusion of genres of journalism in the texts of these newspapers.

When the process of diffusion takes place, some features may lose their properties, some items may disappear and new ones borrowed from other spheres might appear in the genre. Boundaries of informational and analytical genres have been demonstrated to blur. The phenomenon of "interpenetration" is noticed to emerge. The review of the genres of journalism and journalistic texts in the printed media claims that such genres as extended tip, reportage, interviews, correspondence and etc. are most likely to undergo diffusion.

The boundaries are vague in almost every genre of journalism.

The research outlines modern state of genre system at the regional level and determined the group of journalism genres subject to diffusion, among which are information and analysis. Key elements and units borrowed from one group into the other genres are specified. It is concluded that the phenomenon of diffusion will exist and develop while journalism evolves, too.

Keywords: *genre, diffusion, media, journalism, journalism genres system, text.*

УДК 070 + 004.738.5: 316.77

СПОРТИВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ГАЗЕТЕ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА»

Московчук Д. К.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: denis.fcis14@gmail.com*

В статье поднимается актуальная и интересная тема для крымских СМИ, как подаются материалы на спортивную тематику. Проводится анализ таких понятий, как имидж СМИ и его продвижение, изучаются разные подходы к типологии имиджа СМИ, элементы, составляющие имидж и его функции, имидж спортивной отрасли СМИ рассматривается как продукт информационной политики и наиболее значимый для продвижения объект управления.

Ключевые слова: спортивная проблематика, информация, целевая аудитория, средства массовой коммуникации.

ВВЕДЕНИЕ

Республика Крым – спортивный регион. Поэтому актуальность приобретает подача материалов на спортивную тематику. Газета «Крымская правда» – одно из старейших крымских изданий, и спортивная проблематика занимает в ней не последнее место.

Почти 30 лет спортивные достижения на страницах газеты фиксирует заслуженный журналист Украины и Автономной Республики Крым, мэтр крымской журналистики, лауреат Международного рейтинга популярности «Золотая фортуна – 2000» – Гарринальд Михайлович Немировский. В активе спортивного обозревателя большой опыт работы, огромный жизненный багаж и десять написанных книг о советском и крымском футболе, где он попытался максимально отразить события того времени. Его материалы в газете написаны не только доступным языком, но и вызывают у читателя эффект присутствия. Информация о спорте содержится в каждом номере. Как правило, это обзоры чемпионатов различных стран по разным видам спорта и аналитические материалы.

Объектом исследования послужили материалы спортивной направленности, опубликованные в газете «Крымская Правда» за июнь-ноябрь 2015 г.

Цель статьи – описать жанровую палитру спортивной проблематики в газете «Крымская правда».

Определялись следующие **задачи** исследования:

1. Обозначить место спортивной проблематики в газете «Крымская правда»
2. Описать жанровое своеобразие спортивной проблематики в региональной газете.
3. Отметить авторский почерк спортивного журналиста.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

При написании статьи авторами – спортивными обозревателями «Крымской правды» преимущественно используются такие жанры, как обзор и авторская статья, а также интервью.

Жанр публикации	Месяц						
	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Всего
Обзоры	11	11	9	13	19	11	74
Интервью	0	1	0	0	0	0	1
Авторские статьи	5	10	7	3	2	3	30
Итого	16	22	16	16	21	14	105

Футбол считают спортом номер один в мире, поэтому большинство материалов посвящено ему. Остальные публикации отражают ситуацию в не менее динамично развивающихся спортивных отраслях: волейбол, борьба, лёгкая атлетика, тяжёлая атлетика, армспорт, фигурное катание, художественная гимнастика и др.

Автор публикаций – прямолинейный, поэтому его тексты всегда отражают реальную действительность, что, безусловно, является приоритетным для читателя. Исследования контента свидетельствуют о том, что в некоторых статьях автор наряду с позитивной позицией, подвергает кого- или что-либо конструктивной критике. Так, например, недавно он критиковал УЕФА за бездействие по отношению к профессиональному чемпионату Крыма по футболу. Уже давно не является секретом скандал по поводу того, что в декабре 2014-го года три крымских футбольных клуба: «ТСК» (Симферополь), «СКЧФ Севастополь» и «Жемчужина» (Ялта) были исключены из состава РФС (Российский футбольный союз) усилиями со стороны ФФУ (Федерация футбола Украины).

Г. М. Немировский так описывает происходящие события:

«Мы говорим сегодня о футболе. И именно по этому поводу ФФУ с июня забросало штаб-квартиры международной и европейской футбольных ассоциаций ворохом всевозможных жалоб, сводящихся к вопросу: «Хочу того не знаю чего?». Ведь иначе требование вернуть крымские команды из первенства России в чемпионат Украины иными словами и не охарактеризуешь».

«Не сомневаемся, что об этом знает и специальная комиссия УЕФА, которая вот уже несколько месяцев изучает этот вопрос и проводила несколько совместных встреч футбольных чиновников из ФИФА, УЕФА, РФС и ФФУ. Они-то имели возможность убедиться в непреклонности украинской стороны идти на разумное сотрудничество, а порой просто-напросто избегающей этих встреч, более того, с ослиным упрямством настаивающей на том, чтобы симферопольская «Таврия» и ФК «Севастополь» (почившие уже в бозе не без активного участия ФФУ) сменили место своего базирования на территории «аннексированного» Крыма и

перебрались жить, тренироваться и выступать, скажем, в Херсон, Житомир или какую-нибудь Жмеринку. Конечно, никто и никогда всерьёз это не воспримет даже при самых «зубодробительных» санкциях хоть со стороны самого чёрта».

Конечно же, в этих строках присутствует некая жёсткость, но ведь все прекрасно понимают сложившуюся ситуацию. В первый раз в своей истории Крым оказался под угрозой лишения профессионального футбола.

Другие же статьи, напротив, несут в себе положительные высказывания.

Автор, не стесняясь, апеллирует к футбольным чиновникам, показывая, что следует делать, чтобы улучшить ситуацию.

Как и любой профессиональный спортивный обозреватель, Г.М. Немировский давно ведет статистику различных спортивных мероприятий.

Вот, к примеру, фрагменты материалов, которые отражают это:

«Символическая сборная 15-го тура: вратарь Гильермо («Локомотив», 2 вызова в сборную); защитники - Алексей Козлов («Динамо», 2), Дмитрий Верховцев («Уфа», 1), Андреас Гранквист («Краснодар», 2), Виталий Денисов («Локомотив», 4); полузащитники - Адилсон («Терек», 2), Павел Мамаев («Краснодар», 3), Олег Иванов («Терек», 2); нападающие - Гекдениз Карадениз («Рубин», 2), Фёдор Смолов («Краснодар», 2), Евгений Луценко («Мордовия», 3)». Здесь составляется список лучших игроков, которые заявлены за различные команды, принимающие участие в Премьер-Лиге чемпионата России по футболу.

«Вновь десятка лучших бомбардиров чемпионата приобрела законченный вид: Денис Шевчук («Рубин») - 9, Редван Османов («Бахчисарай») - 8, Юрий Пleshаков (СКЧФ) - 6, Евгений Одинцов («ТСК-Таврия»), Николай Хомич («Евпатория»), Никита Коляев («Океан»), Сергей Чеботарёв («Кафа») - по 5, Евгений Прокопенко (СКЧФ), Заур Казиев («ТСК-Таврия»), Матвей Бобаль («Бахчисарай») - по 4 мяча». Эти данные А это он составляет список бомбардиров в профессиональном чемпионате Крыма по футболу.

Что примечательно, Гарринальд Михайлович отводит значительную часть материалов посвящает важному аспекту – детскому спорту. С каждым днём вчерашнее подрастающее поколение заявляет о себе уже в большом спорте. Весь этот процесс корреспондент очень подробно описывает: это обзоры чемпионатов ДЮФЛ, международные соревнования, персональные материалы и многое другое.

«Первенство Крыма среди юношеских коллективов с каждой неделей набирает темп. И всё чаще и чаще мальчишки удивляют своих поклонников, среди которых не только их самые преданные болельщики - папы и мамы, дедушки и бабушки, родственники и приятели, но и зачастую люди, которые любят искренний футбол, демонстрируемый мальчишками возрастом от восьми до шестнадцати лет».

«Хорошо, что мальчишки имеют ныне возможность учиться футболу под руководством тренеров-энтузиастов, тренироваться и состязаться со своими сверстниками. Моё поколение детей войны было лишено всего этого. Играли в разновозрастных командах на пустырях и дорогах. Порой лучших из нас после «пацанских» боёв звали сыграть в свои команды взрослые (мы их называли между собой «мужики»), многие из которых прошли фронтовыми дорогами, но остались верными любимой игре. Но именно из тех «пацанов» и выросли футболисты, ставшие кумирами советских людей. Не сомневаюсь, имей тогда они возмож-

ность показаться в рядах европейских клубов - стали бы легендами мирового футбола, какими запомнились всем отечественные уникальные вратарь Лев Яшин и форвард Эдуард Стрельцов!».

Читая газету, также можно найти и статьи, которые отражают положение дел в женском спорте. Этому журналист тоже уделяет достаточное внимание, тем более что нашим спортсменкам есть, чем похвастаться.

«Сегодня будут названы имена чемпионки Универсиады в женском волейболе, где россиянки, обыграв в полуфинале японок - 3:0, играют за «золото» с украинками. А вот нашим ватерполисткам, переигравшим в четвертьфинале американок - 9:8, сегодня предстоит полуфинальный матч с австралийками. Вчера вечером завершились полуфинальные матчи волейболистов, в которых россияне играли с аргентинцами, а украинцы - с бразильцами. Словив сопротивление канадцев на баскетбольной площадке - 68:61, наши парни застолбили за собой место в четвертьфинале. Уверенно продолжают продвигаться к играм плей-офф наши гандболисты: мужчины взяли верх над турками (31:21), а женщины - над чешками (37:21).

Когда завершалась работа над этим обзором, приятная весть для крымского спорта пришла из подмосковного Ерина, где проходит розыгрыш Кубка России по лёгкой атлетике. Наконец-то, люди, отвечающие за развитие «королевы спорта» в стране, отважились, как говорится, без всяких экивоков допустить к официальным стартам имеющих российское гражданство известных крымских мастеров лёгкой атлетики заслуженного мастера спорта Веру Ребрик из Ялты и мастера спорта международного класса Валерию Мару из Симферополя. И, думаю, не пожалели об этом. Ребрик победила в метании копья (63.15), показав лучший результат в стране в нынешнем сезоне, выполнив норматив для участия в чемпионате мира в Пекине, а Мара финишировала первой в беге на 3000 м с препятствиями (9.51,49). Отметим, что эти два вида весьма дефицитны в российской женской лёгкой атлетике».

На основании обработанных материалов можно сделать **ВЫВОД**, что, даже несмотря на сложившуюся ситуацию в Крыму, в издании «Крымская Правда» спортивная проблематика представлена разнопланово; подача материала осуществляется с использованием разнообразной жанровой палитры опытного журналиста, что позволяют читателю, ежедневно следить за спортивными событиями и быть в курсе всех новостей.

Список литературы

1. Крымская Правда [Электронный ресурс] / Крымская Правда - Режим доступа: www.cpravda.ru.

SPORT PROBLEMS IN THE NEWSPAPER «CRIMEAN PRAVDA»

Moskovchuk D. K.

Actual and interesting topic for the Crimean mass media related to sport problems discussed in this article. The analysis of such concepts as image of mass media and its development is carried out, different approaches to a typology of image of mass media, the elements making image and its functions are studied, image of sports branch of mass media is considered as a product of information policy and the most significant object of management for advance.

The object of study is based on newspaper publications related to sport, published in the newspaper «Crimean Pravda» in June-November 2015. Sports publications are present in every newspaper edition: reviews various countries championships in various sports and analytical publications.

These publications are written in the newspaper is not only readable, but also cause in the reader the effect of presence.

The aim of this article - to describe the problems of sports in the newspaper «Crimean Pravda».

It can be concluded that, independently on the situation in the Crimea, the Crimean Pravda» sport publications differ from each other; presentation of the problems is carried out using a variety of journalists skills, that allow the reader to follow the daily sport events and be in the focus of all news.

Keywords sports issues, information, target audience, the means of mass communication.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1.09

ЯВЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦИКЛИЗАЦИИ В РУССКОЙ КОМЕДИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Александрова И. В.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

В статье исследуются идейные основы и художественные принципы циклизации в комедии начала XIX века, выявляются проблемно-тематические и эстетические доминанты, обеспечивающие художественную целостность и единство комедийного цикла. Драматургическая циклизация рассматривается как художественное явление, существенное для развития русской литературы 1800 – 1830-х годов – эпохи поиска крупной повествовательной формы, способной обеспечить широкий охват действительности.

Ключевые слова: комедия, цикл, А. А. Шаховской, М. Н. Загоскин, пространственно-временная организация.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к циклизации как историко-литературному явлению обострился во второй половине XX века и не иссякает и по сей день. Циклизация стала осмысливаться как самостоятельная литературоведческая проблема, включающая и теоретико-литературный аспект. Однако внимание исследователей, изучающих процессы циклообразования и функционирования различных видов структурных единств, сконцентрировано в основном на циклизации эпических и лирических форм (работы В.В. Виноградова, Л. Я. Гинзбург, В. А. Сапогова, В. И. Тюпы, М. Н. Дарвина, К. Исупова, Л. Г. Акопяна, Л. В. Спроге, И. В. Фоменко, Л. Е. Ляпиной и др.). Русская драматургия же в соответствующем аспекте чрезвычайно редко становилась предметом научной рефлексии (здесь можно вспомнить, пожалуй, лишь работы пушкинистов о «Маленьких трагедиях», а из последних обращений к проблеме – диссертации Е.Р. Абдулаевой о цикле М. Цветаевой «Романтика» и Е.В. Никулиной о цикле одноактных пьес Л. Петрушевской [1; 6]). Эти обстоятельства и обусловили **актуальность** и **новизну** данного исследования.

Его **цель** – проанализировать идейные основы и художественные принципы циклизации в русской комедии первой трети XIX века, выявить циклообразующие связи между отдельными комедийными текстами.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Как известно, в 1820 – 1830-е годы в отечественной литературе появляется большое количество прозаических циклов («Двойник, или Мои вечера в Малороссии» А. Погорельского, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Повести Белкина» А. С. Пушкина, «Вечер на Хопре» М. Н. Загоскина и мн. др.). Это явление эксплицировало устремленность русских писателей к укрупнению повествователь-

ных форм (напомним, что романа как такового еще нет) и, таким образом, к более широкому эпическому охвату действительности.

Драматурги-комедиографы тоже не остались в стороне от этих художественных поисков. В 1800 – 1830-е годы создается ряд комедий, которые составили своеобразные драматургические циклы: трилогия А. А. Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» (1808) – «Чванство Транжирина, или Следствие полубарских затей» (1823) – «Бедовый маскарад, или Европейство Транжирина» (1832), его же пьесы «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815) и «Какаду, или Следствие урока кокеткам» (1820), дилогия М. Н. Загоскина «Господин Богатонов, или Провинциал в столице» (1817) и «Богатонов в деревне, или Сюрприз самому себе» (1820). Эти прецеденты, как представляется, заслуживают исследовательского внимания. Обращение к явлению художественной циклизации в комедии первой трети XIX века поможет осмыслить некоторые существенные закономерности литературной жизни этого периода.

Процесс циклизации – это формирование идейно-художественного единства относительно автономных произведений. «Литературная энциклопедия терминов и понятий» дает сходное определение: «это объединение нескольких самостоятельных произведений в особое целостное единство» [5, с. 1190].

Рассматриваемые в данной статье художественные явления можно определить, опираясь на терминологию, предложенную М. Н. Дарвиным, как вторичные циклы, т. е. такие, которые складываются на основе объединения пьес, написанных авторами в разное время, в отличие от первичных, произведения в которых создаются писателями специально для данного структурного единства, с учетом определенного места в цикле. Выделяя первичные и вторичные циклы, исследователь опирался на анализ лирических произведений [3, с. 58-66], однако, думается, подобное разделение вполне применимо и к циклам в драматургическом роде литературы.

Внешне семантическая целостность каждого из упомянутых циклов проявляется уже на уровне заглавий входящих в них пьес. Каждая последующая номинация «подхватывает» слово или словосочетание, входящее в предыдущую, недвусмысленно сигнализируя, таким образом, о связи обозначенных комедий на уровне сюжетов или действующих лиц.

Все пьесы в рамках одного цикла связывает единство идейно-тематического задания. Объектом художественного осмысления драматургов являются определенные свойства человеческой природы, пороки и нелепые чудачества. Из одной в другую комедию Шаховского и Загоскина переходят те же герои, характеры которых испытываются разными обстоятельствами. В результате возникает оригинальное жанровое образование – пьесы с продолжением, «сценический сериал», «сиквел».

В начальные десятилетия XIX века еще сохраняет свое значение картезианское понимание характера как неизменного, изначально заданного и «пороков» как универсальных для природы человека. Свидетельством усвоения русскими комедиографами таких представлений и стали циклы пьес, объединенных фигурой главного героя и варьирующих ситуацию его осмеяния.

Герой трилогии Шаховского – вчерашний откупщик Транжирин, русский «bourgeois gentilhomme», «новопечатный» дворянин, породнившийся в свое время со знатью, разоряющийся из-за желания во всем подражать «большим людям». Сю-

жет первой пьесы цикла – «Полубарские затеи, или Домашний театр» – основан на центральной фабульной ситуации мольеровского «Мещанина во дворянстве», однако автор не прибегает к прямому подражанию французскому образцу, а создает комедию «в духе» Мольера, насыщая ее реалиями русской действительности. Предметом осмеяния драматурга становится «собственно русская страсть к домашним, или холопским, театрам» [12, с. 25] – развлечению, чрезвычайно популярному в помещичьей среде. Стремясь во всем подражать дворянам и «перещеголять всех соседей», Транжирина «скропал из слуг» подобный театр, не замечая, что актеры его неграмотны и бездарны, а репетируемый спектакль, по меткому определению одного из героев, – «собачья комедия» [11, л. 7]. Воспроизводя транжиринские методы «руководства» труппой, драматург показывает героя невежественным человеком, самодуром, жестоким крепостником, притесняющим крестьян, ставших по его прихоти актерами. В подобных сценах осмеяние обретает сатирические обертоны. Этот аспект сохраняется и в последующих пьесах цикла.

Комедии о Транжирине обличают мотовство «новых дворян» (что закреплено и в фамилии-характеристике героя), их спесь, чванство, неумение управляться с помещичьим хозяйством. Автор осуждает стремление героя к одворяниванию. Имитирование уклада дворянской жизни, копирование поведения дворян приобретает, как и у Мольера, гротескные формы.

При всей гуманистической направленности комедий «транжиринского» цикла Шаховской всё же остается на позициях своего сословия. Самодурство Транжирина, полное отсутствие у него нравственных принципов ставится в прямую зависимость от его незнатного происхождения. Эта авторская интенция, воплощенная в первой пьесе, экстраполируется на все составные части цикла.

Связь всех комедий «транжиринского» цикла, их смысловое взаимодействие друг с другом прямо и непосредственно акцентированы в тексте завершающей его пьесы, «Бедовый маскарад, или Европейство Транжирина». Родственник главного героя замечает, что тот совершенно не переменялся со временем: «Новые декорации, а главное действующее лицо всё то же, что барилось в своем холопском театре и рассыпалось мелким бесом в обеих столицах» [7, л. 6].

Тема «мещанина во дворянстве» в сходной оранжировке разрабатывается и в комедийном цикле М. Н. Загоскина о Богатонове. Его герой – дворянин, но «из простых», мечтающий сравняться со знатью. В первой пьесе – «Господин Богатонов, или Провинциал в столице» – он владелец винного завода и суконной фабрики, живший безвыездно в деревенской глуши и вздумавший на старости лет перебраться в Петербург, где завел пышный дом, стал сорить деньгами и общаться со знатными людьми, которые его безбожно обирают. Богатонов карикатурен в стремлении подражать столичным аристократам во всем: в costume, манерах, преклонении перед французской культурой, в устройстве дома и библиотеки.

Трактовка мольеровского характера центрального героя имеет у Загоскина свою специфику. Богатонов совершенно утрачивает присущее Журдену поистине детское восхищение перед открывшимися ему «науками». Аристократическое общество одновременно и привлекательно для героя Загоскина, и вызывает некоторое недовольство (к примеру, Богатонова возмущает отсутствие у светских людей обы-

чая торговаться при покупках, тогда как здравый смысл подсказывает герою необходимость торга). Для Журдена подобная амбивалентность восприятия людей светского круга абсолютно невозможна.

Во второй пьесе о Богатонове мишенью насмешки Загоскина становится стремление героя слепо следовать распространившимся в обществе либеральным идеям и подражать популярным в России начала века помещичьим попыткам рационализации сельского хозяйства. Вдохновившись идеей «крестьянского самоуправления», Богатонов заменил старосту и десятских выборными «депутатами» и устранился от заботы о своих мужиках: «...я теперь ни во что не мешаюсь; а если сделается какая экстра, то мои депутаты сойдутся в сборную избу, да и почнут меж собой толковать, – ну вот, ни дать, ни взять, как в парламенте» [4, с. 282]. Но эта «система» не выдерживает проверки жизнью: во время пожара депутаты спорят, как его можно потушить, вместо того чтобы принимать конкретные меры. Авторская позиция выражена словами положительного героя: «... не все то, что прилично для государства иного, может быть кстати для твоей деревни» [4, с. 282], то есть критикуется не европейская парламентская система, а ее непригодность для русской деревни, в которой, по мнению Загоскина, испокон веку существовали традиционные национальные формы управления, патриархальные отношения между бариним и крестьянами.

Любопытно авторское отношение к герою, пронизывающее все пьесы о Богатонове: для Загоскина он просто чужак, и при всей его глупости и комизме поступков заслуживает не только осмеяния, но и некоторой доли сочувствия положительных персонажей – как жертва обмана, заблуждающийся человек, способный в финале увидеть свои ошибки и устремиться к их исправлению.

Небезынтересен своеобразный эксперимент Шаховского, предпринятый им в комедии «Какаду, или Следствие урока кокеткам», ставшей продолжением «Липецких вод»: его цель – выяснить, способны ли безнравственные люди изменяться под влиянием среды. Драматурга интересует, как поведут себя уже знакомые персонажи в изменившейся ситуации. Он показывает, что начавшееся в определенной части общества умственное движение достигает и светских гостиных: происходит переоценка ценностей, побеждают здоровые нравственные начала; кокетство, волокитство, острословие выходят из моды, предпочтение отдается скромности, благочестию, готовности службой приносить пользу отечеству, стремлению к напряженной умственной жизни, просвещению. Способно ли изменившееся общество оказать плодотворное влияние на порочные натуры? Из пьесы Шаховского следует, что нет. Драматург объясняет в письме редактору «Московского вестника», что хотел «представить дух времени, который заставил кокетку удариться в смирение, а пустого светского любезника казаться дельным человеком» [10, с. 195]. Граф Ольгин и княгиня Лелева действительно уловили новые веяния в обществе, стараются подстроиться под них, но эти изменения в героях поверхностны. «Характеры действующих лиц остались старые, только в новом положении» [9, с. 75], – констатирует драматург.

Таким образом, свойства героев на протяжении действия всех пьес каждого из циклов не изменяются. Константность характеров была связана с метафизиче-

ским восприятием окружающей действительности и призвана подчеркнуть устойчивость, стабильность мира, в котором живут герои.

Проанализированные пьесы, с одной стороны, сохраняют свою автономность, а с другой – составляют циклическое единство, позволяющее дать развернутую характеристику меняющейся среды («представить дух времени» [10, с. 195], по словам Шаховского).

В рассмотренных комедиях циклообразующую функцию выполняют и принципы группировки персонажей. Если в пьесах о Транжирина и Богатонове действие моноцентрично, то есть концентрируется вокруг фигуры главного героя, то в мини-цикле, включающем комедии Шаховского «Липецкие воды» и «Какаду», выделение такого героя затруднительно: все персонажи важны с точки зрения характеристики современных писателю нравов. В данном случае персонажная система каждой из этих пьес строится по принципу ансамбля: все действующие лица включаются в общую интригу.

На основании анализа названных пьес можно выделить ряд идейно-художественных признаков, отличающих комедийные циклы начала XIX века.

1. К базовым циклообразующим факторам относится принадлежность к единой жанровой системе, единство проблематики и конфликтов, общность сюжетных коллизий и мотивов, образно-стилистического решения, единая авторская оценка изображаемых в пьесах социально-нравственных явлений.

2. Пьесы объединяются в цикл на основе наличия сквозных персонажей (как главных, так и второстепенных).

3. В рамках цикла наблюдаются сходные принципы организации драматического действия и персонажной системы (или моноцентричной, или ансамблевой).

4. Маркерами циклического единства комедий становятся их названия, связывающие имена действующих лиц, те или иные явления, обстоятельства.

5. Для циклов характерна автономность произведений, входящих в их состав: каждая пьеса обладает сюжетной полнотой и завершенностью, изображаемая ситуация – один из вариантов проявления характера героя в ряду подобных (однотипных) обстоятельств (т. е. налицо вариативность в развитии темы); отдельное произведение может быть извлечено из контекста, что и происходило на практике, т. е. при его представлении на сцене.

6. Драматические циклы отличает единая пространственно-временная организация: действие каждой из пьес разворачивается в одном месте в течение суток, но объединение комедий в цикл позволяет авторам, с одной стороны, дать представление о разных проявлениях современной им русской действительности, а с другой – достичь воплощения единого мирообраза.

7. Структура цикла, порядок взаимного расположения его частей задается автором в соответствии с последовательностью разворачивания сюжета (т. е. используется хронологический принцип).

Циклизация давала возможность расширить жанровые потенции комедии: обеспечивала объёмное воссоздание действительности, ее обобщенное изображение, «поднимая» центрального героя до масштабов комедийного типа. Вариативность в развитии темы создавала иллюзию значительной длительности событий,

происходящих в разных местах, что было существенно ввиду еще сохраняющегося в комедиях начала XIX столетия (но всё чаще осознаваемого как рудимент) единства времени и места.

О том, что художественные возможности драматургической циклизации становились предметом рефлексии отечественных драматургов первой трети XIX века, свидетельствуют рассуждения А. А. Шаховского в письме к П. М. Бакуниной, впоследствии опубликованном в виде статьи в журнале «Пантеон». Прообраз циклического единства пьес автор «Липецких вод» обнаруживает в драматических трилогиях Эсхила. Он предлагает возродить на русской почве эту забытую форму, дабы избежать затруднительной для многих драматургов ситуации, связанной с необходимостью следовать традиционному единству места и времени. Действие каждой из частей цикла, по мнению Шаховского, может разворачиваться в разное время и в разных местах, связываться же между собой части будут «нравственным смыслом» [8, с. 70], то есть общей идеей. Классическим единствам драматург противопоставляет «единство соучастия» [8, с. 70] зрителей происходящему на сцене.

ВЫВОДЫ

Цикличность, безусловно, не стала определяющим принципом для русской драматургии, однако имела свое значение. «Комедия – не всеобщая история, не всеобщая картина человечества или общества, даже не роман, не биография. Комедия – отрывок», – отмечал П. А. Вяземский [2, с. 149]. Комедийные циклы 1800 – 1830-х годов явились существенной заявкой на преодоление этой фрагментарности, попыткой изобразить более полную картину современной авторам российской действительности.

Художественные искания русских комедиографов спустя десятилетия подхватит А. В. Сухово-Кобылин в «Драматической трилогии», части которой («Свадьба Кречинского», «Смерть Тарелкина», «Дело»), отличающиеся в жанрово-стилистическом плане, объединят общие герои, проблемы, единая авторская концепция русской жизни середины XIX века.

Список литературы

1. Абдулаева О.Р. Драматичний цикл «Романтика» у творчості і долі М. І. Цветаєвої. Автореферат дисс. ... канд. філол. наук [Текст] / . – Харків : ХНПУ ім. Г. С. Сковороди, 2007. – 20 с.
2. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика [Текст] / П. А. Вяземский. – М. : Искусство, 1984. – 464 с.
3. Дарвин М. И. Русский лирический цикл: Проблемы теории и анализа [Текст] / М. И. Дарвин. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 137 с.
4. Загоскин М. Н. Сочинения : в 7 т. – Т. 6 : Драматические произведения [Текст] / М. Н. Загоскин. – СПб. : Тип. И фототипия В. И. Штейн, 1889. – 747 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / Рос. Акад. наук, ИНИОН; гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
6. Никулина Е.В. Драматический цикл одноактных пьес Л. Петрушевской. «Квартира Коломбины» как художественное целое [Текст] / Е.В. Никулина // Вестник Томского государственного университета (Филология). – 2009. – № 328. – С. 27-30.
7. Шаховской А. А. Бедовый маскарад, или Европейство Транжирина. Комедия в 4 д. [Текст] / А. А. Шаховской. – Рукопись ОРКРК СПбГТБ. – Шифр 1. I. 3. 14. – 125 л.

8. Шаховской А. А. История театра. Вместо предисловия письмо к редактору Пантеона [Текст] / А. А. Шаховской // Репертуар русского и всех европейских театров. – СПб., 1840. – Ч. 2. – № 5. – С. 65-83.
9. Шаховской А. А. Письмо к издателю [Текст] / А. А. Шаховской // Сын Отечества. – 1820. – Ч. 60. – № 8. – С. 68-80.
10. Шаховской А. А. Письмо к издателю Московского Вестника [Текст] / А.А. Шаховской // Московский вестник. – 1828. – № 18. – С. 194-198.
11. Шаховской А. А. Полубарские затеи, или Домашний театр. Комедия в 5 д. с хорами и балетами [Текст] / А. А. Шаховской. – Рукопись ОРиРК СПбГТБ. – Шифр 1. V. 2. 3. – 57 л.
12. Шаховской А. А. Предисловие к «Полубарским затеям» [Текст] / А. А. Шаховской // Сын Отечества. – 1820. – № 13. – С. 11-26.
- 13.

**RUSSIAN COMEDY ART SCENE CYCLIZATION OF FIRST THIRD
XIX CENTURY**

Aleksandrova I.V.

The article examines the ideological foundations and artistic principles of cyclization in comedy in the beginning of the XIX century, the problem-thematic and aesthetic dominant providing artistic integrity and unity of comedy cycle are being identified. Dramatic cyclization is regarded as an artistic phenomenon, essential for the development of Russian literature 1800 - 1830-ies - the era of large-scale search of a narrative form, capable of providing a wide coverage of reality.

Keywords: comedy, cycle, A.A. Shakhovskoy, M.N. Zagoskin, character, plot, time-space organization.

УДК 821.161.2 – 2.029

ШЕКСПІРІВСЬКА ФРАЗЕОМАТИКА В ІНТЕРПРЕТАЦІЇ

БОРИСА ТЕНА

Бойкарова Л. Р.

*Таврійська академія ФДАОУ ВО «Кримський федеральний університет імені В. І. Вернадського»,
Сімферополь*

E-mail: Linure22@mail.ru

Борис Тен відомий насамперед як блискучий перекладач гомерівського епосу і творів давньогрецької драматургії. Але важливу роль у його творчому доробку відіграють також українські версії п'єс В. Шекспіра. Стаття присвячена з'ясуванню особливостей перекладу майстром фразеології і афористики драматичних текстів англійського класика. Борис Тен при перекладі фразеологізмів завжди намагається відшукати влучний адекватний вислів, знайти в українській мові відповідності, які б дозволили найбільш точно передати специфічні риси оригіналу. Він здебільшого оновлює ту чи іншу фразеологічну одиницю, але неодмінно орієнтується на контекст, його стилістичну тональність. Також Борис Тен майстерно передає поетичні афористичні вислови шекспірівських текстів. При перекладі таких висловів він, прагнучи бути якомога точнішим у передачі не лише духу, а й літери оригіналу, прагнучи якнайповніше зберегти шекспірівський мовний колорит, часом навіть вдається до калькування, але притому домагається природного й ненав'язливого звучання таких кальок в українському тексті.

Творчо використовуючи мовні формули, перекладач органічно вводить фразеологізми і афоризми у мовну тканину твору, інтерпретуючи їх відповідно до теми, контекстуально перетворюючи, надаючи їм нових емоційних відтінків і відбиваючи реалізацію трагедійної картини світу в шекспірівських драматичних текстах.

Ключові слова: Борис Тен, художній переклад, драматичний текст фразеологізм, афоризм.

ВСТУП

Стійкі словесні комплекси є важливими формотвірними компонентами ідіостилу письменника і становлять інтерес з погляду добору автором фразеологізмів, що визначається взаємодією інтралінгвістичних (семантичні та стилістичні властивості сталих сполук) та екстралінгвістичних (світогляд митця, коло висвітлюваних ним проблем та ін.) чинників, а також з точки зору функціонального навантаження цих мовних одиниць у художньому контексті. Фразеологія значною мірою сприяє ментальному розкриттю народності у мові, оскільки, як зазначав Б. О. Ларін, вони завжди опосередковано відображають погляди народу, суспільний лад, ідеологію своєї епохи, подібно до того як «ранкове світло відображається у краплі роси» [2, с. 52]. Фразеологічні одиниці відтворюються в мовленні у фіксованому співвідношенні семантичної структури і певного лексико-граматичного складу. Отже, найпершим завданням перекладача є передача сенсу й образності фразеологізмів, відтак збереження його прагматичного потенціалу [3, с. 30]. При виборі стратегії перекладу фразеоматики драматичного твору перекладачеві варто спиратися на визначення та відтворення функції ідіоматичних одиниць [7, с. 24].

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Перекладацька творчість Бориса Тена вирізняється новаторством у вживанні фразеологічних одиниць, яке полягає в широкому використанні фразеологічного багатства української мови, а також у численних оказіональних трансформаціях, що в комплексі сприяє досягненню адекватності оригіналу. Перекладач не обмежується лише інваріантом фразеологічних одиниць, а використовує різні варіантні компоненти, що допомагає уникнути їхнього стереотипного вживання, посилити чи уточнити їхнє значення, сприяє внесенню у контекст необхідного заряду експресії та збереженню стилістичного забарвлення оригіналу:

When did the tiger's young ones teach the dam [9] – *Чи тигренята мамір учать?* [5, с. 450]; *My hair doth stand on end to hear her / curses* [9] – *Встає волосся від її прокльонів* [5, с. 337].

Оказіональні трансформації фразеологічних одиниць у перекладах Бориса Тена не є випадковими, а вмотивовані стилістично та контекстуально. Вони підтверджують думку В. Н. Вакурова, що «основна причина будь-якої трансформації фразеологізмів – конкретизація їхнього значення, намагання прив'язати семантику, емоційне і стильове значення до конкретних, неповторних умов контексту» [1, с. 112]. Перекладач цілеспрямовано трансформує фразеологізми, порушує їхні традиційні асоціативні зв'язки, щоб передати емоційно-експресивне наповнення оригіналу, зберегти його етнозабарвлення чи відтворити аналогічні перетворення фразеологічних одиниць у першотворі.

Також одним із прийомів перекладача є трансформація фразеологізму за допомогою заміни його компонентів лексичними та контекстуальними антонімами. При цьому значення цілого виразу змінюється на протилежне. Часто такі заміни продиктовані оригіналом і відображають специфіку мовлення персонажів. Антонімічні трансформації створюють значний стилістичний ефект завдяки тому, що у мовленнєвій свідомості читача присутній одночасно й прототип фразеологізму, що дає змогу відчутти контраст між усталеним та оказіонально вжитим виразом:

For when no friends are by, men praise themselves [9] – *Не хвалять люди — сам себе похвалиш* [5, с. 496]; *Repent that e'er thy tongue / Hath so betray'd thine act...* [8] – *Сізіфів труд — коли полощеш мозок, / А він бруднішає* [6, с. 520].

У відтворенні фразеоматики Шекспірового тексту Борис Тен тримається принципу лексичної відповідності, нерідко вдаючись у цьому зв'язку до словотворення й формальних експериментів. Ось промовисті зразки з п'єс: *That I will shortly send thy soul to heaven, / If heaven will take the present at our hands* [9]. – *Що скоро дух твій я пошлю на небо, / Як небо прийме дар цей з наших рук* [5, с. 320]; *But yet I run before my horse to market: / Clarence still breathes; Edward still lives and reigns: / When they are gone, then must I count my gains* [9]. – *Що цим одруженням я осягну їх. / Та вбіг на торг я поперед коня: / Ще дише Кларенс, і Едвард на троні; / Не стане їх – полічим зиск в долоні* [5, с. 321].

Також оптимальним перекладацьким рішенням при перекладі фразеологізмів є пошук ідентичної фразеологічної одиниці за змістом, функцією та стилістичними характеристиками у мові перекладу. Так Борис Тен при перекладі фразеологізмів завжди намагається відшукати влучний фразеологічний вираз, оскільки використання таких відповідностей дозволяє найбільш точно передати іншомовний фра-

зоологізм мовою оригіналу. Здебільшого, оновлюючи їх, автор перекладу орієнтується на контекст, його стилістичну тональність. Необхідний ефект досягається через мимовільне зіставлення традиційного (узуального) та оновленого (оказіонального) вживання фразеологічної одиниці, адже нетрадиційна реалізація фразеологізму підкреслює його виразність, сприяє адекватному відтворенню певних контекстів першотвору. Це допомагає адекватно відтворювати емоційно-експресивну картину першотвору. Підтверджуємо яскравими прикладами: *Never came poison from so sweet a place* [9] – *Солодших уст ще не лилась отрута* [5, с. 325]; *I would I knew thy heart* [9] – *Коли б серця читать!* [5, с. 327]; *Well, more or less, or ne'er a whit at all ...* [9] – *Він пан або пропав, і не інакше* [5, с. 473]; *The day will come that thou shalt wish for me / To help thee curse this pois'nous bunch-back'd / toad* [9] – *Настане день – мене попросиш ти / Клясти з тобою злу горбату жабу* [5, с. 336]; *Your speech is passion: / But, pray you, stir no embers up* [8] – *Надто ти гарячий. Не воруйши жарин* [6, с. 437]; *Is this thy vow unto my sickly heart* [9] – *Твої слова, достойний Бекінгема, – / Немов бальзам мені на серце хворез* [5, с. 348].

Також при дослідженні проблем перекладу фразеології особливий інтерес викликають афоризми, що є важливим складником системи мовних засобів й ідіотилію автора першотвору і показником фразеотворчих можливостей перекладача. Афоризми належать до фразеологізмів-речень або усталених фраз. Вони відображають культурно-історичний досвід народу, а нерідко й особливості історичного розвитку даної мови. Н. М. Калашникова зазначає, що «афоризм є мікротекстом узагальнюючого характеру» [4, с.10].

Так Борис Тен майстерно передає афористичні поетичні вислови шекспірівських текстів. Перекладаючи їх, Борис Тен інколи навіть вдається до калькування з метою збереження шекспірівського мовного колориту. Як свідчить проаналізований матеріал, при створенні нових фразеологічних одиниць він чітко відчуває зміст афоризмів першотвору і враховує його при фразеологічному калькуванні. Доказом цього служить їх безперешкодне впізнавання читачем, завдяки вдалому використанню рими та метрики лінгвістична пам'ять рецептора легко вирізняє афоризми з-поміж інших фразеологічних одиниць: *Short summers lightly have a / forward spring* [9]. – *Коротке літо по весні – дочасній* [5, с. 362]; *There's beggary in the love that can be reckon'd* [8]. – *Жebraцька то любов, що знає міру* [6, с. 418]; *Patience is scottish, and impatience does / Become a dog that's mad...* [8] – *Терпіння – п'яний чад, а нетерпіння – / Скажений пес* [6, с. 510]; *To leave this keen encounter of our wits, / And fall somewhat into a slower methody* [10] – *Облишимо гострих доменів двобій / І перейдімо до мирної розмови* [6, с. 324]; *Forbear to sleep the night, and fast / the day; / Compare dead happiness with living woe* [10] – *Сну втримуйся вночі і постуй вдень, / Живу журбу порівнюй з мертвим щастям* [6, с. 396]; *Each hour's joy wrack'd with a week of teen* [10] – *Година щастя – тиждень горя й зла* [6, с. 387]; *Life's but a walking shadow* [10] – *Життя – рухлива тінь* [6, с. 410].

Створення таких влучних афористичних відповідників у перекладі Бориса Тена – ознака майстерності й сміливості. Однак до калькування перекладач удавався рідко, в основному він знаходив вдалі еквіваленти.

ВИСНОВКИ

Борис Тен тонко відчував найдрібніші смислові відтінки фразеоматики і афористики, що дозволило йому розширяти семантичні можливості виразу чи окремих його компонентів. А також творчо використовуючи мовні формули, перекладач органічно вводить фразеологізми у мовну тканину твору, інтерпретуючи їх відповідно до теми, контекстуально перетворюючи, надаючи їм нових емоційних відтінків і відбиваючи реалізацію трагедійної картини світу в шекспірівських драматичних текстах.

Список літератури

1. Вакуров В. Н. Основы стилистики фразеологических единиц (на материале советского фельетона) / В. Н. Вакуров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 175 с.
2. Ларін Б. О. Про народну фразеологію / Б. О. Ларін // Праці Х Республіканської діалектологічної наради. – К., 1961. – С. 52–64.
3. Латышев Л. Перевод : теория, практика и методика преподавания / Л. Латышев, А. Семенов. – М. : Академия, 2003. – 192 с.
4. Калашникова Н. М. Афористичность как черта идиостиля В. Токаревой : автореф. дис... канд. фил. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Наталья Марковна Калашникова. – Ростов-на-Дону, 2004. – 24 с.
5. Шекспір В. Твори : в 6 т. [переклад з англ.] – Т. 1. – К. : Дніпро, 1986. – 534 с.
6. Шекспір В. Твори : в 6 т. [переклад з англ.] – Том 5. – К. : Дніпро, 1986. – 693 с.
7. Bassnett-McGuire S. Translation studies / S. Bassnett-McGuire. – London : Methuen, 1980. – 176 p.
8. Shakespeare W. Antony and Cleopatra [Electronic resource] / W. Shakespeare. – Режим доступу : [William%20Shakespeare%20-%20Antony%20and%20Cleopatra.pdf](http://www.williamshakespeare.com/antonyandcleopatra.pdf).
9. Shakespeare W. Richard III [Electronic resource] / W. Shakespeare. – Режим доступу : http://absoluteshakespeare.com/plays/richard_III/richard_III.htm
10. Shakespeare W. The Tragedy of Macbeth [Electronic resource] / W. Shakespeare. – Режим доступу : <http://shakespeare.mit.edu/macbeth/index.html>

ШЕКСПИРОВСКАЯ ФРАЗЕОМАТИКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ БОРИСА ТЕНА

Бойкарова Л. Р.

Борис Тен известен прежде всего как блестящий переводчик гомеровского эпоса и произведений древнегреческой драматургии. Но важную роль в его творческом наследии играют также украинские версии пьес У. Шекспира. Статья посвящена переводу фразеологии и афористики в драматических текстах Шекспира, осуществленных Борисом Теном. При переводе фразеологизмов Борис Тен всегда пытается найти точное фразеологическое выражение, поскольку использование таких соответствий позволяет наиболее точно передать иноязычный оригинал. В основном, обновляя тот или иной фразеологизм, автор перевода ориентируется на контекст, его стилистическую тональность.

Борис Тен мастерски передает афористичные поэтические выражения шекспировских текстов. При переводе Борис Тен иногда прибегает к калькированию с целью сохранения шекспировского языкового колорита. Но при этом добивается естественного и ненавязчивого звучания таких фраз в украинском тексте. Творчески используя речевые формулы, переводчик органично вводит фразеологизмы и афоризмы в языковую ткань произведения, интерпретируя их в соответствии с темой, контекстуально преобразуя, предоставляя им новые эмоциональные оттенки, отражающие реалізацію трагедійної картини мира в шекспіровських драматических текстах.

Ключевые слова: Борис Тен, художественный перевод, драматический текст, фразеологизм, афоризм.

SHAKESPEARE'S PHRASEOLOGY IN BORIS TEN'S INTERPRETATION

Boykarova L. R.

Boris Ten is well-known as magnificent translator of Homer's epos and Ancient Greece dramatic arts. But the main roles in his oeuvre play also the Ukrainian versions of W. Shakespeare's plays.

The article under discussion is intended to examine the master's translations of phraseology and aphorisms of the English classical author's dramatic texts.

Boris Ten always tries to find good adequate phrase in phraseology translation, to find the equivalence in the Ukrainian language which would most accurately convey the specific features of the original. He mainly renews one or another phraseological unit but for certain he pays attention on the context and its stylistic tones. Also Boris Ten skilfully translates the poetic aphoristic phrases of W. Shakespeare's texts. When translating such expressions, trying to be as accurate as possible in the transfer of not only the spirit but also the letter of the original, he makes the most effort to keep the flavor of Shakespeare's language, sometimes even resorting to a loan translation, but besides seeking natural and unobtrusive sound of calks in Ukrainian.

Creatively using language expressions translator seamlessly introduces phraseological units and aphorisms in linguistic texture of literary work, interpreting them according to the themes, turning contextually, giving them new emotional colours and reflective implementation tragic picture of the world in Shakespeare's dramatic texts.

Key words: Boris Ten, art translation, dramatic text, phraseological unit, aphorism

УДК 821.161.1:1-924.71

МИФ О КРЫМЕ КАК О ВОСТОЧНОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ СТРАНЕ В ПОВЕСТЯХ АЗОВСКОГО ЦИКЛА (XVII ВЕК)

Курьянов С. О.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: so_k@inbox.ru*

В статье рассматривается один из этапов формирования второго варианта крымского мифа, сложившегося в XIV—XVII веках. Это миф о чужой мусульманской, враждебной русскому государству земле. Цикл повестей о взятии Азова и азовском осадном сидении донских казаков демонстрирует финальную стадию формирования этого мифа, не меняющего своей сути, но фиксирующего изменения в литературном мышлении русских писателей. Ничего существенно нового в плане информационного понимания Крыма азовские повести не добавляли, однако приближали Крым к русскому читателю более детальным описанием внешнего вида, обычаев и нравов его жителей, вызывая своеобразной экзотичностью описаний интерес к нему, а, следовательно, закладывая в воспринимающем сознание новые мифологические формулы.

Ключевые слова: древнерусская литература, крымский миф, крымский текст, азовский цикл повестей, Крым, крымские татары.

ВВЕДЕНИЕ

Крымский миф бесспорно является основой крымского текста. Без мифологической основы крымский текст, как и другие топические тексты, существовать не может.

Первый вариант крымского мифа формировался в течение первых веков русской письменности. Крещение князя Владимира в Херсонесе закрепило уже сформированный в древнерусской литературе миф о Крыме как святой православной земле. И поэтому, будучи землей далекой от границ Русского государства, Крым на протяжении X—XIII веков тем не менее воспринимался *своей чужой* землей [см. об этом: 8, с. 59—91].

Начиная со второй половины XIII века упоминание Крыма, воспоминания о Крыме из русской литературы практически уходят, а в конце XIV века о нем постепенно вновь начинают говорить, но теперь уже только как о земле *чужой*. Складывается новый миф о Крыме как о Восточной мусульманской стране. Более того, от мифа о святости Крыма с центром в Херсонесе авторы переходят к формированию мифа о порочности Крыма, при этом центром этого мифа становится вовсе не столица Крымского ханства, а крупнейший черноморский крымский порт, торговый центр и, что особенно важно, центр работорговли — генуэзский город Кафа (Феодосия), а также граница Великой Степи (которая в определенной степени еще воспринимается как *своя*) и *чужой* земли — Перекоп. Нередко в литературе этого периода крымский хан так и назван — «перекопский царь» [см., напр.: 7]. Впервые отношение к Крыму как к абсолютно *чужой* земле проявилось в произведениях Куликовского цикла — «Задонщине», летописной повести о Куликовской

битве, «Сказании о Мамаевом побоище». Все — конец XIV века. И все связаны одним именем — ордынского темника Мамаю. Рассказывая о событии, авторы всеми доступными им художественными средствами старались подчеркнуть несправедность действий бежавшего в Крым вражеского военачальника. Так в русской литературе начинает формироваться миф о Крыме как чужой, враждебной земле. Из Крыма совершаются набеги на Русскую землю, Крым сеет разорение и гибель [см.: 8, с. 91—136].

Из всех русских авторов XV—XVI веков, пожалуй, только Иван Грозный в своем послании Василию Грязному изменил общей тенденции, отойдя от нее, но не уничтожив. Сравнение Василия Грязного и его сподвижников с крымцами становится под пером Ивана Грозного инструментом жестокой иронии. Сарказм здесь достигается сравнением своих, русских, с чужими — крымскими татарами. И наличие положительных качеств у чужих и отсутствие их у своих делает русских мелкими, ничтожными, жалкими. Автору особенно хорошо известно, учитывая прошлое социальное положение и характер адресата, что именно такое сравнение будет наиболее болезненным для него. Авторская ирония, таким образом, лишь подчеркивает тот факт, что Крым — чужая земля, а его обычаи и культура — чуждые русскому человеку.

В XVII веке русская литература начинает меняться. В русской культуре и русской литературе становится заметен явный интерес к западноевропейской культурной и литературной традиции. Следствием этого становится появление литературных родов и видов, ей ранее не свойственных. Однако отношение к Крыму в литературе остается прежним, уже традиционным, поскольку даже бурные события начала XVII века не изменили внешнеполитической ситуации, а лишь актуализировали ее. Новые поэтические законы, постепенно входя в литературную жизнь, меняли способы преподнесения материала, в том числе и крымского, добавляя в крымский миф новые детали.

Поэтому **цель данной статьи** — показать своеобразие воплощения «восточного» варианта крымского мифа в цикле азовских повестей XVII века.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В повестях Азовского цикла — о взятии Азова и осадном сидении донских казаков — «исторической», «поэтической» и «сказочной», как их принято называть, прослеживается традиционное однозначно негативное отношение к крымцам и крымскому хану. Отличающиеся в жанровом и содержательном отношении (А. Н. Робинсон видел почти документальную точность в описаниях событий в первых двух и «объединение на легендарной основе» их в третью [11, с. 166, 175]), повести существенно отличаются и в плане эмоционального отношения к войскам противника, в том числе и к крымским войскам.

В «исторической» повести только упомянуто о том, что среди казаков, нацелившихся на захват Азова находился «посол турецкого царя греческия веры родом, зовомы по имени Фома Константинов, а по гречески Тома Ка<н>такузин», который выведал «у всего великого Донского Войска к Азову приступную думу, и послал в Азов с ызменными грамотами, ал из Азова велел послати в Крым для людей, и в Томан и в Керчь. И божиею милостию и пречистые Богородицы помощью и госу-

дарским счастьем, а войсковым радением тех изменников сы их изменными грамотами поймали» [2, с. 51—52]. Немногословность и точность в описании событий повести объясняется, по мнению исследователей, тем, что это «публицистическое произведение, призванное идеологически обосновать необходимость взятия крепости». Она «написана в агитационных целях. Хотя казаки захватили Азов самовольно, вопреки стремлению Московского правительства сохранить мир с Турцией, они хотели убедить царя Михаила Федоровича в пользу этого шага для Москвы и добиться военной поддержки. Отсюда особое почтение к имени царя, нарочитое упоминание о государеве жаловании — хлебных запасах, денежной и пороховой казне» [3, с. 48—49], которые волновали автора больше, нежели какие бы то ни было поэтические детали. «Сопоставление текста повести с текстами казачьих войсковых документов убеждает в том, что нашему автору эти документы были хорошо известны и широко привлекались им во время работы над повестью, хотя язык повести, по сравнению с языком документов значительно и, видимо, нарочито архаизирован» [11, с. 184], — заключает Н. А. Робинсон. Все черты литературности в повести об азовском взятии, констатирует ученый, «еще очень стеснены стремлением автора строго следовать принятой им манере документально-описательного изображения событий» [11, с. 187].

Еще более лаконична так называемая «документальная» повесть, которую А. С. Орлов считал непосредственно предшествующей «поэтической», ее источником, и которая была написана вскоре по приезде «станции» Наума Васильева в Москву в октябре 1641 года. В период подготовки Земского собора 1642 года она должна была сыграть определенную роль в агитации за принятие Азова под царскую руку и оказание казакам военной помощи. Для нее характерно отсутствие лиризма, эмоционально-экспрессивной прямой речи, образных сравнений. Все это позволило говорить о ее невысокой ценности как художественного произведения. Однако она замечательна лаконичной, точной и полной передачей главнейших событий героической трехмесячной осады Азова — с 24 июля по 26 сентября 1641 года, во время которой казаки отразили 24 штурма, 16 подкопов, выдержали артиллерийские обстрелы, когда турки в течение шестнадцати дней делали «по тысячи по шти сот выпусков», сбив городские стены и башни, разбив церкви и дома «по подошву». Потеряв три тысячи из пяти, защитники Азова тем не менее не согласились сдать Азов туркам за большой выкуп. Так же кратко рассказано о чудесах, сопровождавших осаду. Казаки видят во сне «жену прекрасну в багряной ризе» — Богородицу, «мужа древна, власата, боса» — Иоанна Предтечу, «их, атаманов и казаков, от иноплеменных от поганых заступающа и на поганья помогающа». От образа Иоанна Предтечи, «от суха древа» струей текут слезы, что подчеркивает особую Божью милость к казакам.

Но самое интересное, что осаждавшие Азов воины воспринимаются автором повести крымцами по преимуществу: в первоначальном виде произведение носило заглавие «Сказание о приходе Крымского царя и турецких пашей и о их приступех ко граду Азову» [см.: 5].

Значительно больше об участии крымских татар в осаде Азова находим в «поэтической» повести, время написания которой относят к началу 1640-х годов.

Это «произведение большой художественной ценности. В нем умело соединены формы чисто деловой письменности, живая устная речь в переговорах казаков с турецкими послами, приемы эпического повествования» [6, с. 110]. Главной особенностью этого произведения является его жанр: «...создавая свое произведение, — писал А. Н. Робинсон, — как воинскую повесть какого-то нового и еще незнакомого нашей литературе типа, автор предпринял своеобразное и смелое, творческое начинание». «Жанр повести — донская “войсковая отписка”, — единственный в своем литературном проявлении», вместе с другими произведениями конца XVI — XVII веков, в основу которых был положен тот или иной тип документа, знаменовал «собой начало широкого использования канцелярского языка в литературе, которое в первой трети XVIII в. сделалось в ней господствующим» [10, с. 99, 109].

Поэтому в «поэтической» повести действуют две стихии: документальная, которая способствует точной передаче исторических событий, и художественная, придающая повествованию повышенную эмоциональность, делая читателя (или слушателя) непосредственным участником Азовского взятия и сидения, сопереживателем и сочувственником происходящего, тем более, что казаки, захватившие Азов, являлись не просто их единоверцами, но борцами за православную веру, и чудеса, сопутствующие им, лишь поддерживали ощущение сопричастности к происходящему. Этот чисто литературный прием должен был способствовать тому (и к этому стремился автор), чтобы повесть воспринималась «как агитационно-патриотическое произведение, имевшее целью вызвать в московских читателях наибольшее сочувствие к героям-казакам, убедить в необходимости присоединения Азова к Московскому государству» [11, с. 195].

Уже в самом ее начале повествуется, что «воинских людей переписанной своей рати из-за моря, по спискам его, боеово люду браново 200 000, кроме поморских и кафинских черных мужиков, которые у них на сей стороне моря собраны и которые со всех орд их, и крымские и нагайские» (заметим: ополчение из Кафы и крымские орды) [9, с. 59]; «да с ними ж, пашами, пришел ис Крыму крымской царь, да брат ево нарадым и Крым Гирей царевич и калга, со всею своею крымскою и нагайскою ордою, да крымских и нагайских князей и мурзь и татар» [9, с. 60], «и крымской царь наступил на нас со всеми великими турецкими силами» [9, с. 61]. Перечислив состав вражеского войска, автор ловко переходит к передаче живого общения казаков с представителем осаждающих их врагов: «Ис почал нам говорить голова их яныческой словом царя своего турскаго и от четырех пашей ево, и от царя крымскаго речью глаткою: “О люди божии царя небесного! <...> Наступили есте вы на такую великую десницу высокую на государя царя турсково. <...> Осаждены вы теперво накрепко. <...> Разделили вы государя царя турсково тем Азовым городом со всею ево ордою крымскою и нагайскою воровством своим. А та у него орда крымская — оборона его великая на все стороны страшная. <...> Раздробим всю плоть вашу разбойничю на крошки дробныя!...» [9, с. 61—64]. Эта «глаткая» речь заканчивалась посулами: если отступят казаки и перейдут на сторону турецкого султана, «пожалует вас, казаков, он, государь наш турецкой царь, честию великою. Обогатит вас, казаков...» [9, с. 64]. Не менее пространная речь звучит в ответ: отказываются казаки служить султану, насмехаются над турками и татарами и грозятся: «...люди живут в украинских городех по валу от рубежа крымского и нагайского, и

тут бы собралось его государевых русских людей с одной той украины болши легеона тысящ. Да и такая ево государевы люди руския украинцы, что они жестоки на вас будут и алчны, аки львы яростные и неукротимые, и хотят поясти вашу живую плоть босурманскую» [9, с. 69].

Когда начался приступ, именно крымский хан отказался в нем участвовать. Об автор повести пишет с сочувствием, приводя доводы крымского царя, которые показывают в нем не только военачальника, но и человека, властелина, понимающего ответственность за своих воинов. Сочувствие автора здесь понятно, он видит в хане достойного противника, который уважительно относится к казацким заслугам: «В рати их почела меж их роздряга быти великая. Паши ж турецкие почали крычать на царя крымского, что не ходит он к приступу с ордою с крымскою. Царево слово к пашам и турченям: “Иже ведомы нравы казаки и обычаи. Приступами нам их николи не имывать — в осадах казаки люди жестокосердые. Под светом таких людей не видано и не слыхано! Развее нам на единую их казачью голову давати своих голов по 1000”» [9, с. 74].

Но победные эмоции в конце концов берут верх над размышлениями о тех или иных действиях противника, тем более, что все приобретает характер не простой воинской победы, но победы православных над «бусурманами»: война приобретает характер борьбы за правую веру, и перевес здесь на стороне казаков. Казакам послана «победа была с небеси», «дело божие, не рук наших» [9, с. 79]: «многия, атаманы и казаки, видели явно, что ото образа Иванна Предтеча течаху от очей ево слезы многия по вся приступы, а в первой день в приступное время видеху ланпаду, полну слез от ево образа». А во время казацких вылазок «все видеша бусурманы, турки и крымцы, и нагаи, мужа храбра и младова во одежде ратной со едином мечем голым, на бою ходяще, множество бусурман побиваше», то есть ангела небесного, помогавшего казакам. В помощь казацкому войску являлись святые Борис и Глеб, и видели турки и татары, как «два младыя мужика в белых ризах, с мечами голыми» бьют их [см.: 9, с. 79].

Эти видения, связанные с заступничеством Божиим за казаков, заканчиваются поголовным бегством турок и татар: «А сентября в 26 день в нощи от Азова города турецкие паши и с турки и крымской царь со всеми своими силами за четыре часа досвету, возметясь окояныи и вострепетась, побежали никем нам гоними с вечным позором» [9, с. 79—80]. «Пошли паши турецкие к себе за море, а крымской царь пошел в орду к себе» [9, с. 80]. И «языки в роспросе и с пыток говорили все единодушно, от чево в нощи побежали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами: “В нощи де в той с вечера было нам страшное видение. На небеси над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она против самого табору нашего, а перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные... <...> От того-то страшнаго видения <побежали мы> без пашей наших и царя крымского с таборов”. А нам, казаком, в ту ношь в вечере видение всем виделось: по валу бусурманскому, где их наряд стоял, ходили тут два мужа леты древними, на одном власяница мохнатая. А сказывают <они> нам: „Побежали, казаки, паши турецкие и крымской царь ис табор и пришла на них победа от Христа, Сы-

на Божия, с Небес от силы Божий”» («два мужа леты древними» — это Иоанн Предтеча и Николай Чудотворец. — С.К.) [9, с. 80].

Любопытно, что, несмотря на вассальную зависимость Крыма от Турции, в данном тексте турки и крымские татары различены, мнение и взгляды турецких пашей и крымского хана далеко не всегда совпадают, а порой и вообще входят в противоречие. И еще одно: автор повести последовательно разделяет турок и татар еще и потому, что в его представлении турки живут оседло («пошли паши турецкие к себе за море»), а крымцы — народ кочевой («крымской царь пошел в орду к себе»). В словаре В. И. Даля первое значение слова «орда» — «кочующее племя, часть кочевого народа, под правлением хана, султана» [1, т. II, стлб. 1788]. То есть в русском сознании давно уже оседлый большею своею частью народ по-прежнему воспринимался в духе XIII века, как кочевой.

Завершает цикл Азовских повестей «сказочная» повесть об Азовском взятии и осадном сидении. Это уже почти полностью вымышленное произведение. Азовская эпопея в конце XVII в. становится легендой и возрождается в литературе на легендарной основе: «...литературное возрождение старой азовской повести происходит в 70—80-х годах XVII в. в виде так называемой “Сказочной” повести об Азове. “Сказочная” повесть об Азове состоит из трех основных частей: рассказа о пленении казаками дочери азовского паши, рассказа о взятии Азова хитростью и описания азовской осады» [11, с. 229]. В ней крымский сюжетный ход занимает одно из ведущих мест.

Автор «сказочной» повести использовал в своем произведении некоторые мотивы «исторической» повести, ввел в нее большой фрагмент из «поэтической» повести, изменив при этом характерное для «сказочной» повести повествование от третьего лица на прямой рассказ («И мы, казаки...»). Однако эта литературная основа дополнена большим количеством легенд, устных преданий, песен, почерпнутых из казачьего фольклора. На легендарных мотивах и строится сюжет повести. Прологом служит история пленения дочери азовского паши, предназначенной в жены крымскому хану Старчию, за которую казаки получают большой выкуп. Казаки берут Азов хитростью, проникнув в город под видом купцов, спрятав на возах вооруженных казаков. «Этот мотив встречается в украинских и русских народных песнях, в частности и в песнях о Степане Разине...». Рассказ об осаде Азова турками насыщен множеством эпизодов — о пленении казаков, хотевших спрятать на острове табун коней; о казачьих вылазках во время одной из которых казаки, переодетые в турецкое платье проникли ночью во вражеский лагерь, убили крымского хана Старчия, захватили богатую добычу и боевые знамена и т.п. «Большинство эпизодов — несомненный вымысел, но часть из них соответствует действительности и известна из воспоминаний участников осады» [см.: 4, с. 106].

В повести хорошо прослеживаются те тенденции, которые были характерны для русской литературы переходного периода. Уже в «поэтической» повести большое место было уделено прямой речи персонажей. Причем не просто передачи слов выражений, оценок, как это можно наблюдать в произведениях предыдущего литературного периода, но передаче речи развернутой, украшенной, ироничной, саркастичной, логически выверенной (конечно, в рамках возможного для того или иного автора). Еще А. Н. Робинсон показывал, с одной стороны, традиционные для древ-

нерусской литературы художественные приемы, запечатленные «поэтической» повестью («преувеличенно пышные картины боя», «образы “чудес” и “видений”» [11, с. 218], «типичные средства стиля народной поэзии», «типичные для древнерусской литературы сравнения» [11, с. 220], «традиционная торжественная стилистика» [11, с. 221]), а с другой — говорит о явном новаторстве автора («традиционная торжественная стилистика совмещается в повести с метким, грубоватым, но выразительным просторечием, с характерной по своей смелости и остроте казачьей насмешкой» [11, с. 221], автор «использует типичные народно-поэтические эпитеты» [11, с. 222], «характерные для народной поэзии образцы иронии» [11, с. 225]).

«Сказочная» повесть в силу быстро изменяющегося состояния литературы не только усвоила эти приемы, но и добавила свои. Причем главным из них несомненно стало появление в повести вымышленного героя — крымского царя Старчия. Изменились цели, сама идея произведения. Если «историческая» и «поэтическая» повести имели вполне конкретную цель — убеждение царя и бояр в необходимости поддержки захвативших Азов казаков и поэтому идеей этого произведения становилась ярко выраженная патриотическая идея, то с утерей политической цели повесть приобрела только развлекательное значение, поэтому автор прежде всего добивался занимательности в повествовании: «С переменной социальной функции повести исторически и идейно обусловленные особенности ее жанра и стиля как поэтической “войсковой отписки” стали чужды и малопонятны читателю» [11, с. 229].

«Сказочная» повесть об Азове объединяет... три различных сюжета. Первый из них — пленение знатной турецкой девицы — служит своего рода прологом к дальнейшему описанию казачьих подвигов» [11, с. 230] и дает ход отдельной сюжетной линии (или, скорее, подобию сюжетной линии), которая, может быть, и не является ярко выраженной, но вполне различима и связана как раз с крымским мотивом.

Начинается повесть с того, что «в некое время азовской воевода, паша, а по нашему боярин отдаде за крымскаго царя Старчия дочь свою в жены. Паша же нагрузи четыре бусы живота и дочь свою отпусти на тех бусах в Крым к царю Старчию, а провожатых послал за дочерью семь сот человек» [12, с. 85]. Этих-то семьсот человек и разбили напавшие на них казаки («татар порубиша, а иных в море пометаша — всех семь сот человек побиша» [12, с. 86]), захватили девицу, предназначенную крымскому царю Старчию, и скрылись на Дону, чтобы взять выкуп. А получив выкуп, построили часовню, поместили в ней иконы (написанные самими казаками) Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца. А затем, взяв с собой иконы, пошли на Азов, но захватили его не приступом, а хитростью, спрятавшись в телегах и так обманув городскую стражу.

Захват Азова, конечно, не мог стерпеть турецкий царь Брагим и, собрав войско, двинулся на приступ. Среди многотысячного войска шел и «крымской царь Старчия со своею силою. За ним идут дватцать пашей, у всякаго паши по одной тысячи в драгом одеянии. А за пашами идут пятидесять полковников, у всякаго в полку по две тысячи. За полковниками идут кафимския земли дватцать пашей, у всякаго паши в полку по одиннатцати тысящ. <...> А за ними идет пехота крымскаго ца-

ря Старчия: сто полковников, у всякаго в полку по одной тысящи. А за тою пехотою идет пехота кафимская: шестьдесят полковников, у всякаго в полку по одной тысящи» [12, с. 92].

Ночью казаки отваживаются на вылазку и пробираются в турецкий лагерь, «назвашася турецкими людми». «И егда казаки увидеша шатры царя Старчия», сказали охранникам, «что идем от царя Брагима ко крымскому царю Старчию с подарками» [12, с. 101]. Оказавшись обманным путем у шатра хана, «отвориша у шатра полы, и видеша на столе свеща горит, а на одре царя Старчия спяща, а при возглавии его мечь висящ. И похватиша мечь и отсекоша главу царю Старчию. И обвертеша главу во одежду ево, и взяша с собою, и овертеша в драгое цареву платье, и поидоша ис полков вон» [12, с. 102].

Весь «крымский сюжет» на этом и заканчивается. Автору, понятно, важны яркие и запоминающиеся события, что он, собственно, и описывает, но здесь важно подчеркнуть, что мы видим в последовательности этих событий и определенную мотивировку, которая складывается в не очень заметную, но вполне определяемую сюжетную линию. Девушку, предназначенную Старчию, похищают казаки, поэтому участие крымского царя в походе на Азов становится особенно мотивированным, хотя автор об этом напрямую и не говорит. Казаки же видят в действиях Старчия месть и, убивая его, не только стремятся показать свою силу и насолить турецкому царю, но и убрать с поля боя наиболее, так сказать, активного противника. Конечно, проследить этот сюжетный ход можно исключительно умозрительно, поскольку постепенно устанавливающиеся в литературе поэтические законы еще только формируются, и автор обращает внимание на занимательность описываемой им картины, но никак не на логическую и психологическую мотивировку действий героев. Но существует еще читательское восприятие, которое невольно связывает события в определенную логическую цепочку.

ВЫВОДЫ

Таким образом, все азовские повести, и написанные в начале 1640-х, и написанные в 1670—1680-е годы, зафиксировали одно и главное: Крым — чужая и враждебная к русскому человеку страна, жители Крыма — хитрые, коварные, воинственные, и разговаривать с ними можно только с позиции военной силы. То есть ничего существенно нового в плане информационного понимания Крыма азовские повести не добавляли. Зато приближали Крым к русскому читателю более детальным описанием внешнего вида, обычаев и нравов его жителей, вызывая своеобразной экзотичностью описаний интерес к нему, а, следовательно, и закладывая в сознание новые мифологические формулы.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: / В. И. Даль. — СПб.: М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1905. — Т. II — 1017 с.
2. «Историческая» повесть о взятии Азова в 1637 г. // Воинские повести Древней Руси. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — С. 45—56.
3. Каган М. Д. Повесть об Азове историческая / М. Д. Каган // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. — Т. XLI. — С. 48—49.
4. Каган М. Д. Повесть об Азовском взятии и осадном сидении сказочная / М. Д. Каган // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. — Т. XLI. — С. 106—107.
5. Каган М. Д. Повесть об Азовском осадном сидении документальная / М. Д. Каган // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. — Т. XLI. — С. 107—108.
6. Каган М. Д. Повесть об Азовском осадном сидении поэтическая / М. Д. Каган // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. — Т. XLI. — С. 108—111.
7. Курбский А. Сочинения Андрея Курбского: История о великом князе Московском [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб.: Наука, 2001. — Т. 11: XVI век. — 683 с. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9862>
8. Курьянов С.О. «...тайный ключ русской литературы»: Формирование и становление Крымского текста в русской литературе X—XIX веков: монография / С. О. Курьянов. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. — 440 с.
9. «Поэтическая» повесть об Азовском осадном сидении в 1642 г. // Воинские повести Древней Руси. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — С. 57—81.
10. Робинсон А. Н. Жанр поэтической повести об Азове // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — Том VII. — С. 98—130.
11. Робинсон А. Н. Повести об азовском взятии и осадном сидении // Воинские повести Древней Руси. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — С. 166—243.
12. «Сказочная» повесть об Азовском взятии и осадном сидении в 1637 и 1642 гг. // Воинские повести Древней Руси. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — С. 83—112.

THE MYTH OF THE CRIMEA AS THE EASTERN MUSLIM COUNTRY IN STORIES
OF AZOV CYCLE (XVII CENTURY)

Kuryanov S. O.

Heterogeneous in their versions Crimean myth formed over centuries and became the basis of the Crimean text. Before the beginning formation of the new Russian literature, he showed in his two versions — the myth of the Crimea as a saint Orthodox land, and the myth of the Crimea as the eastern Muslim country. The article deals with one of the stages of formation of a second embodiment of the Crimean myth that has emerged in the XIV—XVII centuries. It was the myth of the hostile Muslim land, alien to the Russian state. The basis of this myth has been recorded in literary works of Russian writers attitude to the Crimean Khanate, the Crimean Tatars. The cycle of stories about the capture of the Don Cossacks of Azov and the siege of the Turks and Tatars Azov demonstrates the final stage of formation of this myth, which does not change its nature, but displays changes in the literary mindset of Russian writers. Azov story did not add anything substantially new in terms of the Crimea perception, however advanced the Crimea to the Russian reader a more detailed description of the appearance, customs and manners of its inhabitants, with the result that these kind of exotic descriptions aroused interest in it, and, therefore, fixed in the perceiving consciousness new mythological formula.

Keywords: Old Russian literature, myth of Crimea, the Crimean text, Azov stories cycle, the Crimea, the Crimean Tatars.

УДК 821. 161. 2 - 13

ЗАСОБИ ПСИХОЛОГІЗМУ У СТВОРЕННІ ОБРАЗУ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦЬКОГО (ЗА РОМАНОМ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО «Я, БОГДАН»)

Мустафаєва М. А.

*Таврійська академія (структурний підрозділ) ФДАОЗ «Кримський федеральний
університет імені В. І. Вернадського», Сімферополь
E-mail: mustafayeva93@mail.ua*

У статті визначаються особливості реалізації засобів психологізму у творі «Я, Богдан». Дослідження здійснено на основі вивчення історичного роману Павла Загребельного. Шляхом аналізу визначено найхарактерніші засоби психологізму, використані автором задля кращої передачі особливостей образу гетьмана. У результаті дослідження виявлено, що психологізм є важливим елементом ідеостилію П. Загребельного, а в романі «Я, Богдан» він стає домінуючим. Про це свідчать багатство психологічних засобів та психобіографічний метод, використані письменником при моделюванні характеру Богдана Хмельницького. Розглянуте явище може бути використане при детальному вивченні творчості Павла Загребельного, насамперед його роману «Я, Богдан».

Ключові слова: психологізм, Павло Загребельний, монолог-сповідь, Богдан Хмельницький, психологічний час, історичний роман, ретроспекція.

ВСТУП

Образ гетьмана Війська Запорозького Богдана Хмельницького є одним з найпопулярніших у вітчизняній літературі. Вперше з'явившись на літературному обрії у драмі «Милість божа» (1728 р.), ця постать вже ніколи не залишалася поза увагою письменників, постійно зазнаючи нових інтерпретацій. Проте жодному з митців не вдалося розкрити процес становлення характеру Хмельницького-гетьмана так глибокопсихологічно і живо, як це зробив П. Загребельний. Спроектвавши історичні відомості і художню фантазію у площину психологізму, письменник змоделивав динамічний, яскраво індивідуальний характер персонажа, максимально наближений до реального життя.

Мета та завдання роботи полягають у вивченні образу гетьмана, а саме засобів психологізму, використаних у романі «Я, Богдан», їх детальний аналіз; дослідження особливостей створення художнього характеру.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Використання багатого фактичного матеріалу і спроба реставрації людської психіки за певних історичних обставин – ось художні домінанти роману «Я, Богдан», які зробили його одним з найяскравіших зразків продукту творчої лабораторії П. Загребельного. Цей історико-психологічний твір посідає провідне місце у творчості письменника, який, до речі, вважає його одним зі своїх кращих романів.

Досліджуючи роман «Я, Богдан», було звернуто увагу на психологічний аспект твору. За тлумачним словником іншомовних слів, психологізм – це «поглиблене відображення психічних, душевних переживань людини в мистецтві» [6, с. 236]. Психологізм є важливим елементом ідеостилію П. Загребельного, а в романі «Я, Богдан» він стає домінуючим. Про це свідчать багатство психологічних засобів

та психобіографічний метод, використані письменником при моделюванні характеру Богдана Хмельницького. Основною ідеєю психобіографічного методу є «узгодження біографії та певних переживань митця з його творами» [3, с. 60]. Основа роману «Я, Богдан» теж біографічна, бо характер головного героя формується під впливом подій його життя, глибоких переживань та вражень. Як зауважив М. Жулинський, у творі «епічні плани перехрещуються з аналітично-рефлексивним субстратом» [1, с. 2].

Образ героя роману «Я, Богдан» створюється шляхом оживлення пам'ятника Богдану Хмельницькому, установленому на Софіївській площі. Митець моделює, по суті, фантастичну ситуацію, в якій його персонаж по багатьох роках після смерті споглядає пройдений ним шлях до визволення українського народу з-під влади Речі Посполитої. Така подача художньої інформації є однією з ключових особливостей роману «Я, Богдан». Вона впливає не тільки на сюжетну структуру твору, а й визначає його жанр. Жанрово-сюжетна своєрідність твору втілюється автором за допомогою ретроспекції. Письменник скористався ретроспективністю оповіді як засобом психологізму, адже вона уможливила самоаналіз героєм твору його вчинків, почуттів, стосунків з іншими персонажами, що і призвело до сповідального характеру твору. Як елемент сюжетобудування ретроспекція реалізується у спогадах Богдана Хмельницького, що становить особливість хронотопу твору. Залучення до художньої тканини твору спогадів, сновидінь, рефлексій та пророкувань головного героя, співіснування кількох часових площин стає можливим завдяки психологічному часу, коли події твору та емоційний стан персонажа подаються крізь призму власного бачення героя. Постійне дрейфування свідомості Богдана Хмельницького між часовими площинами, між художньою дійсністю та ірреальністю створює можливість для ущільнення художнього матеріалу, для передачі історичних відомостей у вигляді продукту переосмислення їх героєм П. Загребельного.

Одним з важливих засобів психологізму при створенні художнього характеру Богдана Хмельницького в романі «Я, Богдан» є майстерне використання П. Загребельним форми монологу-сповіді. Як відомо, **монолог** – це «тривале, внутрішньо однорідне і зв'язне висловлення, що належить одному суб'єктові і виражає його думки, свідомі чи підсвідомі переживання, рефлексії, почуття та акти волі» [4, с. 477]. **Сповіддю** називають «щире зізнання у будь-чому; відвертий виклад будь-якої інформації» [5, с. 322]. Таким чином, біографічний матеріал сповідально-інтимного характеру передається від імені оповідача у формі монологу-сповіді. Інтимне звучання оповіді й самотність вираження художнього характеру Богдана Хмельницького, змодельованого П. Загребельним, увиразнює відсутність у романі образу самого письменника. Сповідальний характер роману «Я, Богдан» підтверджується і його заголовком «Сповідь у славі». Форма монологу-сповіді сприяє саморозкриттю героя твору, розширює межі художньої фантазії митця, що уможливує створення природного та цілісного характеру.

Слід вказати, що внаслідок залучення до канви твору спогадів, лірико-філософських роздумів та рефлексій головного героя, у монолозі-сповіді Богдана Хмельницького подекуди спостерігаються елементи «потіку свідомості».

У. Джеймс, автор терміна «потік свідомості», тлумачив його як «одну з форм зображення внутрішнього життя людини в художньому творі, прагнення відкри-

ти душевний стан персонажів у миттєвій і швидкій зміні переживань, роздумів, спогадів, вражень, підсвідомих асоціацій» [7, с. 736]. Отже «потік свідомості» є не тільки специфічною формою викладу художньої інформації, але й важливим засобом психологізму, яким успішно скористався П. Загребельний у спробі реставрації психіки Богдана Хмельницького. Цей засіб наблизив художньо змодельовану свідомість персонажа роману «Я, Богдан» до реальної людської свідомості і допоміг сформувати асоціативно-спогадувальну сітку, яка мотивує певні вчинки Богдана Хмельницького, зміни в його умонастрої.

Незважаючи на передачу художньої інформації у формі монологу-сповіді, герою роману «Я, Богдан» не є ізольованим від інших персонажів твору, його характер розвивається під впливом людського фактору. Найповніше цей вплив виражено взаємозв'язком образу Богдана Хмельницького з образом українського народу, який також можна вважати засобом психологізму. Згідно з версією П. Загребельного, прагнення українців звільнитися з-під чужоземного гніту впродовж кількох століть спонукало доброзичливого від природи Зиновія Хмельницького стати грізним Богданом. З іншого боку, гетьман Хмельницький у Визвольній війні заклав основи національної свідомості українського суспільства: *«Не в королівських щуплих реєстриках [...] народжувалася нація, а в оту коротку ніч на Жовтих водах... Тоді ми відчули, хто ми і навіщо, а я відчув себе Богданом»* [2, с. 184]. Так письменник взаємопов'язав два складних психологічних процеси становлення індивідуальної художньо змодельованої свідомості свого героя та національної свідомості українського народу.

За версією П. Загребельного, становлення характеру Хмельницького-гетьмана відбувається внаслідок накопичення болісних вражень від побачених бідувань та принижень українського люду і втрати родинного гнізда. Емоційний стрес активізує формування у художньому характері Богдана Хмельницького рішучості та сили волі у наполегливій боротьбі за вольності свого народу.

Шлях від споглядання народного горя до збурення всіх життєвих сил і спрямування їх на захист українського люду символізує образ дороги від Суботова до Варшави. Ця дорога, всуціль викладена шляхетськими карбами, стає першим поштовхом до майбутніх битв. Про метаморфози у психіці головного героя роману свідчить також образ дороги з-під Замостя на Переяслав. До Переяслава їде вже не простий сотник, а гетьман Війська Запорізького, за плечима якого блискучі перемоги. Так змінюється не тільки статус Хмельницького, а й його характер: *«Згодом дивуватимуться, - каже він, - як змінювався я по путі від Замостя на Київ, а тоді в Переяславі [...], від слів обережних у Замості, до незалежно роздумливих у Києві і до нестерпно різких у Переяславі...»* [2, с. 123]. Отже, образи двох названих доріг, якими їде головний герой у різні дні свого життя, можна розглядати як психологічні засоби динамічної передачі перетворень у його характері.

При створенні художнього характеру Богдана Хмельницького П. Загребельний спробував висвітлити інтимні почуття свого героя, пов'язані з образами Ганни Сомківни та Мотрони. Цей психологічний засіб розширює емоційний діапазон характеру персонажа, сприяє його олюдненню. Так, гетьман Хмельницький каже про Мотрону: *«Вона була [...] єдиним, що зосталося в мене простого людського»* [2, с.

321]. Якщо образ Ганни є втіленням жінки-берегині домашнього затишку і прихистком героя від життєвих буревіїв, то з образом Мотрони письменник пов'язує найглибші пристрасті людського ества. Богдан Хмельницький покохав Мотрону ще до смерті Ганни, та коли його дружина помирає, дівчину віддають заміж за підстаросту Чаплинського. Ця соціально-побутова проблема спричиняє зіткнення «Я» та «Над-Я» головного героя, становлячи важливий психологічно конфліктний вузол роману. Після одруження закоханих виникає інша соціальна проблема – підсвідоме неприйняття гетьманші-шляхтянки українським загалом, що також викликає психологічний конфлікт. Якщо перший психологічний конфлікт роману певною мірою спонукає Хмельницького до організації повстання (пригадаймо його листи до Мотрони та прагнення знищити Чаплинського), то другий постійно лишається причиною дисгармонії у стосунках закоханих. Богдану Хмельницькому не під силу зазирнути у душу коханої жінки. Не знайшовши у ній друга, він так і лишається самотнім в ореолі слави та влади.

Завдяки названим психологічним конфліктам письменникові вдається зруйнувати архетип сили і влади. У романі «Я, Богдан» він показав живу людину, яка не може приборкати власні пристрасті та відгадати загадку душі ближнього.

Не менш важливим засобом психологізму у романі є сновидіння Богдана Хмельницького, головним образом яких стає його покійний друг і генеральний писар Війська Запорізького Самійло Зорка. Цей образ є складовою психіки головного героя роману, яка символізує його підсвідомість. До цього висновку приходимо, спираючись на твердження З. Фрейда про те, що сновидець *«усе-таки знає, що означає його сон; він тільки не знає, що він знає, і через те гадає, ніби він нічого не знає»* [3, с. 60]. Таким чином, у снах Богдана Хмельницького ми спостерігаємо дискусію між Я та Воно героя, коли свідомість людини намагається знайти відповіді на свої болючі питання у власній підсвідомості. Образ Самійла Зорки можна також розглядати, як втілення совісті головного героя. Вдень Богдан Хмельницький, захоплений виром подій, не має змоги аналізувати власні та чужі вчинки; усі свої сумніви він відтручує у підсвідомість. У моменти сну все, що знаходилося у підсвідомості героя (каяття, пристрасті, лихі передчуття), повертається до його свідомості в образах Самійла Зорки, православного шляхтича, забитого у Львові під час облоги. У такий спосіб письменник відкриває найпотаємніші куточки душі свого героя.

Важливим емоційно-психологічним засобом при моделюванні художнього характеру Богдана Хмельницького є рецепції із зразків українських народних пісень або стилізації на їхню тему, залучені до художнього тексту твору. Письменник звертається до цього засобу з метою вираження найвищої психологічної напруги свого героя. Народні пісні стають ключем до настроїв героя роману, за допомогою цього засобу виражені найінтимніші його почуття.

ВИСНОВКИ

Отже, моделюючи художній характер Богдана Хмельницького, П. Загребельний скористався багатьма засобами психологізму, які вплинули на специфіку форми та жанру твору, на характер вираження його змісту. Звернувшись до психобіографічного методу, він подав свою версію переродження Зиновія Хмельницького в Богдана внаслідок емоційного стресу. Серед засобів психологізму, вжитих автором рома-

ну «Я, Богдан», є ретроспективність, психологічний час, виклад матеріалу у формі монологу-сповіді з елементами «потoku свідомості». Також Павло Загребельний використовує елемент народності до ретроспекції. Залучення до художньої тканини твору сновидінь та інших засобів вираження внутрішнього стану героя символізують його зіткнення з собою, а звернення до фольклору сприяє ліризації художнього характеру Богдана Хмельницького. Образи роману «Я, Богдан» також психологічно навантажені. Вони відіграють значну роль у створенні характеру головного персонажа. Деформацію характеру героя роману під впливом гетьманської влади автор зобразив через рефлексії, спогади та сновидіння. Всі вказані засоби психологізму є прийомами передачі становлення художнього характеру Богдана Хмельницького.

Список літератури

1. Жулинський М. Сповідь у безсмерті. Роздуми про новий роман П. Загребельного «Я, Богдан»// Літ. Україна. – 1983. – 7 лип. С. 2-4.
2. Загребельний П. А. Я, Богдан. Сповідь у славі. – К.: Радянський письменник, 1983. – 511 с.
3. Зборовська Н. Психологічний і літературознавчий / Н. Зборовська. – К., 2003. – 390 с.
4. Літературознавчий словник-довідник / за ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва та ін. — К.: Академія, 1997. — 752с.
5. Тлумачний словник / за ред. А. Івченка. – Харків, 2002. – С. 322
6. Тлумачний словник інішомовних слів / за ред. Н. Шестерніної. – М., 1998. – С.236.
7. Український радянський енциклопедичний словник у 3 т./ За ред. А. Кудрицького. – К., 1988. – Т. 2. – С. 736.

СРЕДСТВА ПСИХОЛОГИЗМА В СОЗДАНИИ ОБРАЗА БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО (ПО РОМАНУ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО «Я, БОГДАН»)

Мустафаєва М. А.

В статье определяются особенности реализации средств психологизма в произведении «Я, Богдан». Исследование осуществлено на основе изучения исторического романа Павла Загребельного. Путем анализа определены наиболее характерные средства психологизма, используемые автором для лучшей передачи особенностей образа гетмана. В результате исследования выявлено, что психологизм является важным элементом идеологии П. Загребельного, а в романе «Я, Богдан» он становится доминирующим. Об этом свидетельствуют богатство психологических средств и психобиографический метод, которые использовались писателем при моделировании характера Богдана Хмельницкого. Рассматриваемое явление может быть использовано при детальном изучении творчества Павла Загребельного, прежде всего его романа «Я, Богдан».

Ключевые слова: психологизм, Павел Загребельный, монолог-исповедь, Богдан Хмельницкий, психологическое время, исторический роман, ретроспекция.

THE MEANS OF PSYCHOLOGISM IN CREATION OF AN IMAGE OF BOGDAN KHMELNYTSKY (ACCORDING TO P. ZAGREBELNY'S NOVEL «I, BOGDAN»)

Mustafayeva M. A.

The image of the Hetman of Zaporozhye Bogdan Khmelnytsky is one of the most popular in Ukrainian literature. First appeared on the literary horizon, this figure never remain outside the attention of writers, experiencing new interpretations and unexpected metamorphoses. However, none of the artists failed to disclose the process of character development Khmelnytsky-the Hetman *glubokovodnogo* and so vividly, as did P. Zagrebely. Designing historical information and artistic imagination on the plane of psychology, the writer modeled a dynamic, bright individual character, as close as possible to real life.

In article features of realization of means of psychologism in the work «I, Bogdan» are defined. The purpose of article consists in to study an image of a getman according to the novel in detail, using thus means

of psychologism and to define features of their use by the author. Research is carried out on the basis of studying of the historical novel of Pavel Zagrebelny. By the analysis the most characteristic means of psychologism used by the author for the best transfer of features of an image of the hetman are defined. As a result of research it is revealed that the psychologism is an important element of ideological style P. Zagrebelny, and in the novel «I, Bogdan» it becomes dominating. The richness of psychological means and a psychobiographic method which were applied by the writer when modeling character of Bogdan Khmelnytsky testify to it. Also in article the analysis of the main image in psychological aspect is for the first time made. The considered phenomenon can be used at detailed studying of creativity of Pavel Zagrebelny, first of all his novel «I, Bogdan».

Keywords: psychologism, Pavel Zagrebelny, monologue confession, Bogdan Khmelnytsky, psychological time, dreams, «consciousness stream».

УДК 821.112.2

ФЕНОМЕН ПРОШЛОГО В ТВОРЧЕСТВЕ БЕРНХАРДА ШЛИНКА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ЧТЕЦ»)

Андрienко В. П., Околова Е. А.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

В рамках данной научной статьи рассматриваются основные жанрово-стилистические особенности указанного романа, выявляются специфические черты постмодернизма и постреализма, впоследствии сопоставляющиеся с чертами, выявленными в романе Бернхарда Шлинка «Чтец». Также определяется значение исторических событий, повлиявших на развитие и становление немцев — представителей «второго поколения», родившихся в военное или послевоенное время. Кроме того, указывается назначение написания автором данного литературного произведения, при этом заостряется внимание на многоплановости содержательной и стилистической сторон произведения.

Ключевые слова: феномен, прошлое, постмодернизм, постреализм, нацизм, интертекстуальность, роман, вина, стиль, жанр.

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестным является факт того, что Германия и, соответственно, немецкая нация в период после Второй Мировой Войны прошли определенный исторический путь, связанный с переосмыслением недавнего прошлого страны и поиском путей масштабной реконструкции общественного сознания и мышления. Этот путь ознаменовался четырьмя основными стадиями, выделяемыми Алейдой Ассман, современным немецким историком и культурологом, а именно: «условное забвение», «помнить, чтобы никогда не забыть», «помнить, чтобы преодолеть», «диалогическая память». Основная концепция, положенная в основу последних двух тезисов, состоит в признании коллективной вины, ее осмыслении и преодолении [2, с. 277].

Конец XX столетия, 1980-90-е гг., в Германии был отмечен прохождением последнего этапа писателями — представителями «второго поколения» немецкого общества — углубиться в не столь отдаленное прошлое своей страны, понять и осознать причины и последствия действий, совершенных правительством Третьего Рейха и поколением, ему соответствующим. Отражение феномена прошлого (в аспекте признания общенациональной вины), его влияние, оказанное на молодой послевоенный социум, пронизывает творчество современного немецкого писателя, юриста по специальности — Бернхарда Шлинка. В частности, его роман «Чтец» представляет собой автобиографическую историю главного героя — Михаэля Берга, пытающегося переосмыслить предшествующие исторические события и найти ответы на вопросы морали, связанные с отражением нацистского прошлого Германии на повседневности, определить права, вину и наказание ответственных за содеянные злодеяния.

Б. Шлинка стремится выразить в своем творчестве путь, которым следуют «дети Третьего рейха», испытывающих острые социально—этические трудности,

проявляющиеся при обращении к прошлому страны и, конкретнее, с их семьями. Он ставит перед собой задачи изучить путь развития и становления германской нации второй половины XX века, обозначить возникающие проблемы, истолковать их, разрешить дилемму комплекса вины и способа искупления коллективной трагедии на примерах из частной жизни литературных героев.

Если говорить о стилистической принадлежности Б. Шлинка к определенному историческому литературному течению, то здесь нельзя говорить о том, что он и его творческое «состояние» являются однозначно соответствующими такому литературному направлению как постмодернизм, господствовавшего в Германии начиная с 1960-х годов до начала XXI столетия, что совпадает эпохально со временем написания и издания наиболее популярных работ Бернхарда Шлинка, включающих основные концепции авторского мышления и представляющих интерес для последующего исследования. Важным является также выявить применяемые автором литературные стратегии, которые оказали влияние на содержательную сторону романа «Чтец».

Заметим, что в романе Бернхарда Шлинка смело можно выделить характерные постреалистические черты, проявляющиеся в «открытости» повествовательной стратегии писателя при обращении к историческим источникам в поиске причин и обоснований определенных событий, посредством осмысления, переживания, восприятия на примере индивидуального опыта главных героев. При этом главный акцент писатель ставит на реалистичности и приближенности к данным действительности.

В связи с вышесказанным целью данной работы является проследить основные тенденции проявления и влияния феномена прошлого в жизни основных персонажей романа «Чтец» Михаэля Берга и Ханны Шмиц как представителей немецкого этноса на современном этапе развития немецкого и мирового сообщества в целом.

К теоретическим задачам исследования относится следующее:

- провести краткий обзор литературного становления Германии в послевоенное время;
- охарактеризовать главные стилистические черты постмодернизма;
- описать, условно выделяемое, постреалистическое направление литературного процесса;
- выделить основные теории феномена «коллективного бессознательного»;
- обозначить ряд научных и критических работ на предмет исследования творчества Бернхарда Шлинка.

К практическим задачам исследования относим:

- рассмотрение жизненного пути каждого из главных героев романа;
- выявление факторов влияния ранее пережитого на последующий жизненный путь героев романа;
- установление форм и вариантов проявления культурного прошлого в произведении путем проведения литературоведческого анализа произведения;
- определение основных фактов, свидетельствующих о воздействии на положение представителей нынешнего немецкого социума;
- определение жанрово-стилистические особенности авторского стиля.

Методы исследования:

- культурно-исторический;
- герменевтический;
- метод теоретической поэтики.

Основной методикой исследования является комплексная методика.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В результате проведенного исследования были рассмотрены три логические части произведения Б. Шлинка «Чтец», соответствующие основным этапам жизни главных героев.

Также путем проведения литературоведческого анализа было прослежено, что через всю сюжетную линию данного романа Бернхарда Шлинка был протянут феномен прошлого, который непременно сказался на жизненном опыте главных героев, представителей «второго поколения немцев», людей, родившихся во время или после событий Второй Мировой Войны, конкретнее — Михаэля Берга, а также людей, косвенно или напрямую взаимодействовавших и содействовавших нацистскому режиму Германии. Это проявилось, прежде всего, в поведении и при принятии решений персонажей романа. Ханна Шмиц, будучи неграмотной, социофобом, испытывающим комплекс неполноценности, отказывалась от высоких должностных рангов и меняла место проживания и работы; занималась частной селекцией с целью аудирования; не могла признать свою вину из-за неспособности понять, в чем конкретно она состоит; добровольно, сокрыв постыдную для нее правду о невежестве, понесла пожизненное наказание не только за себя, но и за других надзирательниц концентрационного лагеря, виноватых не в меньшей мере; осознав свою «бесполезность» и невостребованность как бывшей надзирательницы, оканчивает жизнь самоубийством. Михаэль Берг, переживший в пятнадцатилетнем возрасте любовный роман, в студенчестве сталкивается с проблемой нацистского прошлого родины, выбора вариантов обвинения или пощады к людям, которые ему близки, просматривая проблемы безнаказанности, искупления и прощения нации.

Стоит отметить, что примерами вариантов проявления феномена прошлого в романе могут послужить следующие события: проведение судебного процесса над надзирательницами концентрационного лагеря спустя десятилетия, после окончания войны 1939-1945 гг.; проблемы в общении студентов с представителями предыдущего поколения, следовавшие после проведения семинарских занятий по истории и юриспруденции, проявившиеся с чувствами вины и стыда за свою страну и народ, с желанием наказать, раскаяться и искупить это за них; проблемы «эрудиционных» лакун немцев второго поколения (например, послевоенное поколение было знакомо с концлагерями и жизнью в них лишь по скудным клише, которые передавались по миру из устной форме и по фотографиям, сделанными советскими освободителями), желание их заполнить (по сюжету романа Михаэль Берг отправляется в Аушвиц для самостоятельного изучения лагеря, личного опознания обстановки и ощущения атмосферы в нем, за пределами ворот с табличкой, содержащей наименование «заведения»).

Не углубляясь в подробности и не отходя от уже названных примеров, отметим варианты постмодернистических черт, характеризующих стилистический аспект романа «Чтец» Бернхарда Шлинка. В ходе исследования были обнаружены метапрозаические, интертекстуальные и некоторые другие варианты. К первому можно отнести вторую часть романа, посвященную описанию судебного разбирательства. В реальном историческом процессе Германии такой суд был. Однако Бернхард Шлинка несколько изменил ход и исход данного судебного процесса. Он заменил сам лагерь — вместо реального Майданека в романе указывается Аушвиц; вместо 5 лет суд у Шлинка длится лишь несколько месяцев; главная героиня романа Ханна Шмиц, в отличие от реальной Хермины Браунштайнер, получила пожизненный срок заключения и также была преждевременно освобождена, однако она раскалась, признав свою вину, и все свои сбережения завещала жертвам концлагерей.

Проявление интертекстуальности в романе «Чтец» усматривается в следующем примере: отсылка главного героя к литературным персонажам и авторам произведений, например при семейном споре о возможном наличии любовной связи между Гёте и Шарлоттой фон Штайн. Тогда все удивились тому, как Михаэль с горячностью отстаивал ее существование, отдавая при этом предпочтения «Жюльена Сореля с мадам Реаль, чем с Матильдой де ла Моль, а Феликс Кроль, по его мнению, лучше смотрелся в объятиях матери, чем в объятиях дочери» [2, с. 41]. Еще одним вариантом служит описание Михаэлем идеи «Одиссеи» Гомера, когда он проводит прямую линию сравнения с историей права: «Одиссея» — это история странствий, одновременно имеющих цель и бесцельных, успешных и безуспешных. Чем же она отличается от истории права?» [1, с. 168].

Бернхард Шлинка отсылает главного героя к классическим авторам произведений, которые не несут особой нагрузки, влекущей долгие и разносторонние размышления, как, например, в случае с экспериментальной литературой. Михаэль желал донести до Ханны общепринятые истины, которые были приемлемы для современного и обычного общества, преподносимые в произведениях Гомера, Шиллера, Гёте, Чехова, Цвейга и др. По жанровой специфике они относились и к мифологии, и к модернизму, постмодернизму, реализму. Таким образом, он словно воспитывал культурно-эстетические черты характера в ней, только начинающей развитие личности.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно заключить, что феномен прошлого в творчестве Бернхарда Шлинка, в частности в его автобиографическом романе «Чтец», занимает руководящее положение в контексте проб осознания и переосмысления культурного наследия Германии и проблем, при этом возникающих.

Версии решения проблемы национального масштаба — борьбы с феноменом прошлого в жизни граждан Федеративной Республики Германии — видится автору в его личном переживании путем рефлексии, переосмысления и преодоления, отмежевания.

Принадлежность автора к определенному литературному течению неоднозначна. Б. Шлинка характеризуется применением разных литературных стратегий в рамках отдельно взятого произведения, а конкретно: в романе «Чтец» содержатся

«инструменты» постмодернизма — метатекст/ метапроза, интертекстуальность; элементы реализма — приближенность к объективной реальности при описании обстановки, действий, событий сюжетных линий, фоновой и композиционной окраске и т. д.; проявляются черты постреализма (направления, выделенного Лейдерманом и Липовецким), смежного с постмодернизмом.

Идиостиль отражает многомерность и разноплановость авторского мышления. В произведении «Чтец» наблюдается смешение форм разных функциональных стилей (согласно классификации функциональных стилей М. П. Брандес): научного, поэтического, публицистического, художественного и т. д. Тут на первый план выступает сам писатель и его индивидуальное мировосприятие. К тому же необходимо отметить, что время написания романа — конец XX столетия, литература которого может быть отнесена к переходной литературе, где рамки жанрово-стилистической принадлежности крайне размыты; содержательная сторона произведения словно направлена на подведение определенных итогов, касающихся мира, конкретной страны, государства, социума, индивида с отличительной чертой направленности на рефлексию общего посредством осмысления через частное (тут вымышленно-автобиографическое).

Перспективы данного исследования видятся авторам в необходимости создания научной базы для дальнейшего исследования творчества писателя не только в контексте рассмотрения конкретных произведений, но и на предмет изучения индивидуального стиля Бернхарда Шлинка, а также для подкрепления социолингвистических, социальных и психологических исследований в области вопросов, касающихся нацистского прошлого Германии и современного сознания общества страны и мира в частных и общих случаях.

Список литературы

1. Шлинк Б. Чтец: роман / Б. Шлинк / Пер. с нем. Б. Хлебникова. — СПб.: Издательская группа «Азбука—классика», 2009. — 224 с.
2. Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik / A. Assmann. — München: C. H. Beck, 2006. — 320 S.

PHENOMENON OF THE PAST IN BERNKHARAD SHLINK'S OEUVRE (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "READER")

Andriyenko V. P., Okolova E. A.

Within this scientific article are considered the main genre and stylistic features of the specified novel, the peculiar features of a postmodernism and post-realism which subsequently are compared with the lines revealed in Bernhard Schlink's novel "Reader" come to light. Also value of the historical events which influenced development and formation of Germans — the representatives of "the second generation" who were born in military or post-war time is defined. Besides, purpose of writing by the author of this literary work is specified, thus the attention to diversities of the substantial and stylistic parties of work is focused.

Key words: phenomenon, past, postmodernism, post-realism, Nazism, intertextuality, novel, guilt, style, genre.

УДК 070.1:94(477.75) «1853/1856»

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА И ЛУБОК ПЕРИОДА
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК» 1854-1856 гг.)**

Первых Д. К., Первых В. В.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: dianavasileva@yandex.ru*

Статья посвящена анализу политических карикатур и лубочных картин периода Крымской войны Н. Степанова, Я. Лаппинга, П. Боклевского, В. Тимма и др. Иллюстрации рассматриваются с точки зрения их жанрового своеобразия, приемов, языковых особенностей и творческих решений авторов; определяется роль лубка и карикатур в информационной политике государства. Изучение истории «наивного» искусства и карикатур дает возможность понять предпосылки их появления, детализировать особенности производства, объяснить тематическую составляющую сюжетов.

Ключевые слова: политическая карикатура, военный лубок, Крымская война, журнал «Современник».

ВВЕДЕНИЕ

Карикатуры и лубочные картины становились предметом изучения исследователей истории культуры, но эти материалы посвящены истории возникновения этого вида искусства, его месту в «большой» живописи, жанровому своеобразию «наива» (Кузьминский К. С. [2], Лотман Ю. М. [5], Письман Л. З. [9], Ровинский Д. А. [10]). В отдельных научных работах предпринимается попытка осмыслить роль карикатуры и лубка в период Отечественной войны 1812 г. и Первой мировой войны (Лебедева И. В. [4], Некрасова М. А., Земцов С. М. [6], Пельцер М. [8]). Исследователь А. Е. Кустова находит тематическую и композиционную связь сатирических листов, изданных в 1812 г. и в 1914–1918 гг. [3]. Политические карикатуры и военный лубок на тему Крымской войны (1854–1856 гг.), разделяющей вековой период, на изучении которого останавливается Кустова А. Е., не рассматривались историками журналистики в качестве самостоятельной темы.

Цель работы – проанализировать военную иллюстрацию периода Крымской войны.

В задачи входит выявить «природу» появления лубочных картинок и карикатур, определить предпосылки их возникновения и особенности производства, объяснить происхождение сюжетов и пояснительных текстов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Следует отметить, что сатирические листы, посвященные Отечественной войне 1812 года, стали в России первым опытом обращения к такому виду изобразительного искусства как политическая карикатура. Впервые в этом жанре начали работать профессиональные художники: А. Г. Венецианов, И. И. Тербенев, И. А.

Иванов, которые разрабатывали сюжеты и темы, связанные с Отечественной войной 1812 г., создавали особенный художественный язык, основные композиционные и сатирические приемы.

Утверждение карикатуры как самостоятельного жанра журналистики принадлежит французским мастерам сатирической графики О. Домье и Г. Доре, благодаря которым карикатура стала широко тиражироваться на страницах парижских периодических изданий в 1830-е годы. В России выделение карикатуры из традиционного вида изобразительного искусства в отдельный жанр периодической печати началось в годы Крымской войны с критических и библиографических обзоров художественных иллюстрированных изданий и отдельно издающихся карикатур и лубочных картин. Сатирические иллюстрации на страницах российских журналов появились только в конце 1850х годов.

Предметом анализа выбраны популярные во время Крымской войны издания карикатур, гравюры, литографии Н. Степанова, Я. Лаппинга, П. Боклевского, В. Тимма и др. Темы войны объединяли эти иллюстрации, в то же время, они отличались сюжетными линиями, техникой, стилем, манерой и даже качеством исполнения.

В истории создания военной карикатуры отмечен факт «государственного» заказа лубочных работ в разгар Крымской войны. Условия их выполнения оговорены в письме Великого князя Константина Николаевича этнографу и писателю В. И. Далю от 13 января 1855 г.: «Распространять в народе сочувствие к воинам нашим, делая известными их имена и подвиги», выпустить картинки «в огромном числе экземпляров и разослать по всей России для продажи по самой ничтожной цене, дабы сделать доступными каждому крестьянину». И далее: «Чтобы имена Нахимова, Корнилова, Завойки и других сделались у нас народными, чтобы их повторяли в избах крестьян так же, как и в жилищах нашего дворянства» [11, с. 37–38]. История участия В. И. Даля в создании лубочных картин подробно рассматривается нами в статье «Публикации журнала «Современник» как комментарий к позиции В. И. Даля» [7].

Следует отметить, что, несмотря на злободневность, далеко не каждая картинка выглядела удачной и находила одобрение в прессе. Объективными на этот счет выглядят критические замечания в одном из самых популярных журналов в России 1850–1860 гг. – журнале «Современник», дающем представление о политических, исторических и культурных процессах своего времени. Требования журнала к военной карикатуре просты – юмор, остроумие и никакого «шапкозакидательства». Так, среди обзора карикатур Н. Степанова находим ремарку: «Герои, обещавшие в 24 часа взять Кронштадт, и в три дня – Севастополь представляют для карикатуристов поле обширное. Тут есть, где разгуляться юмору, надобно только владеть им!» [12, т. 50, с. 292]. Юмор и сатира, как видим, становятся ведущими чертами военных карикатур, и эти требования критики предъявляют авторам сатирических листов.

Эффективность и информативность военного лубка была апробирована еще в Отечественную войну 1812 г. Уже тогда сатирические иллюстрации использовались в качестве инструмента, который мог влиять на широкую аудиторию: настроить на победу, внушить мысль, что русский человек силен телом и духом, а

враг слаб и глуп. Безусловно, потребителем «наивных» рисунков был малообразованный зритель. Политические же карикатуры создавались для аудитории, способной понять иронию и осмыслить сюжет. Военный лубок и политическая карикатура разрабатывались для разной категории зрителей.

«Наивный» рисунок не требовал глубокой художественной техники и дорогостоящих материалов, зачастую художник обходился бумагой и графитным карандашом. Однако не стоит умалять художественные достоинства, лишь на первый взгляд, простых иллюстраций. В лубочных картинах отчетливо прослеживается связь с театральным началом. Эту художественную особенность подмечал Ю. М. Лотман, ссылаясь на историка искусства Д. А. Ровинского: «Художественное пространство лубочного листа организовано так, чтобы сориентировать зрителя на пространственные переживания не живописно-графического, а театрального типа» [5, с. 323]. На театральную этимологию лубочной картины, прежде всего, указывает изображение сцены с актерами, составляющие основу гравированных листов. Тезисы подтверждает «Альбом карикатур из настоящей войны» Н. Степанова. В иллюстрации «Как изобрели Наполеона III» английский премьер-министр Генри Пальмерстон демонстративно надевает стоящему на табурете Наполеону треуголку, а два англичанина тем временем сыплют в карман французского императора монеты. В подписи к карикатуре сказано, что с набитыми карманами Наполеон будет более страшен [13, рис. 21]. Карикатура заставляет зрителя домысливать сюжет и сделать вывод, что великая французская армия едва ли сможет одержать победу над Россией без помощи и материального участия Великобритании.

Карикатура «Возьми, привези и покажи» передает бытовую ситуацию из жизни французской семьи: сын, раскуривая сигару и закинув ноги на стол, беседует с отцом. Под картинкой реплика: «Папа! Покажи мне Севастополь, когда его возьмут и привезут сюда. Говорят, он такой страшный!» [13, рис. 17]. Замысел автора – занизить в глазах русского зрителя интеллектуальные способности противника.

Рисунок «Вербование» создает иллюзию «движения» прохожих возле вербовочных плакатов английской армии, что подтверждает мысль о театральном начале лубка. Среди толпящихся – премьер-министр Пальмерстон и некий Джон-Буль, низкорослый толстяк в сюртуке, белых лосинах и коротком цилиндре – собирательный аллегорический образ англичанина. Пальмерстон агитирует: «Вас ожидает слава!». На это Джон-Буль парирует: «Нам нужен комфорт, а не слава. Для славы наймите французов. Они дерутся за женщин, за одно слово, за ничто – как же им не драться за хорошую плату» [13, рис. 19]. Карикатура подчеркивает противоречивые отношения англичан и французов, выступивших в Крымской войне союзниками.

Примером изобразительной театральности служит и «Альбом современных карикатур» петербургского карикатуриста Я. Лаппинга. На одном из рисунков – русский мужичок сажает в печь «пастет с головою француза в кепи». Вместо заголовка – фраза: «За вкус не ручаюсь, а горячо будет», под рисунком – стихи: «Вот наш русский мужичок, должно быть, не дурачок, а пирожник деловой, садит в печь пирог большой. Посмотрите на картинку: не жалел он, знать, начинку; пирог лопнул – ну и что ж, на кого портрет похож» [12, т. 59, с. 295–296].

Пресса приветствовала появление патриотических иллюстраций, но предъявляла их авторам объективные требования военного времени: воспитывать патриотизм, настраивать на победу, не допуская ошибочных сведений о состоянии дел противника.

В рубрике «Внутренние известия» «Современника» находим детальное описание гравюр неизвестного автора, выполненных в формате большого листа с пространственным в лубочном искусстве заголовком – «Раек». Под каждым рисунком – «довольно пространная» подпись «сказочным тоном в духе народного русского остроумия». «Современник» с сожалением подмечает, что эти картинки разнесут в самые отдаленные уголки России «кое-какие» искаженные исторические сведения о войне. Для убедительности редакция без сокращений приводит текст рисунка «Синопское сражение»: «Как в Азии было не в Европе, при городе при Синопе, что стоит на Черном море, отведали турки лютого горя, и доселе не образумятся мусульмане, все ходят, словно в тумане. Дело было этак далеко за ночь, как наш родной Павел Степаныч (Нахимов. – Д. П.) вздумал по морю поплавать, паруса у корабликов порасправить и посмотреть хозяину не мешает: все ли на море в порядке пребывает <...>. Вот видит он вдали в тумане, что по морю гуляют мусульмане, в облаках играют их ветрила, а их – несметная сила! <...> Добро пожаловать, непрощенные гости, быть вам сегодня на погосте...». Далее автор описывает сам бой: «Турецкие канониры палят в пушки и мортиры, только из дыма все палили мимо, море волнуется – турки беснуются. Наши все крепились да молчали, да вдруг разом отвечали. <...> Турок отщелкали, отхлопали и пошли домой к Севастополю». Рисунок, по мнению критиков, соответствует надписи: турки представлены «летающими и висящими вниз головой» [12, т. 46, с. 85–86].

Соотношение в лубке и карикатуре изобразительного и словесного текстов заслуживает особого внимания. Их природа принципиально иная, чем в книжной иллюстрации. Историк и археолог И. Е. Забелин, анализируя изображения лубка, отмечал, что «раскрашенная ксилография» обретает значение лишь в «единстве с прибаутками». «Картинки, – писал он, – сами по себе большею частию не имеют никакого значения, но получают совершенно неожиданные краски при бойком, метком, а иногда и весьма остроумном пояснении» [1, с. 392]. Словесный текст и изображение соединены в лубке не как книжная иллюстрация и подпись, а как тема и ее раскрытие.

Нередко лубочные тексты написаны в жанре «анекдот» или выполнены по образцу газетного комикса. Эту мысль подтверждает рисунок Н. А. Степанова «Приготовление ко встрече Плон-Плона», в котором Наполеон дает указания французским дамам:

« – Плон-Плону дано поручение – привезти известие о взятии Севастополя. Как только он появится с неприятельскими знаменами и флагами, вы, 20 девиц, приложите руку к сердцу, что будет означать 20 сердец (vingt coeurs) или победитель (vainqueur).

– А если известие будет неблагоприятное?

– Тогда вы удалитесь.

– Нет, мы повернемся и приложим руку к другому месту, а что это значит – он догадается» [13, рис. 30].

Автор использует игру слов, рассчитывая на слуховое восприятие текста: словосочетание «20 сердец» по-французски звучит примерно так же, как и слово «победитель». Итак, зрелищный характер лубка формировало не столько изображение, сколько словесный текст, который, по замыслу автора, служил своеобразным сценарием, становясь художественно-активным при восприятии на слух.

Доходчивость и емкость образов лубочных картинок дополняют приемы гиперболоизации и карикатурного искажения – шаржа (например, несоизмеримо большая голова и короткие ноги). Намеренная диспропорция была одним из ведущих элементов карикатуры.

Обеспокоенность критиков вызывает не столько художественная ценность лубка, сколько его своевременность и этичность. Редакторы «Современника» приветствовали развитие сатирической иллюстрации, если она не противоречила морали, не искажала реальных событий и не умаляла трагичность ситуации. Лучшим художественным изданием «по части современных сцен» называет «Современник» «Русский художественный листок» В. Ф. Тимма и регулярно анонсирует его выход на протяжении 1853–1858 гг.

В. Ф. Тимм делал зарисовки военных сцен (выезд царя из Бахчисарая, парад в Париже 1 апреля 1856 г.), писал портреты реальных исторических лиц (адмирала Нахимова, контр-адмирала Истомина, ген.-адъютанта Тотлебена, Наполеона III, маршала Пелисье, сестер милосердия Крестовоздвиженской общины). Карандаш В. Ф. Тимма увековечил на бумаге и портреты нижних чинов (Петра Кошки, Федора Заики, Аксения Рыбакова, Ивана Димченко, Афанасия Елисеева и др.). Основное содержание «Художественного Листка» составляли литографированные рисунки на актуальные темы, которые можно назвать иллюстрированными сводками с войны: виды разрушенного Севастополя, его окрестностей, виды русского и союзных лагерей, бытовые сцены солдатской жизни.

Картинки В. Ф. Тима с натуры – это своеобразные рисованные репортажи с места событий в сопровождении кратких пояснительных текстов, автором которых чаще всего был публицист и издатель Н. И. Греч. В русской истории рисунки Тимма остались, пожалуй, единственным наглядным документальным свидетельством событий Крымской войны. Например, известный портрет адмирала П. С. Нахимова, человека скромного, не любившего внимания к себе, был сделан при жизни адмирала только карандашистом В. Ф. Тиммом. Несмотря на то, что работы Тима, так или иначе, современники относили к лубочному виду искусства, в них нет карикатурности. Это рисованные исторические очерки, в которых карандаш художника в точности отобразил текущие события, лица, сюжеты.

ВЫВОДЫ

Политические карикатуры и военный лубок стали прообразами первых агитационных плакатов и сатирических листовок, объединенных общей идеей: поднять боевой дух. В то же время, иллюстрации имели разные задачи: одни – настраивали на победу, высмеивая и занижая достоинства противника, другие – фиксировали в истории знаковые события, реальные исторические лица, бытовые сцены военной жизни. Русский военный лубок соединил в себе черты различных жанров изобразительного искусства и журналистики: военную документалистику и фольклор, ре-

портаж и зарисовку, карикатуристику, шарж, комикс и даже анекдот – все это создавало своеобразную неповторимость военной и политической иллюстрации.

Список литературы

1. Забелин И. Е. Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII ст. // Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи И. Е. Забелина. В 2-х ч. – М. : изд. К. Солдатенкова, 1873. – Ч. 2. – 540 с.
2. Кузьминский К. С. Русская реалистическая иллюстрация XVIII и XIX вв. / К. С. Кузьминский. – М. : Изогиз, 1937. – 216 с.
3. Кустова А. Е. Отечественная война 1812 г. и Первая мировая война в карикатуре // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 2. – СПб. : НП-Принт, 2012. – С. 401–407.
4. Лебедева И. В. Русский военный лубок периода Первой мировой войны // История, историография, библиотечное дело: материалы конференции специалистов ГПИБ 23–24 марта 1993. – М., 1994. – С. 37–48.
5. Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок / Лотман Ю. М. // Статьи по семиотике культуры и искусства. Серия «Мир искусств». – СПб. : изд. Академический проект, 2002. – С. 322–339.
6. Некрасова М. А., Земцов С. М. Отечественная война 1812 года и русское искусство. – М., 1969. – С. 32.
7. Первых Д. К. Публикации журнала «Современник» как комментарий к позиции В. И. Даля // Далевские чтения–2014. Материалы Международной научной конференции, посвященной 213-й годовщине со дня рождения Казака Луганского (22 ноября 2014 г.). – Луганск, 2014. – С. 137–148.
8. Пельцер М. Русская политическая картинка 1812 года: условия производства и художественные особенности // Материалы научной конференции «Випперовские чтения». – М., 1997. – С. 173–184.
9. Письман Л. З. Наивное искусство как феномен современной культуры // Символы. Образы и стереотипы: художественный и эстетический опыт. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. – СПб. : ФКИЦ «Эйдос», 2000. – №9. – 383 с.
10. Ровинский Д. А. Русские народные картинки / Д. Ровинский // Русские народные картинки. По-смертный труд напечатан под наблюдением Н. Собко. В 9-ти т. – СПб. : изд. Р. Голике, 1900. – Т. 5. – 231 с.
11. Русская старина. – СПб., 1889. Т. 62. № 4. – С. 35–42.
12. Современник. Литературно-политический журнал, изд. с 1847 г. И. Панаевым и Н. Некрасовым. – СПб. : Тип. Главн. Штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1855–1856. – Т. 46, 50, 59.
13. Степанов Н. А. Альбом карикатур из настоящей войны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://andcvet.narod.ru/Sevast/01/sam.html>

**POLITICAL CARICATURE AND POPULAR PRINTS DURING
THE CRIMEAN WAR
(IN THE MATERIALS OF THE MAGAZINE "SOVREMENNIK" 1854-1856)**

Pervykh D. K., Pervykh V. V.

The article is devoted to the analysis of political caricature and prints of the Crimean war period of N. Stepanov, J. Lapping, P. Boklevsky, V. Timm, and others. Illustrations are given from the point of view of their genre identity, techniques, language features and creative solutions artists; defines the role of popular print and caricature drawings in the process of informing the audience.

Military and political cartoons, popular prints of the painting are of great material to study trends in the history of Russian journalism and culture and allow us to judge the genre peculiarity of the Russian cartoons, the level, the practices of military cartoonists and the tasks they were given.

Political cartoons and military splint became the prototype of the first campaign posters and satirical leaflets, united by a common idea: to boost morale. The illustrations had different problems: one is set up to win, the other recorded in the history of the real historical events, persons, everyday scenes of military life. Russian military splint combines the features of various genres of fine art and journalism: military documentaries, and folklore, and story sketches, caricaturistic, cartoon, comic, and even a joke – all this created a kind of uniqueness of the military and political illustrations.

Keywords: political caricature, military prints, the Crimean war, the magazine «Sovremennik».

УДК 821.161.1

КИММЕРИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ М. ВОЛОШИНА

Таймазова Л. Л.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь
E-mail: taymazova330@gmail.com*

В статье рассматриваются особенности лирической манеры повествования М. Волошина. Лиризм поэта связывается со стремлением художника преломлять явления внешнего мира через «живую душу». Проблема смысла человеческой жизни, места человека в мире всегда являлась одной из доминирующих во все эпохи, особенно в XX–XXI вв. Таким местом мироздания, звеном в так называемой великой цепи бытия для М. Волошина становятся «священные пределы» Киммерии.

Ключевые слова: лирическое повествование, пейзаж, поэзия, живопись.

ВВЕДЕНИЕ

Литература начала XX века показала, с одной стороны, «растерянность человека, с каким-то недоумением и страхом взирающего на разоренные “алтари”» [9, с. 39], с другой, – время, когда, подобно эпохе Возрождения, появляются творческие личности, сочетающие в себе многогранность художественного видения. В каждой культуре, у каждого поколения есть свой проводник, преобразующий мировые, вечные ценности в форму, понятную не только для людей своего времени, но, как оказывается, и для последующих эпох. Таким проводником рубежа XIX – XX веков по праву можно считать Максимилиана Волошина.

Все творчество Волошина основано на синтезе различных культурных представлений. А путь к гармонии – это и есть путь синтеза, согласного, органического слияния «всего со всем в этом мире».

Стремление к ясности выражения, к художественной простоте – один из важнейших аспектов художественного освоения Волошиным действительности; в какой-то мере это изначальный признак здорового эстетического чувства.

Цель предлагаемой статьи – рассмотреть поэтические особенности художественного видения М. Волошина.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Киммерия для М. Волошина – это символ единства исторических корней, преемственности традиций и взаимосвязи культур народов современного мира. «Литания пейзажей Крыма нескончаема. Вдоль берега они нанизываются как строфы лирической поэмы, по северным склонам они спускаются по руслам горных речек, бегущих у подножья пещерных городов и фантастических известняков Бахчисарая. Предгорья и степная часть Крыма не менее насыщены, чем горная область... Но я не могу и назвать всего Крыма» [2, с. 219]. Этот молитвенный восторг Максимилиана Волошина без преувеличения испытывает каждый, хоть раз побывавший в Крыму, – месте, которое, словно по волшебству, привораживает человека с первого взгляда и на всю жизнь.

Являясь узлом пересечения торговых путей, Крым всегда был пространством междивизиационного взаимодействия, местом пересечения и интенсивного культурного взаимопроникновения различных народов, государств, цивилизаций; полем, где сталкивались и активно общались разные по смыслу и энергетике исторические миры. Потому история Крыма так сложна и таинственна: на полуострове собрана удивительная мозаика из самых разных национальных культур. Здесь взаимодействовали цивилизации античной Греции и Рима, Византии и Хазарии, Древней Руси и Балканских стран.

Специфические очертания Крымского полуострова на карте будто бы созданы для того, чтобы люди, взглянув, сразу же запомнили его: кому-то Крым напоминает шейный платок, кому-то – кисть винограда, кому-то – летящую птицу, пикирующую в воды Черного моря, кому-то – всадника, скачущего во весь опор на запад:

*Я много видел. Дивам мирозданья
Картинами и словом отдал дань...
Но грудь узка для этого дыханья.
Для этих слов тесна моя гортань [4, с. 364].*

Это строки из знаменитого стихотворения «Дом поэта» М. Волошина. Какой же силой обладает эта земля, что «связала» странника, и он навсегда остался с ней?

Волошин не писал об экзотических красотах Южного берега, хотя не раз там бывал. Всю свою любовь он отдал Киммерии: «Киммерией я называю восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива)...» [3, с. 446].

Многочисленные путешествия закалили дух Волошина и сформировали его позицию «вечного странника» по отношению к природе, к земле Киммерии, ставшей его родиной. Поэт и художник, он грезил «снами» земли, чувствовал ее дух, «летая» во Вселенной, осуществляя символический прорыв в трансцендентное:

*Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений земли [4, с. 164].*

Переполненный впечатлениями, накопленными от созерцания природы разных стран, и обогащенный достижениями мирового искусства пейзажа, Волошин в поэзии и живописи выразил свою безграничную любовь к Киммерии и ее сердцевине – Коктебелю. Здесь он «ухватил срединную точку равновесия на гигантских весах Востока и Запада» [7, с. 161].

Не сразу Волошин открыл для себя Коктебель. Чтобы понять истинную красоту и неповторимость Коктебеля, по собственному признанию поэта, понадобилось много лет блужданий по дальним странам и берегам. Позже, в воспоминаниях, он объяснит свое первое непонимание так: «Через много лет я понял истину, что при первом впечатлении бросаются в глаза заранее известные “общие места”. Поэтому я искал в Коктебеле “общих мест” юга, а их тут необычайно мало. Первое лето я ви-

дел только скупость и скудость природы и красок. А их необыкновенная выразительность и эlegantность для меня оставалась недоступной. Понадобились долгие годы моей юности, посвященные искусству и странствиям, чтобы открыть оригинальность и красоту Коктебеля» [1, с. 281].

В 1903 году Волошин, по настоянию матери, которая приняла Коктебель сразу и навсегда, решил построить дом и таким образом «пустить свои корни» в глубины древней коктебельской земли. Все в этом месте располагало к высокому настрою души – и спокойная, круглая бухта, непрестанно меняющая оттенки – от бирюзового до темно-фиолетового, и холмистый ландшафт как мелодия веков, и чистота воздуха, напоенного запахами йода и полыни. «После долгого пути по плоскогорьям и ложбинам вдруг раскрывалась долина Коктебеля. И на всю жизнь в памяти остался залив, замкнутый “зубчатым окоемом гор”, с его чистыми, неожиданно яркими красками, ставший “нечаянной радостью” в жизни многих людей. Казалось, каждая покрытая щебнем тропинка в горах, облако, столбом встающее на горизонте, каждый куст, несмолкаемый прибой – все здесь насыщено духовной, почти человеческой жизнью и мыслью» [5, с. 351].

Постепенно Волошин начал разбираться в себе, в своем мироощущении, пришло долгожданное прозрение: «Я чувствую, как что-то выясняется, связывается в душе. Настоящее постепенно связывается с каждой минутой прошлого. Все цельно, все едино, все оправдано. Я начинаю действительно только теперь приобщаться Коктебелю» [8, с. 153].

Так Коктебель «становится для Волошина символическим образом мироздания, в котором аккумулируются все многообразные “лики земли”, следы ее истории и культуры, а “Киммерии печальная область” – универсальной парадигмой бытия, являющего все единство разнообразия и вбирающего все разнообразие единства. Глубже всего Волошин постигал этот уголок земли в уединенных созерцаниях, однако Коктебель всегда был для него земным пределом, открытым для разнообразных веяний живой жизни. Коктебель дает возможность Волошину уйти от чуждой ему “механической” цивилизации в мир природы, естественных человеческих отношений и преемственной, органической культуры» [6, с. 39]:

*Припаду я к острым щебням, к серым срываю размытых гор,
Причащусь я горькой соли задыхающей волны,
Обовью я чобром, мятой и полыню седой чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой торжественный Коктебель!*
[4, с. 98]

Окончательную осмысленность образ Киммерии приобрел у поэта в стихотворных циклах «Киммерийские сумерки» (1906-1909) и «Киммерийская весна» (1910-1926). «Киммерийские» стихотворения Волошина глубоки, лиричны и драматичны. В «Сумерках» возникает образ скорбной и величественной Киммерии, соответствующий состоянию души поэта (этот цикл отразил душевную смуту, пережитую поэтом после разрыва с М. Сабашниковой):

*Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла [4, с. 97].*

В отличие от трагического настроения «Киммерийских сумерек» «Киммерийская весна» уже своим названием говорит об оптимизме и радостном мирозерцании. Тональность стихов этого цикла значительно светлее. Приятие жизни, гармоническое слияние со своей духовной родиной звучит в них:

*Я вновь пришел – к твоим ногам
Сложить дары своей печали,
Бродить по горьким берегам
И вопрошать морские дали [4, с. 153].*

В это же время Волошин начинает интенсивно рисовать Коктебель, который уже неотделим от «внутреннего пейзажа» его души.

Волошин-поэт всегда в полном согласии с Волошиным-живописцем. Многие его стихотворения – результат зрительных восприятий реального мира, они передают картины природы и то настроение, которое возникло у поэта, глядящего на мир глазами художника. Живописец помогает поэту находить краски для стихов, поэт художнику – необыкновенно тонкие ритмические звучания для картин:

*И этот тусклый зной, и горы в дымке мутной,
И запах душиных трав, и камней отблеск ртутный,
И злобный крик цикад, и клекот хищных птиц –
Мутят сознание. И зной дрожит от крика...
И там – во впадинах зияющих глазниц
Огромный взгляд растоптанного Лица [4, с. 98].*

Пустынный Коктебель и его окрестности в волошинских пейзажах кажутся одушевленными: небольшие кудрявые рощицы на фоне морских заливов; бесшумно подкрадывающиеся или, напротив, «всклокоченные» пеной волны; солнце – то выжигающее бесцветное небо, то покрывающее кровавым закатом горизонт, то холодно мерцающее в облачных пеленах. Акварельный пейзаж подытоживается поэтическим:

*Сквозь облак тяжелые свитки,
Сквозь ливней косые столбы
Лучей золотистые слитки
На горные падают лбы.
Пройди по лесистым предгорьям,
По бледным полынным лугам,
К широким моим плоскогорьям,
К гудящим волной берегам,*

*Где в дикой и пенной порфире,
Ложась на песок голубой,
Все шире, все шире, все шире
Развертывается прибой [4, с. 157].*

«Поэзия – это поющая живопись, так же как живопись – молчащая поэзия». Вот, пожалуй, формула, соответствующая киммерийскому периоду творчества Волошина, высказанная еще в V-IV вв. до н.э. древнегреческим поэтом Симонидом Кеосским.

Связь поэзии и живописи в творчестве Волошина сродни и эстетике Востока, классическая форма которой была определена в XI веке китайским поэтом Су Ши: «В стихах картина, а в картине – стих».

Рассматривая Крым в трех ипостасях – море, степи, горы, отметим, что основополагающим в этом триединстве для Волошина является твердь земная. Безусловно, строки поэта о море пронзительны и волшебны, как и его морские акварели. В них – скрытая философская глубина и точность мазка художника, поэтическое восхищение мгновением и метафизический идеализм.

Приведем лишь некоторые «морские» штрихи:

*«Побелело море; целуя отмель, / Вспливают волны»; «Встал дыбом вал,
ярясь и споря, / И желтым ширится пятном / В прозрачной прозелени моря»; «Фиалки волн и гиацинты пены / Цветут на взморье около камней. / Цветами пахнет соль»; «Море глухо шумит, развивая древние свитки / Вдоль по пустынным пескам»; «Там дышит тяжело усталый Океан»; «И море древнее, вздымая тяжело гребни, / Кипит по отмелям гудящих берегов»; «Равнина вод колышется широко, / Обведена серебряной каймой»; «Светло-зеленое море с синими полосами, / Тонко усеяно небо лепестками розовых раковин. / Плачут стеклянные волны ясными головами».*

Море непредсказуемо и гармонично одновременно. Его движение сродни потоку, воплощаемому стремительность, неудержимость и свободу самой жизни.

Однако именно земля («В Максе жила четвертая, всеми забытая стихия – земля» /М. Цветаева/) является для Волошина первоосновой всего сущего:

*В гранитах скал – надломленные крылья.
Под бременем холмов – изогнутый хребет.
Земли отверженной застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет! [4, с. 97]*

В своих акварельных и поэтических работах Волошин обнажает землю – так, что становятся видны скрытые в ней силы; разрежает воду и воздух – так, что становится виден ее скелет:

*А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках – намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,
Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам [4, с. 99].*

Степные ландшафты сыграли огромную роль в истории человечества. Многочисленные исследования и археологические находки свидетельствуют о том, что в степных областях Евразии люди жили намного раньше, чем в лесной зоне. На протяжении веков и тысячелетий степь была вместилищем кочевых и оседлых ирано-язычных, тюркских, монгольских, восточно-германских и славянских народов:

*Безвестных стран разбитые заставы.
Могильники забытых городов.
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданных волною берегов [4, с. 162].*

Облик открытых степных ландшафтов, их эстетические особенности не могли не волновать такого мастера, как Волошин. Степные пейзажи отличаются от любых других видов природы. На первый взгляд они кажутся однообразными («мы плыли мимо однообразных берегов», «однообразный голос вод», «и сих холмов однообразный строй»), но если получше приглядеться и почувствовать эту красоту природы, то сразу же становятся заметны все прелести и необычности степных пейзажей. Безжизненные солончаковые степи, пологие холмы, скудная растительность, нагромождение скал-титанов, напоминающих фантастических чудовищ, зверей и даже людей, величественный Кара-Даг с отвесными обрывами, бухты, прелестные своей дикостью, – все это завораживает торжественностью и загадочностью.

Образ Киммерии предстает в единстве макро- и микромира – земли и человека. Киммерия, как настоящая родина, обладающая совершенством, в авторском сознании соотнесена с образом Праматери. Годы раздумий, сопоставлений, сравнений привели Волошина к такому убеждению, сделав его истинным хранителем этого места:

*С тех пор, как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я – душа моя разъялась.
И мысль росла, летилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов. <...>
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху – разбег, а мысли – меру дали. [4, с. 161-162].*

В декабре 1926 года рождается стихотворение «Дом поэта». В чеканных, торжественных ритмах развертывается вся летопись древней крымской земли.

Строки, завершающие стихотворение, звучат итогом всех жизненных раздумий поэта, дарованных ему Киммерией, его завещание грядущим поколениям:

*Будь прост, как ветер, неистошим, как море,
И памятью насыщен, как земля,
Люби далёкий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни, всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас [4, с. 368].*

ВЫВОДЫ

Проблема смысла человеческой жизни, места человека в мире являлась и является одной из доминирующих во все эпохи, особенно в XX-XXI вв. Но существует еще идея «прикрепления к земле», привязанность к конкретному месту, географической точке, когда осознаешь глубинную связь человека с мирозданием. Это есть обретение родины духа и своего дома. Таким местом мироздания, звеном в так называемой великой цепи бытия и становятся для Максимилиана Волошина «священные пределы» Киммерии.

Список литературы

1. Волошин М. История моей души / Максимилиан Александрович Волошин. – М.: Аграф, 2000. – 480 с.
2. Волошин М. Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи / Сост. и авт. вступ. ст. и коммент. З.Д. Давыдов. – Симферополь: Таврия, 1993. – 248 с.
3. Волошин М. Лики творчества / Максимилиан Александрович Волошин. – Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1988. – 848 с.
4. Волошин М. Молюсь за тех и за других: Стихи, поэмы, статьи / Максимилиан Александрович Волошин. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 384 с.
5. Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / Вступ. ст. и коммент. З.Д. Давыдова, В.П. Купченко. – М.: Изд-во «Правда», 1991. – 480 с.
6. Волошин М. Стихотворения и поэмы / Сост. и подгот. текста А.В. Лаврова и В.П. Купченко. – СПб.: Петербургский писатель, 1995. – 704 с.
7. Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. и коммент. В.П. Купченко, З.Д. Давыдов. – М.: Советский писатель, 1990. – 720 с.
8. Жарков Е.И. Страна Коктебель. Культурные очаги. Середина XIX – середина XX веков / Евгений Игоревич Жарков. – К.: Болеро, 2008. – 608 с.
9. Мескин В.А. Кризис сознания и русская проза конца XIX – начала XX в. / Владимир Алексеевич Мескин. – М.: Прометей, 1997. – 137 с.

KIMMERIYA IN POETIC PERCEPTION OF M. VOLOSHIN

Тузмазова L.L.

Being knot of crossing of trade ways, the Crimea was always space of intercivilization interaction, the place of a congestion, stratification, crossing and intensive cultural interpenetration of various people, the states, civilizations; we weed where faced and actively the historical worlds, different in sense and power, communicated. Here civilizations of antique Greece and Rome, Byzantium and Khazaria, Ancient Russia and the Balkan countries interacted.

For the poet, the artist and the philosopher Maksimilian Voloshin the Crimea became a symbol of unity of historical roots, continuity of traditions and interrelation of cultures of the people of the modern world.

However Voloshin wrote not about exotic beauty of the Southern coast of the Crimea though he there was more than once. Crowded with the impressions which are saved up from contemplation of the nature of the different countries, and enriched with achievements of world art of a landscape, Voloshin in poetry and painting has expressed the boundless love to Kimmeriya ("Kimmeriya I call east Area of Crimea from ancient Surozha (Pike perch) to Bosphorus of Cimmerian (Strait of Kerch) ...") and her core – to Koktebel.

Voloshin poet always in full consent with Voloshin painter. His many poems – result of visual perceptions of the real world, they give pictures of the nature and that mood which has arisen at the poet looking at the world the artist's eyes. The painter helps the poet to find paints for verses, the poet to the artist – unusually thin rhythmic soundings for pictures.

Regarding the Crimea in three forms – the sea, the steppe, mountains, is fundamental in this trinity for Voloshin твердь terrestrial. Certainly, lines of the poet about the sea are shrill also volshebna, as well as his sea water colors. In them – the hidden philosophical depth and accuracy of dab of the artist, poetic admiration of a moment and metaphysical idealism.

However the earth is for Voloshin a fundamental principle of all real. The shape of open steppe landscapes, their esthetic features couldn't but concern such master as Voloshin. The saline steppes frightening by the lifelessness, the flat hills overgrown with poor vegetation, the titanic heaps of rocks reminding various forms – people, animals, fantastic monsters, the naked steep breaks of the Kara Dag striking with the greatness, the bays and bays admiring with a wild charm – everything charms solemn silence, mysterious beauty. The people who are deeply feeling and understanding the nature always admired the strict, not deprived of grief Kimmeriya. Years of thoughts, comparisons, comparisons have led Voloshin to such belief, having made him the true keeper of this place.

The problem of sense of human life, the place of the person in the world was always one of dominating during all eras, especially in the 20-21st centuries. But there is still an idea of "an attachment to the earth", attachment to the concrete place, a geographical point when you realizes deep communication of the person with the universe. It is finding of the homeland of spirit and the house. Sacred limits of Kimmeriya become such place of the universe, a link in a so-called great chain of life also for Maksimilian Voloshin.

Keywords: lyrical narration, landscape, poetry, painting.

УДК 82-1/-9

КОМИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В РАССКАЗЕ Н. А. ТЭФФИ «КРЕПОСТНАЯ ДУША»

Усеинова Э. У.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь
E-mail: elvina.useinova.1991@mail.ru*

В статье рассмотрены принципы создания комического на материале рассказа Н. А. Тэффи «Крепостная душа». Путем исследования этого рассказа, мы приходим к заключению о том, что на творчество писательницы повлияли традиции языковых средств повествования времени, в котором она жила и, конечно же, ее авторский потенциал и мастерство.

Ключевые слова: рассказ, комическое начало, принципы создания.

ВВЕДЕНИЕ

Сатирическая литература в России первой половины XX века создала произведения большой типизирующей и обличительной силы. В них воплотился сложный и противоречивый опыт поколений, запечатлелись в своеобразной форме социально-философские и нравственно-эстетические искания нового мира. В разные исторические периоды сатирические жанры развивались неравномерно. Причина тому – особая гибкость и подвижность сатиры, ее необычайная чуткость к социально-эстетическим веяниям времени. В корне был пересмотрен основной принцип «смех ради смеха», ставший принципом осознанного осмеяния проблем общества, то есть юмор стал своеобразным решением некоторых противоречий. Так, Д. Николаев считал, что в начале XX в. произошло переосмысление комической функции в русской литературе: вместо функции отрицания возникла функция утверждения [1]. Это привело к формированию нового направления в русской юмористике, которое было призвано показать живительную силу смеха, помочь преодолеть противоречия в обществе и изменить отношение людей к различным жизненным ситуациям в новом историческом контексте. У истоков этого направления стояло новое поколение юмористов, создавших сатирические журналы «Сатирикон» (1908-1914) и «Новый Сатирикон» (1913-1918) и впоследствии называвших себя «сатириконцами». Особое место среди них занимает Н.А. Тэффи, которую называли первой русской юмористкой начала XX века, более того – «королевой русского юмора». Сама писательница никогда не приписывала себя к приверженцам чистого юмора: ее юмор всегда проглядывал сквозь призму грусти.

Одной из актуальных проблем повествования в произведениях Тэффи заключается в применении автором различных стилистических ресурсов. Поэтика комического Тэффи оригинальна и своеобразна. Она несёт в себе отпечаток индивидуальности мастера и связана, прежде всего, с особым мировоззрением писательницы, его субъективным видением, создавшим художественный мир, всегда открыто отражающий реальность. Сатирические нотки Н.А. Тэффи сочетаются с лиризмом повествования, что позволяет ее рассказам выделиться из общего потока юмористической

литературы начала XX века. В своих рассказах Тэффи критикует обывательские предрассудки, изображает жизнь простых людей, мелочную повседневную суету

Стремление понять основные черты творчества Н.А. Тэффи обусловило **цель** данной статьи – показать некоторые способы создания комического, характерные для основной части ее произведений. Для анализа мы выбрали рассказ «Крепостная душа» (1923) [3], который, на наш взгляд, кажется более иллюстративным.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Категория комического – наиважнейший элемент художественной литературы, запоминающийся, точно отображающий действительность. Комическое искусство настоящих мастеров смеха – это та сила, которая всегда зовет к прогрессу. Как говорил Л. Ершов: «Комическое искусство подлинно революционно. Смех никогда не служил силам реакции и регресса» [2, с. 271].

Можно легко найти комическое начало в любом элементе сатирического произведения начиная от простых слов, прозвищ и имен, выражений и оборотов, поговорок и поговорок, афоризмов, комических повторов, от видов метафоры до литературных цитат, вводных слов и предложений, слов, выражающих оценку, одобрение, эпитафий. Сатирик может использовать в своих целях и словообразовательные средства языка. Во многих сатирических произведениях находит отражение обилие выразительных средств языка.

Обращая внимание на последние исследования о способах достижения комического, можем сказать, что сатира представляет собой наиболее выразительную форму критического отношения к негативным явлениям жизни, к отрицательным чертам характера этих явлений.

Ю. Боров называл комизм «прекрасной сестрой смешного», считал, что «смешное зачастую может не быть комично. <...> Комическое более высокий жанр по сравнению с просто смешным» [3, с. 135].

Такого же мнения придерживался и А. Лук: «Не все смешное комично, но все комическое смешно. Другими словами, можно сказать, что, имея все признаки смешного, комическое обладает чем-то большим, ставящим его в разряд высоких приемов литературы. Также комическое нередко являлось инструментом влияния на общественную жизнь. Комическое – это общественно значимое смешное» [4, с. 63].

В контексте данных теоретических положений обратимся к анализу рассказа Тэффи «Крепостная душа». Отметим жанровую форму этого рассказа. Безусловно, рассказ написан в сказовой форме, что, кстати, сближает писательницу с М. Зощенко и А. Аверченко. Это не случайно, так как для прозы начала 20-х годов XX в. характерна сказовая форма организации текста: ориентация на чужое сознание, на чужой тип мышления. Характер героя проявляется прежде всего в манере говорить. Сказовая форма предполагает выражение точки зрения того или иного социума. Так, в рассказах Зощенко изображается мещанство, в рассказах Тэффи – крестьянство.

Говоря о способах создания комизма в рассказе «Крепостная душа», остановимся на таких средствах, как каламбур, алогизм, избыточность речи, использование просторечных форм, оксюморон, ирония.

Каламбурский смех возникает в том случае, если в нашем сознании общее значение слова заменяется его буквальным значением. В создании каламбура главную роль играет умение найти и применить конкретный и буквальный смысл слова и заменить его на более общее и широкое значение, которое имеет в виду собеседник. Это умение требует известного таланта, которым и обладала Тэффи. В целях создания каламбуров она пользуется сближением и столкновением прямого и переносного значений чаще, чем сближением и столкновением нескольких значений слова. Отсюда и возникновение некоей двойственности в понимании смысла: *«Барыня-то, ангел-то наш, и году не протянула. Очень он ее письмами донимал. А кучеру Науму лоб забрил. Что смеху-то было, хю-хю-хю!»* [5, с.152].

На этом же примере мы видим еще один интересный прием: он построен на алогизме. В основе алогизма, как стилистического приема и средства создания комического, лежит отсутствие логической последовательности в использовании различных элементов речи, начиная с речи и заканчивая грамматическими конструкциями. Словесный комический алогизм возникает в результате несовпадения логики рассказчика и понимания читателя. В данной фразе речь идет о трагической судьбе двух героев: барыня, которая умерла, не выдержав издевательств мужа, и кучер Наум, которого забрали в солдаты (*«А кучеру Науму лоб забрил»*). Однако рассказчица – старая нянька передала происходящее как очень смешное, безобидное событие (*«Что смеху-то было, хю-хю-хю!»*). Сочетание трагического, ужасного, с одной стороны, и комического, с другой, и создает тот эффект, который мы обозначим как «эффект Тэффи»: смех сквозь слезы.

Следующим приемом создания комического в этом рассказе является использование нелитературной (просторечной) лексики (например, *шкап* – шкаф, *рази Господа* – ради Господа, *взрезали* – разрезали, *кажная* – каждая, *ейную* – ее, *сурезный* – серьезный и др.):

«Весной выбирался сухой солнечный день, протягивалась в березняке веревка, и нянька проветривала свою смертную одежду: полотняную зажелкшую рубаху, вышитые туфли, голубой поясик, тканый заупокойною молитвой, и кипарисовый крестик» [5, с. 150];

«Зимой оставалась она одна-одиошенька в пустом, гулком доме, сидела целый день в темном углу, за шкапом, а вечером вытолзала в кухню, с бабой-караулкой чаю попить» [5, с. 150];

«Искали, искали, как в воду канул. Сели разговляться, священный кулич взрезали, ан в ем поваров мертвый палец!» [5, с. 150];

«Платочек вышивали два года; четыре кружевницы иголочками плели, кажная свой уголок» [5, с. 153];

«Барыня наша к государыне пресмыкнуться должна была, так вот платочек в подарок, чтобы дочку ейную в институт взяли» [5, с. 152];

«Слышу я из детской, как барин раскомаривает» [5, с. 152].

Нелитературные слова создают комические эффекты, а герои воспринимаются читателями как необразованные обыватели. Именно язык дает картину социального статуса героя. Такая подмена литературной нормированной словоформы нелитературной, диалектной используется Тэффи для того, чтобы показать, что рассказчик, критикующий других за невежество, невежественен сам: *«Говорю барыне: “Стре-*

буйте с немки ейные иголки, да в купоросе их растворите, да дайте вы этого купоросу барину выпить, как у него все колотье наружу иголками вылезет”. Нет, – не поверила. Вот и помер» [5, с. 152].

Речь рассказчика у Тэффи состоит из различных стилей. Столкновение этих стилей в одном и том же тексте говорит о человеке смешном, малограмотном. Наряду с этим интересно заметить, что Тэффи удалось создать такое произведение, в котором есть несовместимые, даже взаимоисключающие лексические ряды, существующие совсем близко друг к другу: они могут соседствовать буквально в одной фразе или реплике персонажа. Это и позволяет автору свободно маневрировать текстом, предоставляет возможность резко, неожиданно повернуть повествование в другую сторону: *«Искали, искали, как в воду канул. Сели разговляться, священный кулич взрезали, ан в ем поваров мертвый палец! Вот те и тараканы!.. Налей чайку!» [5, с. 151].*

Определение иронии не составляет больших трудностей, но требует определенных усилий. Ирония высказывает словами одно понятие, подразумевается же (но не высказывается на словах) другое, совершенно противоположное ему. На словах высказывается положительное, а понимается отрицательное. Ирония иносказательно раскрывает недостатки того, о ком (или о чем) говорят. Она представляет собой один из видов насмешки, и этим же определяется ее комизм. Недостаток обозначается через противоположное ему достоинство, затем недостаток выделяется и подчеркивается. Для иронии особенно характерна выразительность в устной речи, с помощью особой насмешливой интонации: *«А барчук шутить любил. Приехал из полка, выволок Стешку ночью за косу в столовую и кричит: “Пой мне, красавица, волжские песни”. Стешка-то о двенадцатом годку была, дура, испугалась, да бряк об пол. Два дня в себя не приходила. Что смеху-то было. Хю-хю! Шутник» [5, с. 153].*

«Барыня толковая была. Никогда девку по правой руке не ударит. Потому, все мы у ей кружевницы были. Ну, а левую руку всю, бывало, ищицлет; у каждой левая ручка, как ситчик, рябенькая. А и все девки кособокие были. С пяти лет за пяльцы сажали, – правое плечо вверх, а левое – вниз, левой рукой снизу иголку подтыкиваешь» [5, с. 151].

Подчеркнутая заостренность формулировки, необычность содержания на первый взгляд кажутся лишены смысла, однако в них, как оказывается, зашифрованы особо тонкие мысли самого автора.

Особо хочется остановиться на названии рассказа. Целью заголовка является краткое сообщение сведений о содержании произведения на основе выражения субъективно-авторского отношения к нему. Крепостная душа – старая нянька – собственность, которую продают, перепродают от одного барина другому. Она абсолютно бесправна, зависима от произвола хозяина. Таков примерный смысл, заключенный в заголовке. Однако содержание рассказа нас несколько обескураживает. Старая нянька повествует о некоторых событиях из своей жизни легко, как нечто само собой разумеющееся, без понимания того, насколько трагично ее положение. Здесь мы наблюдаем следующее: заголовок находится в оксюморонном отношении с самим текстом.

Рассказ «Крепостная душа», разумеется, не исчерпывает всего богатства творческой индивидуальности писательницы. Однако на его примере мы попытались дать некоторое представление об оригинальности писательницы.

ВЫВОД

Специфика юмористической манеры Тэффи определяется особой доброжелательностью повествования, теплотой отношения писательницы к своим персонажам. Художественное своеобразие рассказа «Крепостная душа» раскрывается через соединение комического, лирического и трагического. Юмор Тэффи, кажущийся созерцательным и добродушным, оставляет в душе глубокие незаживающие «ссадины», а сатира поражает обыгрыванием меткости и остроты.

Словесные средства создания комического, а именно каламбур, оксюморонность, ирония, стилистические подмены и смещения, столкновение нескольких стилей, причем часто даже в одном предложении, являются довольно продуктивным комическим средством и основаны на принципе эмоционально-стилевой контрастности.

Персонаж Тэффи сам является объектом сатиры, он выдает свою непосредственность, иногда наивность, иногда простоватость, иногда крестьянскую простоту, сам не осознавая этого, как бы абсолютно произвольно и потому смешно.

Список литературы

1. Николаев Д.Д. Комическое в русской литературе XX века. / Д. Д. Николаев. – М.: ИМЛИ РАН, 2014.– 504 с.
2. Ершов, Л. Ф. Сатира и современность [Текст] / Л.Ф. Ершов. – М.: Современник, 1978. – 271 с.
3. Боров Ю. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю. Боров.– М., 1970.– 272 с.
4. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии [Текст] / А. Н. Лук. – Москва: Искусство, 1967. – 191 с.
5. Тэффи Н. А. Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. Карусель. Дым без огня. Неживой зверь / Н. А. Тэффи. – М.: Худож. лит., 2008. – 222 с.

THE COMIC BEGINNING IN N. A. STORIES OF TAFFY

Useinova E.W.

In article the principles of creation of N. A. Taffy's story, comic on material, "Serf soul" are considered. By research of this story, we come to conclusion that works of the writer were influenced by traditions of language means of the narration of time in which she lived and of course her author's potential and skill. Keywords: story, comic beginning, principles of creation.

Statement of a problem: Satirical literature in Russia of the first half of the XX century has created works of the big typifying and accusatory force. Difficult and contradictory experience of generations was embodied in them, social and philosophical and moral and esthetic searches of the new world were imprinted in a peculiar form. Satirical genres developed in the different historical periods unevenly. The reason for that – special flexibility and mobility of satire, her extraordinary keenness to social and esthetic spirits of the times.

In a root the basic principle "laughter for fun", become the principle of conscious derision of problems of society, i.e. humour has been reconsidered, I became a peculiar solution of some contradictions. So, D. D. Nikolaev considered that at the beginning of the 20th century there was a reconsideration of comic function in the Russian literature: instead of function of denial there was a function of the statement [1]. It has led to formation of the new direction in the Russian yumoristika which has been urged to show the vivifying power of laughter, to help to overcome contradictions in society and to change the relation of people to various life situations in a new historical context. The new generation of the humorists calling themselves "satirikonets", con-

nected with the beginning of the edition of comic magazines "Satirikon" (1908-1914), "A new satyricon" (1913-1918) stood at the origins of this direction

The certain place in a circle of "satirikonets" is taken by N. A. Taffy which stories are simple for perception and contain a set of comic elements. Taffy was considered the interesting and ridiculous writer of that time. She was called the first Russian humourist of the beginning of the 20th century, even called "the queen of the Russian humour". Itself never attributed to Taffy herself to adherents of pure humour: her humour was always looked through through a grief prism.

Panoramic research of the art world of creativity of Taffy, especially her late period as a certain ideological and esthetic system is practically absent in research literatures. Therefore relevance of the declared subject is undoubted.

Keywords: story, comic beginning, principles of creation.

УДК 811.111'25

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ РЕАЛИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Петренко Д. А., Чернышова М. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: danil.petrenko@list.ru, margomarina2003@yahoo.com*

Проблема передачи реалий в переводах обусловлена востребованностью и возрастающей ролью переводческой деятельности в различных сферах общества, а также интересом современных лингвистов к различным аспектам перевода безэквивалентной лексики. Целью статьи является продемонстрировать на конкретных примерах возможности передачи некоторых немецких реалий на русский язык, проанализировать отдельные рекомендации по их переводу. Фактор эквивалентности приобретает особую значимость в страноведческом аспекте и при передаче значений реалий в немецкой топонимике.

Ключевые слова: реалия, теория перевода, язык перевода, национальный колорит, безэквивалентная лексика

ВВЕДЕНИЕ

С функционально-коммуникативной точки зрения каждую культуру и язык можно охарактеризовать в качестве довольно разветвленной системы, в рамках которой содержания различного вида способны обладать либо универсальными качествами и смыслом (т. е. иметь интернациональный характер), либо культурно-специфическими (специфика и актуальность ограничиваются рамками конкретной культуры).

В случае межъязыкового преобразования понятий редко удается избежать потерь, поскольку текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным адекватным тексту оригинала. Цель переводчика заключается в том, чтобы сделать эту адекватность наиболее полной (с минимальными лексико-семантическими потерями).

В качестве важного вспомогательного средства в таком случае могут выступать одноязычные и двуязычные словари. При этом следует учитывать, насколько формальные и содержательные особенности лексики исходного языка совпадают с представленными в словарях вариантами языка перевода.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Проблема эквивалентности проявляется наиболее ярко в случае перевода на другой язык слов, относящихся к реалиям. Перевод реалий представляет собой часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит, по мнению В. А. Вернигоровой, к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины [5, с. 184]. О реалиях, как о показателях колорита, заговорили лишь в середине 20-го столе-

тия. Так, например, Л. Н. Соболев в 1955-м году употребляет термин «реалия» в современном его понимании и дает ему достаточно четкую дефиницию [11].

Под реалиями принято понимать, с одной стороны, явления в сфере отдельных национальных культур и территориальных ареалов, которые не свойственны другим культурам, а, с другой, те языковые единицы, которые обозначают данные явления [2; 4; 8; 12; 19; 21]. К словам-реалиям нередко относят имена собственные, топонимику, наименования специфических для данного региона предметов быта, материальной и духовной культуры, традиции, характерные явления из сферы общественной, экономической и государственной жизни и т. п. Нередко лингвисты называют реалии экзотизмами [15, с. 223]. Не следует забывать, что экзотизмы всегда выступают как единицы иностранного происхождения, полностью сохраняя свой колорит. Реалии же являются более общим понятием, их перевод и перенесение в другую культуру с сохранением национального колорита представляют особый интерес для переводоведения. Согласно мнению А. Д. Швейцера, реалии являются частью безэквивалентной лексики. По мнению автора, «реалии – единицы национального языка, обозначающие уникальные референты, свойственные данной лингвокультуре и отсутствующие в сопоставляемой лингвокультурной общности» [16, с. 212]. С. И. Влахов и С. П. Флорин полагают, что реалии – это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода» [6, с. 47].

Отличительной особенностью реалий является и то, что у представителей данной культуры и носителей данного языка с ними связываются некие фоновые знания и ассоциации, которые на определенном этапе межнациональных и межъязыковых контактов отсутствуют у представителей иных культур и говорящих на других языках. Перевод реалий подразумевает передачу их особого колорита, включая и их уникальность.

В немецких городах, например, часто встречаются сохранившиеся еще от средних веков, но строившиеся также и в поздние периоды дома с узкими фасадами и заостренными фронтонами; последние называются «Giebel» (соответственно весь дом – «Giebelhaus»). России такая архитектурная форма не свойственна, следовательно, особого слова для ее обозначения не существует. В таком случае, при переводе приходится дополнять текст сочетанием двух или более слов. Подобное можно отнести и к слову «Fachwerkhau» – для правильного представления о таком доме требуется подробное его описание, а лучше еще и изображение (клетчатая постройка, где промежутки между клеткообразно сложенными брусками закладываются кирпичом или мелким лесом и обмазываются глиной) [22, с. 78-89].

Передача слов-реалий в переводе в целом сводятся к трем основным способам:

1. **Транслитерация** – непосредственное использование данного слова, обозначающего реалию (полная транслитерация), или его корня (частичная транслитерация) в написании буквами своего языка и в сочетании с аффиксами своего языка. Транслитерация применяется,

прежде всего, для воспроизведения в тексте перевода имен и фамилий лиц, большинства географических названий, в том числе улиц, площадей, гостиниц, театров, газет, журналов, издательств, информационных агентств, предприятий, судов, марок автомобилей и т. п. В тех случаях, когда предполагаемый читатель (слушатель) не располагает достаточной информацией о данной реалии, в перевод обычно вводятся поясняющие слова, чаще всего указывающие на род или класс объекта. Естественно, переводчик должен располагать соответствующими знаниями или уметь извлекать их из вспомогательных источников.

2. **Калькирование** – перевод элементов, составляющих название реалии, на основе регулярных соответствий. Этот способ применяется, когда реалия не подлежит обязательной транслитерации и когда перевод в значительной степени передает содержание реалии (Bundespräsident – федеральный президент).
3. **Трансформационный перевод** – перевод с применением разного рода трансформаций: добавления и опущения слов, толкований понятий в тексте и в сносках, использование приблизительного соответствия и т. д. Данный способ применяется, когда первые два оказываются недостаточными для передачи той фоновой информации, которая неизвестна потенциальному читателю или слушателю.

Можно выделить, вслед за Д. Гербергом [20], ряд реалий немецкого языка и условно подразделить их на три тематические группы:

- слова-реалии, связанные с народными обычаями и праздниками;
- слова-реалии периода объединения Германии (Wendezeit);
- слова-реалии, связанные с образными названиями городов и областей (перифразы).

1. Слова-реалии, связанные с народными обычаями и праздниками.

Die 5. Jahreszeit – пятое время года, которое наступает 11 ноября в 11 часов 11 минут избранием принца и принцессы в сопровождении 11 шутов, символизируя подготовку к карнавалу.

Fasching, Fastnacht, Mummenschanz – так называется в немецких землях карнавал – празднование наступающей весны, основанное на многих языческих традициях (вроде славянской масленицы): изгнание злых зимних духов, карнавальные шествия и т. п.

Büttenrede – слово «Bütt» обозначает бочку (диалектизм). При «Бюттенреде» оратор восходит на бочкообразную трибуну и произносит ироничную, часто сатиричную речь, нередко связанную с политикой.

Rosenmontag – кульминация карнавала, когда прекращается движение транспорта в центрах городов, начинается праздничное шествие по улицам, где зрителям раздаются сладости, пиво и выпивка (шнапс).

Aschermittwoch – заключительный день карнавала, когда люди устают праздновать, просто отдыхают в преддверии поста.

Maibaum – майское дерево, которое является атрибутом праздника «танцы в мае». Это ствол ели или березы, который устанавливается на рыночной площади, с ветками хвойных деревьев, закрепленных на своеобразном колесе, которое венчает майское дерево. Вниз спускаются разноцветные ленты, за которые люди держатся и танцуют.

Siebenschläfer – 27 июня (день семи сонь, сеногной). По преданию дождь, начавшийся в этот день, не прекращается в течение 7 недель: «Wenn es an den Siebenschläfern regnet, so ist man sieben Wochen mit Regen gesegnet».

Das Dirndl – «дирндлн» – национальный баварский женский костюм.

A Mouß – (диалектизм) – литровая кружка пива. Чаще всего употребляется в Баварии на празднике пива (**Oktoberfest**).

Schmalzkuchen – традиционный охотничий пирог со смальцем, который приготавливается по случаю праздника стрельцов (**Schützenfest**).

Lutje-Lagen – напиток, когда между большим и указательным пальцем держат бокал пива, а между указательным и средним – рюмку шнапса, и одновременно выпивают.

Der Advent – «адвент» или предрождественское время, начинающееся с четвертого воскресенья до Рождества. Подготовка к празднованию Рождества. Повсюду устанавливаются нарядные венки из хвои с тремя красными свечами.

Das Sternsingen – «пение под звездой» – старая традиция, когда дети переодеваются в трех святых королей и вместе со своими друзьями, несущими большую самодельную звезду, символизирующую звезду над Вифлеемом, исполняют рождественские песни, получая в награду деньги и сладости.

2. Слова-реалии периода объединения Германии (**Wendezeit**).

Период воссоединения Германии, известный под названием *Wendezeit*, охватывает время с октября 1989 по март 1990 и обозначает особенно важный этап истории страны.

Число культурно-специфических понятий огромно, поэтому предлагаются такие реалии, которые в употреблении представляют общекультурную ценность.

Rank-Xerox-Revolution – изменения, следствием которых стала быстрая адаптация к социально-политическим отношениям в ФРГ.

Abstimmung mit den Füßen – «голосование ногами» или бегство большого количества граждан ГДР после открытия Берлинской стены на Запад.

Vormundschaftlicher Staat – ФРГ, как страна, взявшая под свою опеку ГДР.

Geschlossene Gesellschaft – «своя компания» – группа людей, проводящих вместе время; также в политическом аспекте – «закрытое общество» жителей бывшей ГДР.

Renner der Saison – обозначение для ставшего популярным Круглого Стола (*Renner* – пользующийся спросом товар).

40-Jahre-DDR-Feier – празднование сорокалетнего юбилея ГДР. **Massenexodus** – выезд многих тысяч жителей ГДР через приграничные страны на Запад.

Montagsdemo – регулярные большие демонстрации в Лейпциге по понедельникам. Возникшие первоначально под демократично-социалистическими лозунгами, подобные **Demos** – стали вскоре рупором правоконсервативных сил.

Социальные преобразования в Германии сопровождались созданием большого числа различных объединений, организаций, движений, инициатив и партий. Для реалий подобного рода стала типичной трансформация значения таких понятий. Большой интерес вызывает процесс преобразования ряда пословиц:

- **Bleibe im Land und wehre dich** – «оставайся дома и защищайся», вместо библейского «*bleibe im Land und nähre dich redlich*» – «довольствуйся тем, что имеешь», «не рискуй»;
- **Wer Marktwirtschaft ruft, muß Arbeitslosigkeit sagen** – «кто взывает к рыночной экономике, тот должен помнить и о безработице», вместо «*Wer „A“ sagt, muß auch „B“ sagen*» – «сказал «А», говори и «Б»»;
- **Wer zuletzt lacht, lacht im Westen** – «тот, кто на Западе, смеется последним», вместо «*Wer zuletzt lacht, lacht am besten*» – «хорошо смеется тот, кто смеется последним»;
- **Wendehals, ick hör dir trapsen!** – «ага, я знаю, что у тебя на уме (по аналогии с берлинским шутливым выражением «*Nachtigall, ick hör dir trapsen*», с использованием названия птички торквиллы *Wendehals* (дословно 1. «вертишейка» (*Jynx (torquilla)*) или 2. неодобрительное «перевёртыш» (о бывших политиках ГДР, которые «держат нос по ветру»)).

Окончательным и важным событием объединения стало, без сомнения, открытие границы (**die Öffnung der Grenze**). Дата 9 ноября обозначала важный день немецкой истории и в будущем наверняка не будет нуждаться в объясняющих словах-спутниках как 7 октября 1949, 17 июня 1953, 13 августа 1961 и т. д. Данная дата носит характер чрезвычайно судьбоносной для Германии, так как именно в этот день в 1918 году произошла Ноябрьская революция, а в 1938 году – **Reichskristallnacht** – погром евреев. В данном случае происходит нечто похожее на омонимию реалий.

События 9-го ноября продемонстрировали пример дальнейшего культурно-семасиологического процесса, а именно развитие противоположных значений, так называемой энантиосемии (внутрисловная антонимия). Речь идет о Берлинской стене (табу для культуры ГДР), которая до времени переворота

служила символом раздела Германии и всей Европы, а позднее превратилась в символ вновь обретенной свободы.

3. **Слова-реалии, связанные с образными названиями городов и областей (перифразы).**

Stadt des Buches – («город книги») Лейпциг приобрел мировую известность в области издательского дела и полиграфической промышленности. Здесь же располагается и крупнейшая библиотека «Deutsche Bücherei».

Treffpunkt der Welt – («всемирный центр встречи»), т. е. город Лейпциг, который со второй половины XIII века известен своими ярмарками и входил в круг крупных торговых центров.

Stadt der Windmühlen – («город ветряных мельниц») так называют древний городок Вольдек (Woldegk), возраст которого составляет 750 лет. Символом города являются 5 ветряных мельниц.

Grünes Herz Deutschlands – («зеленое сердце Германии») – Тюрингия. Около 30% площади этой федеральной земли занимают леса.

Die Sächsische Schweiz – (Саксонская Швейцария). Речь идет о приэльбских песчаниковых горах, средняя высота которых составляет 400 метров. Около 1800 года швейцарский художник-пейзажист Адриан Цинг (Adrian Zing) присвоил этой живописной местности такое поэтически образное название, ставшее впоследствии почти официальным.

Das Land der tausend Seen – («земля тысячи озер») – Мекленбургское озерное плато (район между Нойбранденбургом и Шверином).

Bezirk der Stadttore – («округ городских ворот») – округ Neubrandenburg. В нем до наших дней сохранилось 26 городских ворот в 13 городах. Ворота были построены в XIII-XV веках и являются памятниками готической архитектуры.

Der Blaue Rennsteig – («голубой Реннштайг») – древняя пограничная тропа, проходившая по гребню Тюрингского Леса, которая используется сегодня как пешеходная туристическая тропа.

Slawisches Venedig – («славянская Венеция») – Шпреевальд (Spreewald). Километрах в 30-ти на северо-запад от города Коттбуса (Cottbus) река Шпрее (нем. Spree ['ʃpʁe:], лужицкое Sprjěwja) неожиданно растекается на множество потоков, образуя среди густых лесов, полей и небольших селений сложный, запутанный водный узор. В этой местности с давних пор живут лужицкие сорбы (Sorben) – потомки некогда большого славянского племени.

Die Goldene Aue – («золотой луг») – область между Гарцем (Harz) и Куфхойзером (Kufheuser); получила название из-за очень плодородной почвы и благоприятных климатических условий.

Milchader für Berlin – («молочная артерия Берлина») – das Havelländische Luch – область на северо-западе от Берлина, район бывших болот. После осушительных работ это место стало идеальным пастбищем.

ВЫВОДЫ

Задача выбора способа передачи значений реалий встает перед переводчиком практически лишь в том случае, когда данная реалия не освоена русским языком, т. е. не вошла в словари, справочники или тексты на русском языке по соответствующей проблематике. Это значит, что при передаче значений освоенных реалий используются существующие «готовые» соответствия. Если же таковых не имеется, то приходится подыскивать наиболее адекватный ситуации вариант перевода. К таковым традиционно относят три способа передачи реалий: 1. замена реалии исходного языка на реалию языка перевода; 2. передача чужой для исходного языка и языка перевода реалии; 3. опущение реалии. Во всех случаях в распоряжении переводчика имеется достаточный арсенал возможных приемов и средств: транслитерация, транскрипция, калькирование, полукалькирование, использование семантических неологизмов, уподобляющего, контекстуального перевода и т. п. Выбор конкретного приема перевода реалии всегда зависит от целей, которые стремится достигнуть переводчик – сохранить уникальность языковой единицы с возможными потерями значения или передать смысл реалии (при отсутствии прямого эквивалента), утратив при этом ее уникальные черты.

Список литературы

1. Архипов А. Ф. Самоучитель перевода с немецкого языка на русский / А. Ф. Архипов. – М. : Высшая школа, 1991. – 255 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. / Л. С. Бархударов. – М. : Высшая школа, 1975. – 240 с.
3. Большой немецко-русский словарь. Под ред. проф. О. И. Москальской / О. И. Москальская. – М. : Русский язык; Издание 2-е, 1980. – 1792 с.
4. Верещагин Е. М. Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.
5. Вернигорова В. А. Перевод реалий как объекта межкультурной коммуникации / В. А. Вернигорова. – М. : Молодой ученый. Филология. №3 (14). – 2010, с. 184-186.
6. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М. : Международные отношения, 1980. – 406 с.
7. Девкин В. Д. Практикум по лексикологии немецкого языка / В. Д. Девкин. – М. : Высшая школа, 1962. – 254 с.
8. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания / Л. К. Латышев. – М. : Просвещение, 2008 – 192 с.
9. Мальцева Д. Г. Перифразы, отражающие национально-культурную специфику современного немецкого языка / Д. Г. Мальцева. – М. : ИЯШ. – Вып. №5, 1988. – С. 92-96.
10. Попович А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М. : БГК им. И. А. Бодуэна Де Куртене, 2006 – 198 с.
11. Соболев Л. Н. О переводе образа образом. Вопросы художественного перевода / Л. Н. Соболев. – М., 1955. – 290 с.
12. Федоров А. В. Введение в теорию перевода / А. В. Федоров. – М. : Литература на иностранных языках, 1953 – 335 с.
13. Фразеология в контексте культуры. Языки славянской культуры. Сб. статей. – М., 1999. – 337 с.

14. Хаит Ф. С. Пособие по переводу с немецкого языка на русский / Ф. С. Хаит. – М. : Высшая школа, 2001 – 157 с.
15. Чернов Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык / Г. В. Чернов. – М. : Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XVI., 1958. – с. 223.
16. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
17. Kultur und Sprache. Beiträge zur interkulturellen Germanistik: Vorträge auf dem russisch-deutschen Kolloquium „Kultur und Sprache“, gehalten am 15.03.1995; Moskau, 1997
18. Lundquist-Mog., Angelika Spielarten. Arbeitsbuch zur deutschen Landeskunde / Angelika Lundquist-Mog – Berlin : Langenscheidt KG, 1996. – 97 S.
19. Linguistische Arbeiten. Linguistik in Deutschland. Akten des 21. linguistischen Kolloquiums. – Groningen, 1986. Hrgg. von Werner Abraham und Ritva Arhammar / W. Abraham und R. Arhammar. – Tübingen : Niemeyer Verlag, 1987. – 266 S.
20. Herberg Dieter; Steffens, Doris; Tellenbach, Elke. Schlüsselwörter der Wendezeit / Dieter Herberg, Doris Steffens, Elke Tellenbach. – Berlin; New York : Institut für deutsche Sprache, 1997. – 521 S.
21. Kirsch R. Das Wort und seine Strahlung. Über Poesie und ihre Übersetzung / R. Kirsch. – Berlin-Weimar : Aufbau Verlag, 1976. – 119 S.
22. Fischer G. Die landeskundlichen Komponente bei der Behandlung literarischer Texte / G. Fischer. – Leipzig : Deutsch als Fremdsprache, – Heft 2., 1977. – S. 78-89.
23. Stark Franz. Zauberwelt der deutschen Sprache / Franz Stark. – Moskau : MGU, 1995. – 352 S.
24. Duden-Lexikon in 8 Bänden. – Mannheim : Duden-Verlag, 1992.
25. Kluge Friedrich. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Friedrich Kluge. – Berlin/New York : De Gruyter, 2002. – 1023 S.

WAYS OF TRANSLATING GERMAN REALIA INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

D. Petrenko, M. Chernyshova.

The problem of rendering realia in translations is conditioned by the demand for and increasing role of translation activities in different spheres of the society, and also modern linguists' interest in different aspects of translating non-equivalent vocabulary. The aim of the article is to demonstrate the possibilities of rendering some German realia into the Russian language using concrete examples, to analyze certain recommendations as for their translating. The factor of equivalence receives particular importance in the cross-cultural aspect and when rendering realia meanings in the German toponymy.

Key words: realia, translation theory, target language, national colouring, non-equivalent vocabulary

УДК 8.81.33

АББРЕВИАЦИЯ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В СИСТЕМЕ TNM

Шеремет Д. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
e-mail: sheremet.nina@mail.ru*

Статья посвящена описанию терминов, составляющих классификацию злокачественных опухолей по системе TNM. Аббревиация терминов создает определенные трудности, как для медиков, так и для переводчиков и пациентов. Цель работы дать точную расшифровку сокращенных терминов в данной системе классификации, в результате чего можно сопоставлять соответствующие медицинские аббревиатуры в русском языке.

Ключевые слова: TNM категории, опухоль, лимфатические узлы, метастазы, саркома, патогистологическая классификация.

ВВЕДЕНИЕ

Международная классификация злокачественных опухолей по системе TNM прочно вошла в клиническую и научную деятельность подавляющего большинства клиник мира [1, с.4]. Очевидны ее преимущества, заключающиеся в краткости и значительной информационной емкости, что также облегчает последующую статистическую обработку. Основываясь на общих принципах были разработаны конкретные правила отнесения к той или иной категории для каждой области поражения. Первый вариант классификации TNM был опубликован в 1978 г.

Cancer, c-r, blastoma, Bl., NEO, neoplazma (неоплазма), tumor - все эти термины обозначают злокачественную опухоль, как правило - рак. Они и используются все для того, чтобы не писать слово "рак" открытым текстом. Для обозначения саркомы чаще используется другое сокращение - SA (Sa).

T.... N.... M....

Аббревиатура латинских слов, используемых в международной классификации злокачественных опухолей по стадиям. T- Tumor - первичная опухоль, значения могут быть от 1 до 4 в зависимости от размеров; N - Nodulus - узлы (лимфатические), значения могут быть от 1 до 2-3 в зависимости от уровня поражения регионарных лимфоузлов; M - Metastasis - метастазы, имеются в виду отдаленные метастазы, значения могут быть 0 или 1 (+), то есть, отдаленные метастазы имеются или нет. Для всех категорий (TNM) значение может быть x (икс) - имеющихся данных недостаточно для оценки [1, с.23].

- T - (tumor, опухоль). Характеризует размеры образования, распространенность на отделы пораженного органа, прорастание в окружающие ткани. Например, для рака толстой кишки:

-T0 - признаки первичной опухоли отсутствуют; -Tis (in situ) - рак на месте. На этой стадии опухоль расположена только в эпителии (внутриэпителиальный рак), а значит, не прорастает в кровеносные и лимфатические сосуды. На этом этапе развития злокачественная опухоль еще лишена инфильтрирующего характера роста и прин-

ципиально не может дать метастазов. Поэтому лечение рака *in situ* дает наиболее благоприятные результаты; -Т1- опухоль занимает незначительную часть стенки кишки; -Т2 - опухоль занимает половину окружности кишки; -Т3 - опухоль занимает более 2/3 или всю окружность кишки, суживая просвет; -Т4 - опухоль занимает весь просвет кишки, вызывая кишечную непроходимость и (или) прорастает в соседние органы [3, с. 243]. Для опухоли молочной железы градация осуществляется по размерам опухоли, измеряемым в сантиметрах, для рака желудка - по степени прорастания стенки и распространения на отделы желудка и т. д. - N (nodes) - узлы (лимфоузлы). Как известно, лимфа, оттекающая от органа, попадает сперва в ближайшие регионарные лимфоузлы (коллектор 1-го порядка), после них лимфа идет к группе более далеких лимфоузлов (коллекторы 2-го и 3-го порядков). Поэтому процесс распространенности рака можно охарактеризовать наличием или отсутствием злокачественных клеток в лимфатических узлах:

- Nx - нет данных о наличии метастазов в регионарных лимфоузлах (больной не обследован); -N0 - в регионарных лимфоузлах нет метастазов; -N1 - метастазы в коллекторе 1-го порядка; -N2- метастазы в коллекторе 2-го порядка; - N3 - метастазами поражаются дальние лимфоузлы (коллектор 3-го порядка). -M (metastasis) - отдаленные метастазы: -M0 - отдаленных метастазов нет; - M1 - есть хотя бы один отдаленный метастаз.

Патогистологическая классификация pTNM во всех случаях использует следующие общие принципы: •pT — первичная опухоль: •pTx — первичная опухоль не может быть оценена гистологически; •pT0 — при гистологическом исследовании признаков первичной опухоли не обнаружено; •pTis — преинвазивная карцинома (carcinoma *in situ*); •pT1, pT2, pT3, pT4 — гистологически подтвержденное нарастание степени распространения первичной опухоли. •pN — регионарные лимфатические узлы: •pNx — состояние регионарных лимфатических узлов не может быть оценено; •pN0 — метастатического поражения регионарных лимфатических узлов не выявлено; •pN1, pN2, pN3 — гистологически подтвержденное нарастание степени поражения регионарных лимфатических узлов. Примечание. Прямое распространение первичной опухоли в лимфатические узлы расценивается как метастатическое их поражение.

Опухолевый узел больше 3 мм, обнаруженный в соединительной ткани или в лимфатических сосудах вне ткани лимфатического узла, расценивается как регионарный метастатический лимфатический узел. Опухолевый узел до 3 мм классифицируется в категории pT как распространение опухоли.

Когда размер пораженного метастазами лимфатического узла является критерием для определения pN, как, например, при раке молочной железы, тогда оценивают только пораженные лимфатические узлы, а не всю группу.

•pM — отдаленные метастазы: •pMx — наличие отдаленных метастазов не может быть определено микроскопически; •pM0 — при микроскопическом исследовании отдаленные метастазы не выявлены; pM1 — при микроскопическом исследовании отдаленные метастазы подтверждены. Категория pM1 может иметь такие же подразделения, как и категория M1.

Также при необходимости большей детализации возможно подразделение основных категорий (например, pT1a и/или pN2a). Кроме того, существуют дополнительные

параметры классификации TNM. - G (gradus) - это степень злокачественности. Она определяется гистологически (под световым микроскопом) по степени дифференцировки клеток: - G1 - низкой степени злокачественности (высокодифференцированные); -G2 - средней злокачественности (низкодифференцированные); -G3 - высокой степени злокачественности (не дифференцированные). - T4 (penetration) - проникновение. То есть показывает степень их прорастания в стенки (только для опухолей полых органов).

Далее нередко дается расшифровка - где именно они имеются [4, с. 11-12]:

- Легкие — PUL
- Костный мозг — MAR
- Кости — OSS
- Плевра — PLE
- Печень — HEP
- Брюшина — PER
- Головной мозг — BRA
- Надпочечники — ADR
- Лимфоузлы — LYM
- Кожа — SKI
- Другие — OTH

Рецидивы опухоли показывают символом r (например, rT1N1aM0 или rpT1aN0M0).

Символ a указывает на установление TNM после аутопсии.

Символ m обозначает наличие множественных первичных опухолей одной локализации.

Символом L определяют инвазию лимфатических сосудов:

•Lx — инвазия лимфатических сосудов не может быть выявлена; •L0 — инвазии лимфатических сосудов нет; •L1 — инвазия лимфатических сосудов выявлена.
•Символ V описывает инвазию венозных сосудов: •Vx — инвазия венозных сосудов не может быть, выявлена; •V0 — инвазии венозных сосудов нет; •V1 — микроскопически выявлена инвазия венозных сосудов; •V2 — макроскопически определяется инвазия венозных сосудов. Примечание. Макроскопическое поражение венозной стенки без наличия опухоли в просвете сосуда классифицируют как V2.

Наличие или отсутствие остаточной (резидуальной) опухоли после лечения обозначается символом R. R-символ является также фактором прогноза:

•Rx — недостаточно данных для определения остаточной опухоли; •R0 — резидуальная опухоль отсутствует; •R1 — резидуальная опухоль определяется микроско-

пически; •R2 — резидуальная опухоль определяется макроскопически. Использование всех перечисленных дополнительных символов не является обязательным [2, с.700-702].

ВЫВОД

Классификация по системе TNM дает достаточно точное описание анатомического распространения болезни. Однако она достаточно сложна для понимания неспециалистам, поэтому при возникновении любых вопросов пациентам следует обращаться к лечащему врачу.

Список литературы

1. Гешелин С.А. TNM-классификация злокачественных опухолей и комплексное лечение онкологических больных / С. А. Гешелин. – Київ: Здоров'я, 1996. – 184 с.
2. Gerard-Marchant R. The classification of thyroid cancers according to the TNM system // Ann Radiol (Paris). – 1977, v. 20. – №8. – 702 p.
3. Sobin LH, Gospodariwicz M, Wittekind C (eds). TNM classification of malignant tumors. UICC International Union Against Cancer. 7th edn. Wiley-Blackwell, 2009 Dec; 313 p. – Pp. 243–248.
4. TNM Классификация злокачественных опухолей / под ред. Блинова Н. Н. — 5-е изд. — СПб.: Эскулап, 1998. —190 с.

ABBREVIATION OF ONCOLOGICAL TERMS WITHIN THE TNM CLASSIFICATION

Sheremet D. V.

The given article is devoted to the description of the terms, composing the classification of malignant tumors according to the TNM system. Abbreviation of medical terms poses a significant problem for medical professionals, as well as for translators and patients. The purpose of the article is to resolve abbreviated terms in order to be able to find adequate medical abbreviations in the Russian language.

Key words: TNM categories, tumour, nodes, metastases, sarcoma, pathohistological classification.

УДК 81'22/'23

КОНЦЕПТ «НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Эсаулова И. Ю.

*Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко, Луганск
E-mail: inna_horoshilova@mail.ru*

Предпринята попытка описания национальной специфики концепта «неопределенность» лексическими средствами русского языка. Концептологический анализ, проведенный с помощью лексикографических источников, дает право описать языковую картину мира. Концепт «неопределенность» передает непредсказуемость бытия в русской языковой картине мира, и, таким образом, проявляет специфическое восприятие мира. Неопределенность, заложенная в семе слов, отражает многие сферы человеческого бытия, передавая особое восприятие действительности. Хотя категория неопределенности находит реализацию в любом языке мира (языковая универсалия), в русском языке данная категория обладает особенной выраженностью и экспрессивностью, передавая ментальные установки русского народа.

Ключевые слова: категория неопределенности, концепт, иллокуция, концепт «неопределенность».

ВВЕДЕНИЕ

Невзирая на универсальность понятия «неопределенность» в русском языковом сознании, данный концепт ранее не был комплексно исследован. Ни в книге Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» (2004), ни в 8-ти томной «Антологии концептов» (В.И. Карасик, И.А. Стернин, 2005-2011) мы не находим комплексного описания концепта «неопределенность». В данных книгах представлены смежные «неопределенности» концепты: «обман», «лицемерие и искренность», которые не могут в должной мере всесторонне проявить национальную специфику данного концепта. Обзор литературы приводит нас к выводу о том, что в современном языкознании не существует исследований по данной лингвистической проблематике. Диссертационное исследование Н.Р. Кириченко «Концепт «неопределенность» в английском языковом сознании» [2] может дать анализ проявления этого концепта в английской культуре. Недостаточная изученность концепта «неопределенность», возможно, связана с тем, что категория неопределенности, является языковой универсалией и, в большей или в меньшей степени, находит свое проявления в каждом языке. Однако мы попытаемся дать характеристику концепта «неопределенность» в русской языковой картине мира, а также продемонстрируем его вербальную реализацию средствами русской лексикологии.

При описании концепта «неопределенность» употребление лексикографических источников будет представляться лишь одним из источников информации о содержании концепта, дополнительным материалом при описании концепта, так как простой дефинитивный анализ не может дать представления о различии культур. «Концептологические исследования позволяют во многом уточнить словарные дефиниции» [3, с.26]. Лексикографический материал также будет полезен при описа-

нии языковой картины мира; эти данные и будут составлять исходный материал концептологического описания.

Материалом исследования послужили данные выборки из толковых, фразеологических, этимологических, синонимических и энциклопедических словарей русского языка, печатных изданий.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Важным для данного анализа является «Краткий словарь когнитивных терминов» Кубряковой [4], который помогает дать всеобъемлющее понимание когнитивных установок участников общения. По определению Кубряковой, **КОНЦЕПТ** (concept; Konzept) - термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие К. отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания. К. возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причем эта информация может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира [4, с. 90]. То есть, концепт позволяет хранить знания о мире; путем познавательной деятельности (когниции) человек ориентируется в мире, отображая действительность с помощью концептообразующего знания, и, тем самым, передает когнитивные и ментальные установки народа в целом.

Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как они дают «ключ» к ее пониманию) [5, с. 10]. Лингвоспецифичными считаются слова, которым сложно найти лексические аналоги в других языках. К таким словам в русском языке относятся судьба, душа, разлука и др. Наряду с такими значимыми словами-концептами к числу лингвоспецифичных относятся также любые слова, в значение которых вводится какая-то важная именно для данного языка (т.е. ключевая) идея [5, с.10]. К таким словам, по нашему мнению, относится слово-концепт «неопределенность», так как находит в русской языковой картине мира особую реализацию. Одним из сквозных мотивов для русской языковой картины мира является идея непредсказуемости бытия, которая и реализует специфику категории неопределенности в русском языке (угораздило, на всякий случай, если что, авось, а вдруг).

В психологии истоки концепта «неопределенность» связаны с невозможностью человеческой психики осознать себя в материальном и духовном мире, найти закономерное объяснение ходу событий человеческой жизни, постоянной неопределенности будущего, неопределенности выбора, желаний и мн. др. Корнилова Т.В. в статье «Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов» пишет о том, что принцип неопределенности – это принцип понимания мира, картины мира и человека в нем [6]. Важным в психоло-

гическом параметре также являются причины и цели неопределенности, находящие свое отражение в иллюкутивных установках участников общения.

В философии о неопределенности писали Платон, Аристотель, Гегель и мн. др. Платон считает, что неопределенность реализует хаотичность материального мира. Аристотелем неопределенность понимается как «объективная лишенность определенного бытия, качества, количества, места, времени и т.д. Случайность характеризуется неопределенностью и непредсказуемостью» [7, с. 106]. Определение неопределенности в рамках психологии и философии дает право утверждать, что концепт «неопределенность» - это ментальное образование, свойственное человеку в результате невозможности его осознания и контроля событий, выражающееся в бессилии предсказать и интерпретировать хаотичный мир.

Лингвистический аспект концепта «неопределенность» будет выражен лексическими, грамматическими, синтаксическими и др. средствами. Ядром категории неопределенности в русском языке выступают неопределенные местоимения и местоименные слова. Также, с помощью толковых словарей, нами было выписано около 1000 лексических единиц, базовые и периферийные семы которых являются носителями категории неопределенности. При выделении лексических единиц использовался анализ словарных статей, изучались семантические поля ключевых слов. Важным фактором послужило контекстообразующее употребление лексем, которые, при применении в тексте и дискурсе, особым образом проявляют различные признаки неопределенности.

Как известно, слово – носитель не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации; оно вместе с тем аккумулирует социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно национального характера. Такая информация и составляет социально-исторический, национально обусловленный культурный компонент смысловой структуры слова [8].

«Можно считать лексическую единицу некоторого языка ключевой, если она может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком... Представления о мире, свойственные носителям русского языка и культуры, находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком, и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определенными для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [5, с. 17–18].

Словник лексических единиц, реализующих концепт «неопределенность» был составлен с помощью толковых словарей русского языка (общее количество слов составляет около 1000 единиц) [9], [10]. Нам удалось выявить, что слова, в семах которых заложена неопределенность, характеризуют многие сферы человеческого бытия, что и обуславливает универсальность данной категории. Продемонстрируем некоторые примеры лексической реализации концепта «неопределенность»:

1. Слова, передающие неопределенность или некоторые черты и характеристики неопределенности субъекта действия: аноним, безвестный, безликий, лицемер, симулянт, непостоянный, беспамятный, осмотрительный, скрытный, уклончи-

вый, ненасытный, неприкаянный, неуловимый, ветреный, двуликий, молчаливый и мн. др.

2. Неопределенность объекта: заковыристый, затерянный, нерешенный, туманный, нереальный, невыполнимый, напрасный, бесполезный, незначительный.

2. Неопределенность размера: колоссальный, нескончаемый, ничтожный, чрезмерный.

3. Неопределенность места: издалека, неоткуда, неподалеку, отовсюду, поблизости, поодаль, близлежащий, далече.

4. Неопределенность трактовки: двусмысленный, изменчивый, косвенный, малоговорящий (не дающий явного представления), неверный, отдаленный, маловероятный, бездоказательный, вариативный

5. Неопределенность знания, тайны: закулисный, тайный, таинственный, скрытный, заповедный (хранимый в тайне), потайной, уклончивый

6. Неопределенность недостижимого: инопланетный, инородный, невообразимый, неведомый, недостижимый, неизведанный, неизвестный, немислимый, неосуществимый, несбыточный, парадоксальный, сверхъестественный, стихийный, фантастический

7. Неопределенность меры: безбрежный, безграничный, безмерный, бесконечный, всеобъемлющий, неисчислимый, несколько, понемного, примерный, малогабаритный, малочисленный, многочисленный,

8. Неопределенность, связанная с обманом, интригой: авантюра, демагогия, загадка, залепуха (обман), интрига, каверзный, конспирация, лохоткон, небылица, путаница, тайна, ахинея, втихую, скрытно, дезинформировать (введение в заблуждение ложной информацией), дурачить, надувательство

9. Неопределенность, связанная с влиянием на реципиента: наобещать, озадачить, отмолчаться, отуманить, притвориться, симулировать, умолчать, фокусничать, хитрить, шифровать, запутать,

10. Слова, передающие стремление преодолеть неопределенность: обнаружить, разоблачить, выискать, выяснить, дознаться, известить, объяснить, обличать

11. Неопределенность состояния: гипноз, забытье, затмение, конфуз, неопределенность, нерешимость, нестабильный, неустойчивый, переменчивый, смятение, сомнение,

12. Неопределенность времени: вечно, вечность, вскоре, давешный, давно, давность, долговечный, долговременный, изредка, иногда, испокон веку, кратковременный, временный, всегда, краткосрочный, мгновение, мигом, мимолетный, навечно, насовсем, недавний, ненадолго, преждевременный, разновременный, ранее.

13. Неопределенность в когнитивном аспекте: замысловатый, замять (умышленно не дать ходу), забвение (утрата памяти о чем-либо), заблуждаться, запоминать, заподозрить, недоумевать, недоумение, непонятный, непостижимый, непредсказуемый, неразрешимый, неясный, предполагать, противоречивый, раздумье, разногласие, угадывать, уточнять, допущение, доходчивый,

14. Неопределенность, связанная с различными девиациями: галлюцинации, иллюзия, искажение, карикатура, маловразумительный, маловыразительный (недо-

статочно ясный), марево, мерещиться, мешанина, мираж, мнимый, невразумительный, приведение, призрак, фальшивый, фантом, видение, дежавю.

15. Неопределенность сенсорных понятий (зрительное и слуховое восприятие): видимость, вполголоса, вслепую, втемную, незаметный, невнятный, непроглядный, раздвоиться, расплывчатый, расплзтись, сенсорный, слепой, туманный, бессвязный, вглядываться, всматриваться, видеться

16. Неопределенность, связанная с невозможностью контролировать ход событий: неразбериха, безнадега, безобразие, белиберда, беспредел, хаос, анархия.

Как можно заметить, ряд лексических единиц передают значение неопределенности, выражая языковую картину мира русского народа. Едва ли представляется возможным найти такую обширную парадигму слов, передающих неконтролируемость событий в любом другом языке (неразбериха, безнадега, безобразие, белиберда и др.). «Современные методы изучения лексической семантики и результаты, полученные при их применении к материалу русского языка, показывают, что значение большого числа лексических единиц (в том числе и тех, которые на первый взгляд кажутся имеющими переводные эквиваленты в других языках) включают в себя лингвоспецифические конфигурации идей. При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир» [5, с.18]. Таким образом, несмотря на то, что понятие неопределенности фигурирует в любом языке мира (категория неопределенности представляет собой языковую универсалию), именно в русском языке данная категория проявляет необычайную выраженность и экспрессивность, передавая особые ментальные установки представителей русского народа. Нам кажется, что это, прежде всего, связано с тем, что русскому народу свойственна повышенная эмоциональность и экспрессивность, которая выявляется при реакции на неопределенную ситуацию, что находит свое отражение в лексическом, грамматическом, стилистическом и фонетическом составе русского языка. Авторы книги «Ключевые идеи русской языковой картины мира» демонстрируют ряд важных для понимания данной ситуации моменты: «Анализ русской лексики с указанной точки зрения позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих лингвоспецифических и плохо передающихся переводу русских лексических единиц и фразеологизмов, которые при этом, как правило, не попадают в ассертивный компонент высказывания. Сюда относятся, напр., следующие представления: «в жизни могут случаться непредвиденные вещи» (если что, в случае чего, вдруг), но при этом «все равно не предусмотришь» (авось)» [5, с. 24]. Характеристике слова «авось» отводится необычайное внимание для описания русской ментальности, так как оно обычно переводится при помощи слов со значением «может быть, возможно», что не демонстрирует специфичности русского «авось». Установка на «авось» передает беспечность, надежду избежать чего-либо неприятного в будущем (Авось, пронесет; Авось, обойдется). Данное слово также характеризует пассивность русского человека, нежелание решительно действовать для решения проблемной ситуации, надеяться, что все образуется, разрешиться без его участия (на «авось»). Выделенности данного слова при характеристике русского языкового сознания уделяли внимания и отечественные и зарубежные лингвисты (Вежбицкая, Николина, Зализняк и др). Вот что пишет Анна

Вежибская по этому поводу: «...отсутствие в языке некоторого слова означает отсутствие соответствующего концепта. Но наличие некоторого слова безусловно указывает на наличие соответствующего концепта и, более того, на его значимость для русской культуры» [11, с. 21, 123].

Таким образом, в русском языке и культуре проявляются черты русского национального характера через повышенную эмоциональность и недостаточность рационального подхода к ощущению непредсказуемости жизни, что и порождает концепт «неопределенность» в русском языковом сознании. Лексический состав русского языка выражен лексическими единицами с семантикой неопределенности, характеризующие русское языковое сознание: повезло, авось, безобразия, давешний, далеке, далеко, посчастливилось и многие другие, тем самым обуславливают наличие концепта «неопределенность» в русской языковом сознании.

ВЫВОДЫ

Анализ значения синонимов русской лексики «неопределенность» позволил конкретизировать изучаемый концепт. Неопределенность - неточность, смутность, неопределимость, нечеткость, туманность, неявность, неустановленность, расплывчатость, обтекаемость, неясность, дипломатичность, уклончивость, влияние, неконкретность, неотчетливость, недостоверность, ненадежность, сомнение, двусмысленность [12].

В итоге выявлено, что концепт «неопределенность» имеет особую экспрессивность и выраженность в русской языковой картине мира. Установка «на авось» и «повезло» передают беспечность и нежелание проявлять решительность, тем самым проявляя особенную реализацию концепта «неопределенность» в русском языковом сознании. Таким образом, неопределенность представляется ключевой в понимании культуры и ментального устоя русского народа.

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2004. - 991 с.
2. Кириченко Н.Р. «Концепт «неопределенность» в английском языковом сознании», дис. ... к-та филол. наук / Н.Р. Кириченко. – Иркутск, 2007
3. Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов. / В.И. Карасик, И.А. Стернин. – № 6. – Волгоград :Парадигма, 2008. – 332 с.
4. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянов, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. фак-т МГУ, 1996. – 245 с.
5. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира
6. А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
7. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов / Т.В. Корнилова; [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.cognitivepsy.ru/Pubs/2013_Uncertainty_Kornilova.pdf
8. Аристотель. Метафизика. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 348 с.
9. Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики. / Ю.А. Бельчиков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teneta.rinet.ru/rus/be/belchikov_ocultnconnot.htm
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bit.ly/1kctFyg>
11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского язык / С. И. Ожегов; [Под ред. проф. Л.И. Скворцова]. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс». – 1360 с.

12. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations / A. Wierzbicka // Oxford: Oxford University Press. – 1992. – 496 p.
13. Словарь синонимов русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/

THE CONCEPT OF "UNCERTAINTY" IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Esaulova I.Y.

The article attempts to describe the national specificity of the concept "uncertainty" with the help of lexical means of the Russian language. Despite the universality of the concept of "uncertainty" in the Russian language consciousness, this concept has not been comprehensively investigated before. In theoretical books observed, there is no detailed study in the field of uncertainty discourse. Scientists present concepts which are related to "uncertainty", but still do not describe its nature: "deceit" and "hypocrisy and sincerity". These concepts are not sufficiently comprehensive to show national specifics of the uncertainty concept. It leads us to conclude that in modern linguistics there are no studies on this linguistic issue.

The concept analysis, conducted with the help of lexicographic sources, gives the right to describe the language picture of the world. The concept of "uncertainty" conveys the unpredictability of life in the Russian language picture of the world, and, thus, exhibits a specific perception of the world. The uncertainty, which is conveyed in the semantics of the words, reflects many of the spheres of human existence, conveying a particular perception of reality. It also characterizes the passivity of the Russian people, the reluctance to act decisively to resolve a problem situation, to hope that everything will be resolved without his participation. Although the category of uncertainty finds an implementation in any language of the world, in Russian this category has a special intensity and expressiveness.

The concept helps to store knowledge about the world; by cognitive activity (cognition) a man versed in the world, shows the validity of using concept knowledge, and, thereby, transmits cognitive and mental attitudes in general. In psychology, the origins of the concept "uncertainty" associated with the inability of the human psyche to realize itself in the material and spiritual world, to find a logical explanation for the events of human life, the constant uncertainty of the future, the uncertainty of choices, desires and many others. The definition of uncertainty in the psychology and philosophy gives the right to say that the concept of "uncertainty" is a mental formation of human nature as a result of the impossibility to realize and control events, expressed in impotence to predict and interpret a chaotic world. Thus, the concept of "uncertainty" reflects mental intentions of all people, highlighting the national and cultural peculiarities.

In addition, it is evident that Russian national character is expressed through heightened emotionality and lack of a rational approach due to the feeling of the unpredictability of life that gives rise to the concept of "uncertainty" in the Russian language consciousness. The lexical structure of Russian language is expressed by the lexical units with semantics of uncertainty in the Russian language consciousness, which witnesses the presence of the concept of "uncertainty" in Russian.

The linguistic aspect of the concept of "uncertainty" is expressed by lexical, grammatical, syntactical and other means. The core categories of uncertainty in the Russian language are indefinite pronouns and pronominal words. Also, with the help of dictionaries, we have issued about 1,000 lexical units, which are carriers of the categories of uncertainty. Special attention was paid to semantic field keywords. An important factor was the use of context: when these lexical items were applied in a text or a discourse, a special way to show various signs of uncertainty was conveyed with the help of expressiveness and emotions. Modern methods of studying lexical semantics and the results obtained in their application to the material of the Russian language, show that the value of a large number of lexical units include cultural ideas. It is often found that these configurations of meanings correspond to some views that are traditionally considered to be characteristic for the Russian view of the world.

The analysis of the meaning of synonyms of the Russian lexeme "uncertainty" has allowed understanding the concept fully in the study.

In the end, it is revealed that the concept of "uncertainty" has a special expressiveness in the Russian language picture of the world.

Keywords: uncertainty, concept, illocution, and the concept of "uncertainty".

References:

1. Ozegova S. Dictionary of Russian Language / S. Ozegova, N. Shvedova; [Electronic source]. – Link : <http://bit.ly/1kctFyg/>
2. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. / A. Wierzbicka // Oxford: Oxford University Press. – 1992. – 496 p.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.1

ПАРАДИГМА ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ КРЫМУ

Богданович Г. Ю., Новикова Т. Ю.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: bogdanovich@crimea.edu*

*Наше время – время знаний.
Мир – это поле борьбы знаний:
без знаний не существовать на нём.
И. Гаспринский*

В статье рассматривается современная лингвокультурная ситуация Крыма. Сбалансированная парадигма языкового образования во многом определяется отношением к языку обучения, языку изучения, языку коммуникации.

Ключевые слова: языковое образование, лингвокультурная ситуация, парадигма языкового образования, язык изучения, язык обучения.

ВВЕДЕНИЕ

Современная языковая ситуация в поликультурном регионе во многом определяется сбалансированным вниманием (не только декларированием) и отношением к языку изучения, языку обучения, языку коммуникации. Именно сбалансированное отношение к языку во многом определяет жизнь социума. Три языка обозначены в Конституции Республики Крым в качестве государственных. Если у всех трёх языков одинаковый государственный статус, то как должна быть выстроена система использования этих языков? Есть ли особенности в функционировании этих языков? Все равны по своей значимости? Или есть главный среди них? Безусловно, нужна дополнительная законодательная детализация основ функционирования этих трёх государственных языков в республике. Начнём с того, что у каждого языка своя история, своя общественная роль, и что ещё весьма существенно - разная конкурентоспособность. Однако все три в Конституции РК имеют статус государственного. Чем это оправдано? Такое решение вызвано сегодняшними реалиями, что и позволяет снять эмоциональную напряжённость в обществе.

Русский язык является одновременно *общегосударственным* и языком *коммуникации*. Нет сомнений в обязательности его изучения и в необходимости владе-

ния им на самом высоком уровне, который достигается обычно естественным путём в процессе использования его в качестве языка обучения. Именно русский язык обеспечивает самоидентификацию жителей России как граждан Российского государства [1]. По данным Всекрымской переписи населения, осуществлявшейся в Республике Крым и Севастополе с 14 по 25 октября 2014 года и опубликованной Росстатом, государственным языком Российской Федерации — *русским* — в Крымском федеральном округе владеет 99,8% населения, ответившего на вопрос о владении языками. На вопрос о родном языке 84% населения ответили, что их родным языком является *русский*, 8% — *крымско-татарский*, 4% — *татарский* и 3% — *украинский язык*.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Так какова же роль других государственных языков Крыма? Украинский язык – язык *ближайших соседей* и *самого близкого прошлого*, в котором он был представлен в качестве единственного государственного языка. Следовательно, им владеют практически все крымчане. Крымско-татарский язык – *язык крымско-татарского народа*, компактно проживающего на территории Крыма и считающего Крым своей *исторической родиной*. Многонациональный Крым, в котором, по данным переписи населения 2014 года, проживает 175 этносов, естественно, не представляет собой национальную республику. Но крымско-татарский язык с учётом его нынешнего состояния нуждается на данном этапе в государственной поддержке для сохранения и развития как малый язык, поскольку язык можно сохранить в живом состоянии, только если он служит средством общения. Да и в чисто практических целях живущим рядом не помешает знать язык соседа, язык неблизкородственный, но зато близко существующий и реально функционирующий. И это уже само по себе может способствовать гармонизации межнациональных отношений, что тоже немаловажно.

Возникает вопрос: возможно ли корректно выстроить языковое образование в Крыму, чтобы оно не вызывало недоброжелательных высказываний о принудительном/обязательном изучении языков? Одно, безусловно, уже ясно: надо хорошо продумать языковую политику в сфере образования, прежде чем принимать закон о языках. И не забыть при этом о других языках малочисленных народов (караимов, крымчаков), а также о языковом и культурном многообразии Крыма. Необходимо открытое обсуждение вопроса, в ходе которого можно узнать мнение всех, кто связан с преподаванием русского, украинского и крымско-татарского языков. Такое обсуждение не может быть кулуарным. В нём должны принять участие и школьные учителя, и преподаватели высшей школы, да и все желающие высказаться по этому вопросу. Благо, современное информационное пространство позволяет проводить такие широкие обсуждения без обязательного собирания всех в одном месте и в одно время. Конечно, такая дискуссия должна тщательно готовиться теми, кто её проводит. Нужно иметь аргументы за и против. Надо дать, прежде всего, родителям возможность добровольного выбора, но с представлением прогнозируемых конечных результатов. Такая дискуссия избавит крымский социум от единоличного решения на уровне чиновников: учить или не учить всем тот или иной язык, являю-

щийся родным для части жителей? Или в каком качестве учить язык, например, крымско-татарскому этносу: как язык изучения или как язык обучения?

Важным при этом считаем предложение обсудить разные возможности и варианты изучения крымско-татарского языка. Это могут быть и школы с крымско-татарским языком обучения. Однако при таком выборе, естественно, возникает вопрос: в каких вузах будут продолжать своё образование выпускники? Ведь их конкурентоспособность при поступлении в вуз будет ограничена в определённой степени, поскольку знаний по русскому языку может быть недостаточно для продолжения образования. Следовательно, родители должны сразу понимать эту отдалённую перспективу для своего ребёнка. Второй вариант: в обычной школе организовать классы с углублённым изучением крымско-татарского языка как родного при обучении на русском языке, что значительно повышает конкурентоспособность выпускников при поступлении в российские вузы. Перечисленные варианты касаются, прежде всего, крымско-татарского этноса, для которого сохранение родного языка является важным для сохранения идентичности и самобытности.

Кстати, было бы целесообразно создавать классы с углублённым изучением родного языка по единой системе и для других крымских этносов, если от них будет исходить такой запрос на знание своего языка: армянского, белорусского, болгарского и т.д., поскольку все этносы имеют свою культуру, свой язык.

По данным Росстата, перепись зафиксировала в Крыму 2 млн. 284 тыс. жителей, из них свою национальную принадлежность указали 96,2%. Самые большие национальные общины – русские (68% населения), украинцы (почти 15,7%) и крымские татары (около 12 %). Другие национальности в Крыму составляют до 4% населения. Из них самые многочисленные – это белорусы (21,7 тыс. человек, 1%) и армяне (11 тыс. человек, 0,2%). От одной до пяти тысяч человек в Крыму – это такие национальные группы, как азербайджанцы, узбеки, молдаване, евреи, корейцы, греки, поляки, цыгане, чувашаи, болгары, немцы, мордвы, грузины и турки. Менее одной тысячи человек входит в национальные группы таджиков, марийцев, башкир, удмуртов, осетин, казахов, арабов. Кроме того, в Крыму насчитывается 535 караимов, 228 крымчаков.

Для современного состояния крымского социума значимым представляется также вопрос о возможности овладения крымско-татарским языком для тех, кто понимает, что в современном мире лучше знать больше языков, чем ограничиться знанием только родного языка и кое-каким «владением» иностранным языком, для которого в процессе изучения в школе нет реальной языковой среды общения. Но для крымско-татарского языка как раз существует реальная языковая среда для закрепления полученных на уроке навыков. Это тоже даёт определённый стимул для изучения: его можно непосредственно использовать. А опыт изучения любого неродного языка благотворно сказывается на изучении всех последующих языков. Тем более что узнавание законов неблизкородственного языка, в данном случае тюркского, способствует активному развитию лингвистического мышления. При этом возникает вопрос, как организовать учебный процесс, чтобы в нём нашлось место для крымско-татарского языка. Главный аргумент у оппонентов: зачем и как изучать, если дети и так перегружены. Прежде всего, надо определить, какой уровень владения языком мы хотели бы получить в конечном результате. Думается, что

самым оптимальным может быть уровень, позволяющий объясняться на бытовые темы и читать простые тексты. Для решения этой проблемы, вероятно, было бы полезно воспользоваться элементами и приёмами методики билингвального обучения. Тогда для изучения крымско-татарского языка можно будет использовать и неязыковые уроки: и труда, и музыки, и живописи, и физкультуры. Конечно, такой подход потребует пересмотреть подготовку учителей в вузе для крымского региона. Но ничего нельзя сдвинуть с места, если не двигать. Можно много говорить и обсуждать, жонглировать словами принудительно/добровольно, но более конструктивным будет всё-таки прагматичный, а не эмоциональный вариант. Вызовы нашего времени таковы, что дорогу осилит не просто идущий, а ещё и умеющий быстро ориентироваться в новой обстановке и обладающий готовностью учиться всю жизнь.

При таком подходе к языковому образованию не будет принято скоропалительное решение, основанное только на обсуждении принципа «принудительно – добровольно». Наверное, в этом случае более важен другой подход: «обязательно, т.е. необходимо, и необязательно». Если исходить из первого, то найдётся достаточно школьников, для которых изучение математики, физики, химии и других предметов, которые не нравятся или не очень пригодятся в дальнейшей профессии, тоже можно считать в каком-то смысле принудительным. Но никто не собирается обсуждать вопрос, зачем нужно всем изучать перечисленные предметы. Если у школьников спросить, что они хотят изучать добровольно, то, наверное, надо будет убрать очень многое из школьной программы, причём мнения на то, что оставить, вряд ли будут совпадать.

Особо следует при этом определить особенности изучения иностранных языков в вузе и школе. Для этого важными оказываются мониторинговые исследования.

ВЫВОДЫ

Конечно же, чтобы в многонациональном Крыму появилась непротиворечивая парадигма языкового образования, потребуется не один месяц и не один год большой напряжённой и творческой работы в сфере профессиональной подготовки педагогических кадров, и касается это, в первую очередь, высшей школы. И не только словесникам придётся многое пересмотреть и много передумать. Для Крыма парадигма языкового образования приобретает особую значимость.

Список литературы

1. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Оджакъ, 2015. – 296 с.

PARADIGM OF A LANGUAGE EDUCATION IN MULTI-NATIONAL CRIMEA

G. Yu. Bogdanovich, T. Yu. Novikova

The article views a modern linguacultural situation in Crimea. Balanced paradigm of language education is greatly determined by attitude to the language of acquisition, teaching language and language of communication.

Modern language situation in a polycultural region is mostly affected by balanced attention and attitude to the language of acquisition, teaching language and language of communication. This balanced attitude to the language regulates the life of a society indeed. Three languages are defined as state ones in the Constitution of the Republic of Crimea. Russian is both a *national* language and a language of *communication*. There are no doubts in necessity of its learning and its mastering at the highest level, which is usually gained in a natural way while using it as a teaching language. Russian is the language contributing to the self-identification of the dwellers of Russia as the citizens of the Russian Federation. According to the data of All Crimean Population Census in 2014, 99.8% of the responding population in Crimean Federal District, speak the state language of the Russian Federation, in particular Russian. Answering the question about their native language, 84% of the population named Russian, 8% stated Crimea-Tatarian, 4% referred to Tatarian, and 3% indicated Ukrainian.

To form a consistent paradigm of language education in multi-national Crimea requires more than one month or year of intensive and creative work in the sphere of professional training of pedagogical personnel, which first and foremost relates to higher school.

Key words: language education, linguacultural situation, paradigm of a language education, language of acquisition, teaching language.

УДК 81'276.3/4=161.2"312"

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ СУЧАСНОГО МОЛОДІЖНОГО ЖАРГОНУ

Діброва С. М., Ярута А. В.

*Таврійська академія (структурний підрозділ) ФДАОЗ «Кримський федеральний університет імені
В. І. Вернадського», Сімферополь
E-mail: sdibrova@rambler.ru, yaruta.nastya@mail.ru*

У статті проаналізовано лексико-семантичні і функціональні особливості української жаргонної лексики на основі молодіжного мовлення. Розглянуто поняття «жаргон» і «жаргонізми», які дозволяють детальніше з'ясувати семантику та особливості функціонування жаргонізмів у мові респондентів. Жаргон, будучи невід'ємною частиною мови, є однією з найбільш важливих і суперечливих проблем сучасної лінгвістики, тому питання про місце жаргону в складі нелітературної мови, про корпус жаргонних одиниць, ролі жаргонної лексики в мові стають найбільш актуальними в сучасній лексикології.

Усне мовлення є найбільш продуктивним для дослідження, оскільки в ньому якнайповніше відбивається вся сукупність проявів людської особистості, саме з цієї причини практичний матеріал було зібрано методом інтерв'ювання серед студентів Таврійської академії. На підставі встановлених прикладів було виділено вісім семантичних блоків жаргонізмів, які реалізуються в наступних позиціях: жаргонізми, що характеризують людину, дію (процес), ознаку чого-небудь, фінансовий стан, споруди, абстрактні явища, техніку та частини тіла людини.

Надмірне наповнення контексту сучасної мовної картини світу засобами жаргону дає підставу говорити про вивільнення табуованої досі лексики й підвищення рівня її використання. Отже, жаргон є обов'язковою структурною одиницею нелітературної мови.

Ключові слова: жаргон, жаргонізми, семантика жаргонізму, молодіжний жаргон, нелітературна мова.

ВСТУП

В останні десятиліття особливо різко змінилися засади функціонування мовлення. Перш за все, це стосується усної публічної мови. Суспільство початку нового століття характеризується підвищеним інтересом до жаргонізмів, в сучасній українській мові можна спостерігати тенденцію до збільшення кількості жаргонної лексики в її складі. Соціальні зміщення нашого часу, пов'язані зі змінами в структурі суспільно-політичного строю, зміною форм власності й складу активних учасників комунікації, призводять до відомого «розхитування» та нівелювання традиційних літературних норм. Якщо раніше жаргонізми вживалися лише в невимушеному спілкуванні обізнаних один із одним людей, то тепер їх можна почути в радіо- і телепередачах, популярних серіалах, побачити на сторінках найрізноманітніших газет. Саме з цієї причини окреслена мовна галузь є актуальною для дослідження. Окремі аспекти відповідної теми розглядали С. Пиркало, О. І. Поповченко, Т. М. Кондратюк, Л. О. Ставицька.

Основна мета роботи полягає в аналізі лексико-семантичних особливостей жаргонізмів із виявленням їх національної специфіки. Реалізація мети дослідження

припускає рішення наступних завдань: визначити поняття «жаргон», встановити корпус жаргонних одиниць, що функціонують у молодіжному мовленні, проаналізувати вживання жаргонної лексики й визначити її роль у сучасній мові.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Насамперед жаргон виникав у середовищі декласованих елементів і злочинців. Він формувався як «таємна», «засекречена» мова, зрозуміла лише вузькому колу присвячених. Іншими словами, це було умовне спілкування старих російських торговців (вуличних офень-коробейників), про яких писав Н. А. Некрасов [3].

В процесі розвитку цієї «засекреченої мови», починають з'являтися різні види жаргону: злочинський, студентський, шкільний, професійний, наркоманський, тюремний тощо. Між різними видами жаргону відбувається постійний взаємобмін, який слугує базою для формування основи загального молодіжного сленгу – так званий інтержаргон.

На думку Л. Ставицької, «жаргонний лексикон в усьому своєму соціосемантичному розмаїтті – це не просто «холодини» словникових значень, а своєрідна картина світу, потужна семіосфера певного часового зрізу культури, що відкриває у слові смислову перспективу як концентрат соціокультурного, духовного, психологічного клімату епохи» [7, с. 12]. Майже тотожною є думка Т. Кондратюка, який характеризує жаргон як «мовне утворення, засноване насамперед на соціальній організації людей» [6, с. 16]. У сучасній українській мові виділяють молодіжний жаргон, або сленг (від англ. *slang* – слова і вирази, що вживаються людьми певних професій або вікових груп). Одиницями, які подають фактичне значення, стилістику використання є *жаргонізми* (від франц. *jargon*) – слова і звороти, що входять до складу якогось-небудь жаргону і при цьому широко використовуювані за його межами, в загальній мові. Наприклад: *фен* (прихильник), *шнурки* (батьки), *плутана* (повія), *видак* (відеомагнітофон) тощо. Жаргонізми, зазвичай, роблять мову вульгарною, грубою, блатною, втрачаючи зв'язок із джерелом (жаргоном), переходять у загальнонародну мову і сприймаються як розмовні або просторічні слова.

Джерелами жаргонізмів є: запозичення з інших мов, переосмислення слів літературної мови, новоутворення, усічення, абревіація, суфіксація, конверсія, метонімія та багато інших способів. Молодіжний жаргон формується на основі різних джерел: телебачення, спілкування в навчальних закладах, прямого спілкування на вулиці, в соціальних мережах, радіо, ЗМІ, газетах, журналах.

В процесі дослідження методом анкетування було зібрано фактичний матеріал серед студентів Таврійської академії. Загальна кількість жаргонізмів склала понад 550 прикладів. Багато лексем повторюються та з'єднуються в різні конструкції, проте було враховано лише їх первинний прояв.

При складанні визначень жаргонізмів було використано такі джерела: Інтернет-ресурси, словники жаргону та самостійне визначення жаргонізмів на підставі наявних матеріалів. Вагомою складовою при роботі із зібраним контентом стали лексикографічні дослідження Л. Ставицької. Саме її словники жаргону найточніше ідентифікують сучасну семантику кожного жаргонізму.

Було виділено вісім семантичних блоків жаргонізмів:

- Жаргонізми, що позначають яку-небудь дію. Зафіксовано прикладів слововживання: 138;
- Жаргонізми на позначення людини: 121;
- Відображення абстрактних предметів, явищ: 93;
- Ілюстрація ознаки чого-небудь/кого-небудь: 89;
- Позначення частин тіла людини: 54;
- Жаргонізми, що відображають техніку: 33;
- Жаргонізми, що позначають фінансові відносини: 27;
- Жаргонізми на позначення будь-яких споруд: 19.

Найчисленнішим є блок жаргонізмів, що позначає дію, яка може бути різноманітною за своєю спрямованістю: виконувана людиною, направлена на особу або просто дієслово руху. Зафіксовано 138 жаргонізмів. Наприклад, «зганяти» – уживається в значенні з'їздити куди-небудь. У такому ж значенні можуть уживатися такі жаргонізми як «погнати», «поплисти», «покотити». Значна кількість прикладів позначає нанесення кому-небудь тілесних ушкоджень: «сутягнути», «сухандокати», «вирубити», «настучати». Також в цьому ж значенні вживається фразеологічний зворот «мазнути в пику».

Такі приклади, як «бахнути», «хлопнути», «бухати», «накатити», «вижирати», уживаються в значенні дії, направленої на вживання спиртних напоїв. Для позначення спілкування використовуються наступні жаргонізми «городити», «молоти», «заливати», «пілікати», «базарити», «накаркати», «гнати», «наколоти», «растусовати» як у позитивному, так і в негативному контексті. Жаргонізми, що відображають дії, виконувани людиною: «стогнати» – в значенні скаржитися на погане життя; «реготати» – голосно сміятися; «тріскати» – в значенні їсти; «вирячитися» – уважно дивитися куди-небудь.

Такий жаргонізм, як «підставити», має значення підвести людину, поставити її в ніякове положення; «отрубитися» – в значенні знепритомніти або заснути; «разрулити» – в значенні вирішити яку-небудь проблему; «шарити» – добре знатися на чому-небудь; «зацінити» – дати певну оцінку; «тягнути» – в значенні нести щось; «драїти» – відмивати, чистити.

Другий за кількістю блок ілюструє людину за різними соціально-фізіологічними критеріями: вікова ознака, гендерна специфіка, соціальний статус, професійна діяльність, матеріальний стан тощо. Зафіксовано 121 жаргонізм. Певне негативне значення несуть такі приклади: «карний «злочинець» – людина, що несе кримінальну відповідальність за скоєне правопорушення; «стукатун» – так називають недалеко, дурну людину; «говорун» – той, хто відповідає, але в глибшому сенсі цей жаргонізм показує зневажливе ставлення мовця до адресанта; «дармоїд», «трутень» – жаргонізми, що мають однакове значення (лексичні синоніми). Вони позначають людину, яка живе за чужий рахунок, ледаря і неробу; «п'янчура» – в значенні алкоголіка, уживається в негативному контексті; «свинтус» – жаргонізм, який позначає неакуратну, неуважну людину; «обідранка» – бідна людина; «збоченяка» – те ж саме, що і збоченець, тільки в більш принизливій формі; «баби» – грубе звернення до осіб жіночої статі; «клуша» – звернення, використовуване дівчиною до іншої дівчини, як правило, грубе і принизливе; «ментяра» – зневажливе звернення до міліціонера. Менш вживаними є випадки, що свідчать про нейтральне звернення до

людини: «хлопчак, братик, братан» – жаргонізми, які уживаються для звернення до друга, товариша. На противагу лексемам із негативним значенням, були зафіксовані в меншій кількості слововживання з позитивною конотацією: «важняк» – важлива персона; «спець» – фахівець; «медичка» – позитивно про медичну сестру; «роботяга» – людина з великим досвідом роботи; «молодчага» – те саме, що молодець.

Блок жаргонізмів, який представляє різноманітні абстрактні поняття (предмети, явища, процеси, стани, поняття дійсності і т. д.), демонструє безліч лексем, які виражають контамінацію значень. Блок нараховує 93 словоформи. Так, респондентами були названі такі приклади: «коронка» – вживається в значенні коронного удару; «условка» – умовний достроковий термін ув'язнення покарання; «шняка» і «беззаконня» вживаються із синонімічним значенням: безлад, відходження від загальноприйнятих норм; ці жаргонізми характерні для тюремного жаргону, проте є відомими і, вочевидь, вживаними молоддю. До повсякденного використання увійшли також і такі випадки: «косяк» – у значенні неправильного вчинку, помилкової дії; «кипишня» – скрутне становище, що викликає панічний стан; «кидалово» – яка-небудь комерційна махінація; «базар», «балаган» – у значенні розмови; «вихлоп'яра» – неприємний запах після вживання алкогольних напоїв. Значення окремих жаргонізмів через надмірне вживання в мовленні взагалі не потребує додаткового тлумачення: «музон», «легкотня», «фігня».

Наступним семантичним блоком є жаргонізми, які позначають ознаку чого-небудь або кого-небудь. Зафіксовано 89 прикладів. Можна виділити прикметникові жаргонізми грубого забарвлення: «паскудна, довбаний», – щось огидне, зухвале, ненормальне. Також присутні жаргонізми і з позитивним значенням: «чітка, некислий, заліковий» – щось, що не має ніяких відхилень, відмінне, гідне, якісне.

Семантичний блок на позначення частин тіла людини містить 54 жаргонізми. Наприклад, «табло, рило, морда, пика» – жаргонізми, що називають обличчя людини, усі чотири вживаються для ілюстрації навмисної образи, ненависті до людини; «башка» – у значенні голови, має принизливий відтінок; «оралка» – про рот особи, яка постійно говорить неправдиві або неприємні речі; «кулі» – очі. Як свідчить зібраний фактичний матеріал, цей блок взагалі не має прикладів із позитивною конотацією.

Чи не найменшим семантичним блоком є група жаргонізмів на позначення техніки та технічних засобів (33 вживання): «телебан» – жаргонізм, що позначає телевізор; «тачка, колимага» – обидва жаргонізми позначають автомобіль, але в першому випадку – він новий, невживаний, а в другому – не призначений для експлуатації; «магнітола» – магнітофон; «пралка» – пральна машина.

Жаргонізми, що позначають фінансовий стан та взаємини, об'єднуються в семантичний блок, який містить 27 одиниць: «бабосики» – гроші, уживається в зменшувально-пестливій формі й завжди з позитивною конотацією; «лям» – мільйон; «п'ятихатка» – п'ятсот; «бакси» – долари; «косар» – тисяча; «цвірінь» – десять, «п'ять рублів» – п'ять тисяч рублів.

Найменшим за кількістю наведених реципієнтами прикладів є семантичний блок (19 прикладів), що називає які-небудь споруди, будівлі: «хатка» – у значенні будинку, переважно має негативну конотацію; «ментовка» – в значенні відділення міліції; «контора» – місце офіційного збору працівників.

ВИСНОВКИ

Базисним елементом мови як єдиної знакової системи спілкування і передачі інформації є українська літературна мова, яка вважається за вищу зразкову форму національної мови. Цей тип складався поступово і зараз перебуває в стані постійного розвитку. На нього впливають письменники, поети та інші майстри слова, створюючи нові літературні норми.

Але поряд з літературною мовою існує особливий цілий пласт – ненормативний, який не відповідає правилам і стандартам, – нелітературна українська мова. Жаргон є обов'язковою структурною одиницею будь-якої нелітературної мови.

Багато жаргонізмів із соціально відокремлених переходять до розряду загальнонародних, що свідчить про взаємопроникнення і взаємовплив пластів загальнонародної мови. Тому не можна заперечувати об'єктивного існування жаргону, оскільки це частина повсякденного мовлення, яку неможливо виключати із загальної системи. Але при цьому не повинно бути перенасичення жаргонізмів у загальнонародній мові, тому що їх надлишок веде до порушення комунікативної функції, до мовного безкультур'я, а також нав'язування суспільству певної моралі.

Список літератури

1. Короткий словник жаргонної лексики української мови / Л. О. Ставицька. – К. : Вид-во Критика, 336 с.
2. Перший словник українського молодіжного сленгу / Упоряд. С. Пиркало. – К.: за ред. Ю. Мосенкіса. – 1999, 84 с.
3. Поливанов Е. Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции / Е. Д. Поливанов // За марксистское языкознание. – М., 1931. – С. 161–172.
4. Словник жаргону злочинців / Упоряд. О. І. Поповченка. – К.: ТОВ «Оберіг», 1996. – 136 с.
5. Словник нецензурної лексики та її відповідників. Українська мова без табу / Л. О. Ставицька. – К. : Вид-во Критика, 2008. – 454 с.
6. Словник сучасного українського сленгу / Упоряд. Т. М. Кондратюк. — Х.: Фоліо, 2006. — 350 с.
7. Словник: Український жаргон / Л. О. Ставицька. – К. : Вид-во Критика, 2005. – 494 с.
8. Ставицька Л. О. Сучасний український інтержаргон: проблеми й аспекти вивчення / Л. О. Ставицька // Мовознавство: Доп. та повідомл. IV Міжнар. конгресу україністів. – К. : Пульсари, 2002. – С. 214-219.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА

Диброва С. М., Ярута А. В.

В статье проанализированы лексико-семантические и функциональные особенности украинской жаргонной лексики на основе молодежной речи. Представлены понятия «жаргон» и «жаргонизмы», которые позволяют более детально изучить семантику и особенности функционирования жаргонизмов в речи респондентов. Жаргон, являясь неотъемлемой частью языка, представляет собой одну из наиболее значимых и противоречивых проблем современной лингвистики, поэтому вопросы о месте жаргона в составе нелитературного языка, о корпусе жаргонных единиц, роли жаргонной лексики в языке становятся все более актуальными в современной лексикологии.

Разговорная речь является наиболее продуктивной для исследования, поскольку в ней наиболее полно отражается вся совокупность проявлений человеческой личности, именно по этой причине практический материал был собран методом интервьюирования среди студентов Таврической академии. На основании установленных примеров было выделено восемь семантических блоков жаргонизмов, которые реализуются в следующих позициях: жаргонизмы, характеризующие человека, действие (процесс), признак чего-либо, финансовое состояние, сооружения, абстрактные явления, технику и части тела человека.

Чрезмерное наполнение контекста современной языковой картины мира средствами жаргона дает основание говорить о раскрепощении табуированной до сих пор лексики и повышении уровня ее использования. Следовательно, жаргон является обязательной структурной единицей нелитературного языка.

Ключевые слова: жаргон, жаргонизмы, семантика жаргонизма, молодежный жаргон, нелитературный язык.

LEXICAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF THE MODERN YOUTH JARGON

Dibrova S. M., Yaruta A. V.

Lexical, semantic and functional peculiarities of Ukrainian jargon vocabulary based on the youth language are analysed in the article. The concepts of «jargon» and «jargon words» allowing to study thoroughly the semantics and functioning peculiarities of jargon words in respondents' language are represented. Jargon is an integral part of the language and it appears for the most meaningful and controversial issues of the modern linguistics. Consequently, the place of jargon in the structure of the non-literary language, the corpus of jargon units, the role of jargon words in the language are becoming questions of the hour in the contemporary lexicology.

Spoken language is the most efficient for the research because the whole complex of human personality appearance is reflected in it. Therefore, practical base of the study has been obtained by the method of interview between the students of Taurida Academy. On the basis of fixed patterns eight semantic units of jargon words have been distinguished, coming into action in the following positions: jargon words with human characteristics, action (process), feature of something, financial status, constructions, abstract phenomena, equipment and parts of the human body.

Excessive context filling of the up-to-day linguistic picture of the world with modern jargon means grounds the suggestion about the emancipation of taboo until now vocabulary and increasing its level of use. Consequently, the jargon is an obligatory structural unit of the non-literary language.

Key words: jargon, jargon words, jargon word semantics, youth jargon, non-literary language.

УДК 811.111'373.2

THE SPECIFICS OF ERGONYM FUNCTIONING IN THE TEXTS OF FINANCIAL AND ECONOMIC SPHERE

Krylova V.A., Vovk N.A., Petrenko D.A.

*V.I.Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russia Federation
E-mail: viktoria.krylova.95@mail.ru, nick.wolf@mail.ru*

Functions of ergonyms in the texts of financial and economic issues are singled out. The analysis of 250 text fragments illustrates that in media-texts ergonyms perform the nominative, text-forming, information and content-related function and the function of persuasion.

Keywords: onomastics, proper names, ergonym, media-text, functions of ergonyms.

This work is dedicated to the study of the specifics of ergonym functioning in the texts on financial and economic sphere.

The topicality of the work lies in the fact that this class of onyms is still insufficiently studied. There is no consensus among scholars as to how to define the concept “ergonym”. Until now, the question of what exactly onyms should be rated as belonging to the ergonymy sphere remains the subject of scientific debate. In the research studies, attempts have been made to highlight within this class the subclasses of ergonyms and characterize them. Also, as a rule, various aspects of these proper names are studied separately from the context in which they function.

The purpose of this work is to study the specifics of the functioning of ergonyms in the texts on financial and economic sphere.

The ergonyms from several issues of the American periodical *Wall Street Journal* served the material for this study.

The theoretical value of the work lies in the fact that it addresses the topical issues of the ergonymy.

In onomastic literature, the concepts of “appellative” and “onoma” (“onym”) are used to designate the units which result from the processes of appellativation and onymisation. The onym (onoma, proper name) is a word or word combination which serves to distinguish the object named by it among other objects: its individualization and identification, including anthroponym, toponym, zoonym and others [1, p. 10].

In the Linguistic Encyclopedic Dictionary under the editorship of Akhmanova O.S., the following definition is given to the term “onomastics”: “Onomastics is a section of linguistics studying proper names” [2, p. 527]. The term “onomastics” also refers to a set of proper names also denoted by the term “onymia” [3, p. 346].

In this work, we use the definition of ergonym by Podolskaya N.V.: “Ergonym is a category of onyms. The proper name of a business association of people, including union, organization, institution, corporation, enterprise, society, establishment, circle” [3, p. 151].

The term “ergonym” is fixed by Podolskaya N.V. to indicate the name of business association of people, while the term “ergonymy” is to designate the totality of names of business associations of people. By the “business association of people”, the researcher

means any unions, organizations, institutions, corporations, enterprises, societies, establishments and circles [3, p.151].

The proper names studied perform certain functions in media texts. The first of such functions is nominative in which case a specific association is named:

The worst of the turmoil that has engulfed global financial markets since the middle of last year appears to be over, but its effect on economic activity isn't, the Organization for Economic Cooperation and Development said Wednesday [4, p.8].

The Organization for European Economic Cooperation and Development is named in this sentence.

Also inherent in ergonymy there is the text-forming function. The ergonym is the pivot around which the text is formed, like in the following example with the firmonym Woolworths. This firmonym makes part of the title of the article: *Woolworths sales boost*. Then it is used several times in the article itself which covers the activities of this company:

Woolworths, Australia's largest supermarket operator, said growth in food and liquor sales was picking up after slowing for three quarters in the face of stronger competition from rival Coles Myer [5, p. 12].

Woolworths, which is bidding for pub and bottle-shop operator Australian Leisure and Hospitality group, also reiterated its forecast for annual earnings growth of 12-15 per cent, helping to lift its shares almost 2 per cent. "What was quite good ... was the company's commentary that the comparable sales trend improved throughout the quarter," said Macquarie Equities associate director Martin Lakos [6, p. 37].

Woolworths met analysts' forecasts with a 6.2 per cent increase in form-quarter sales to A\$6.4bn (US\$4.7bn), spurred by 10 new supermarkets and a fuel discount [4, p. 38].

Also the information and content-related functions are typical of ergonyms. The following sentence contains information about the activity of the US Internal Revenue Service:

Many investors battling the Internal Revenue Service in high-stakes tax-shelter cases may take some hope from the government's defeat in a recent court case. But IRS lawyers view the decision as merely a temporary setback on the road to annihilating the badly battered shelter business. Indeed, the government has won most recent cases involving shelters [4, p. 25].

The next sentence contains information about the Company 3M:

3M dropped 5.5 per cent to \$83 as investors focused on sales that came in slightly below analysts' expectations and guidance that the company would earn roughly the same amount in the third quarter as it did in the second [5, p. 32].

The sentence says that its shares have dropped by 5.5 per cent to 83 dollars per share. The following sentence contains information about the merger of Bertelsmann Music Group and Sony Music:

The European Commission last night approved the 50-50 merger of Bertelsmann Music Group and Sony Music, creating the world's second largest recorded music company, without concessions or structural remedies [4, p. 26].

The merger will be carried out on an equal footing, which will permit to create the world's second-largest music company.

Ergonyms also perform the function of persuasion and emotional influence. In the next sentence, a “positive” statement is created due to the lexical environment:

Bayer yesterday agreed to pay €2.38bn for the over-the-counter medicines business of Switzerland's Roche that includes brands such as Rennie indigestion tablets. The deal will catapult Bayer into third position in a segment of the pharmaceuticals market. It will double Bayer's OTC sales to €2.4bn [5, p. 17].

Firstly, one mentions the fact that the Company Roche is going to acquire the well-known Rennie brand. The deal will “shift” it to the third place on the pharmaceuticals market. Also, this process is to double sales. Receiving this information, addressees form a favorable image in their perception. Of certain interest are the verbs which have either a positive or negative meaning. “Positive” verbs are used in the following sentences:

But elsewhere the earnings news was better. Black & Decker, the tool maker, rose 11.5 per cent to \$67.26 after hammering Wall Street's expectations for its second-quarter earnings, thanks to strong sale. [4, p. 32].

Swift Transportation, one of the leading US trucking companies, added 7.2 per cent to \$19.77 on rising profits that handily beat expectations. The business was moved by a strong environment for freight shipping [5, p. 31].

The verbs “to rise” and “to add” contain the “increase” seme. On the contrary, in the following examples the verbs express lowering, decrease:

But Banco Comercial Portugues shares fell 3.3. per cent to €1.78 after the bank sold control of its life and health insurance business to Fortis, the Benelux bancassurer, for €500m in cash [6, p. 20].

Lexmark International, the computer printer maker, sank 7.2 per cent to \$83.67 after it issued more conservative guidance for the third quarter than Wall Street expected. The careful outlook overshadowed robust second-quarter results [4, p. 16].

Taser International dropped 9.2 per cent to \$36.54 after a press report questioned the safety of the company's stun guns, used increasingly by US police departments. Taser said it stood behind the safety of its weapons [4, p. 32].

These are the verbs “to fall”, “to sink” and “to drop”.

Therefore, we can say that in media-texts, ergonyms perform the nominative, text-forming, information and content-related function and the function of persuasion.

Ergonyms function in media texts which are studied by media linguistics. As follows from the term itself, which unites two basic components, “media” (“mass media”) and “linguistics”, the subject of this new science is studying the functioning of the language in the mass communication sphere. That is, media linguistics studies a certain speech use sphere, i.e. the language of mass media.

The term “media text” (“media construct”) can be defined as a message containing information and stated in any media kind and genre (newspaper article, television programme, video clip, film, etc.).

In media texts, ergonyms perform nominative, text-forming, information and content-related function and the function of persuasion.

References

1. Кондратьева Т.Н. *Метаморфозы имени собственного: Опыт словаря* / Кондратьева Т.Н. –Казань: Наука, 1983. – 342 с.
2. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов* / Ахманова О.С. - М. : Сов. энциклопедия, 1966. - 608 с.
3. Подольская Н.В. *Словарь русской ономастической терминологии* / Отв. ред. А.В.Суперанская / Подольская Н.В. - 2-е изд. - М. : Наука, 1988. - 192 с.
4. *Wall Street Journal*. – 2012. – №7. – 54 p.
5. *Wall Street Journal*. – 2012. – №8. – 58 p.
6. *Wall Street Journal*. – 2012. – №9. – 56 p.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭРГОНИМОВ В ТЕКСТАХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Крылова В.А., Вовк Н.А., Петренко Д.А.

В работе выделяются функции эргонимов в текстах финансово-экономической тематики. Анализ 250 текстовых фрагментов показывает, что в медиа-текстах эргонимы выполняют номинативную, текстообразующую, информационно-содержательную функции и функцию убеждения.

Ключевые слова: ономастика, имена собственные, эргоним, медиа-текст, функции эргонимов.

УДК 811.111'373.2

THE SPECIFICS OF FIRMONYM FUNCTIONING IN FINANCIAL AND ECONOMIC TEXTS

Fialkovskaya V.O., Vovk N.A., Shevchenko N.V.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea, Russian Federation
E-mail: www.fiallerka@mail.ru, nick.wolf@mail.ru*

The subject of the present article is the specifics of the functioning of firmonyms in the financial and economic texts. The given category of the onyms performs various functions in financial and economic texts, which are as follows: nominative, text-forming, informative and persuasive. To illustrate this English factual material is used.

Keywords: firmonym, proper names, functioning, financial and economic texts.

The relevance of the present research is grounded on the controversy concerning the proper names from the point of view of linguistics. The dispute concerns both theoretical preconditions and practical analysis of the concrete types of proper names. The latter deals with the necessity of singling out into a separate class the names of the commercial organizations which represent in themselves a numerous class of proper names. Firstly, there is no unanimity as to the terminology of this group of onyms. The present research suggests application of the term “firmonyms”. Secondly, the functional aspect has not been thoroughly analyzed in the financial and economic texts.

The objective of the research is to examine the peculiarities of firmonyms' functioning in financial and economic texts.

The firmonyms from several issues of the periodical *The Financial Times* serve as the practical material of the research.

The examination of the relevant proper names has defined the theoretical value of the present research.

In the Modern English there exists a peculiar world of words, performing a function of emphasis and individualization, which consists in the great variety of names – proper names. According to Ermolovich D.I., proper names are defined as words or word combinations, which serve as a means of peculiar, individualized denotation of an object regardless the situation described and without specifying definitions.

In linguistics there exists a peculiar field in which the lead is given to linguistic research concerning names and denotations – onomastics. Onomastics has a number of domains, which are traditionally defined in compliance with the categories of proper names and the character of the objects denoted. One of the word classes, included in the field of onomastics, is firmonyms – proper names of commercial enterprises.

The present article suggests application of the term “firmonym” in order to refer to the names of enterprises. On the basis of the analysis of the term “firm”, firmonyms were defined as follows: the category of the onyms, the proper name of the commercial enterprise, including an industrial or trade one, who has the rights of the legal entity. This category of the onyms is often used with the hyperonym word. Among the hyperonyms we

can mention the word “firm” itself, and also types of the commercial enterprises, such as “company”, “trust”, “incorporated enterprise”, “leasing enterprise”, “holding”, “concern”, etc. As an examples, the following firmonyms with hyperonyms from the periodical *The Financial Times* can be given: *Bertelsmann Music Group*, *Tata Consultancy Services*, *Alfa Bank*, *Hays Chemical Distribution*, *Delta Air Lines*, *Electronic Data Systems*, *General Motors*, *Macquarie Office Trust*, *Golden Harvest Entertainment*, *Stelmar Shipping*, *Banco Comercial Portugues*, *Hang Lung Properties*, *Chartered Semiconductor Manufacturing*, *Siam Commercial Bank*, *Bank of Ayudyha*, *Commerzbank* [4, p. 15-31].

The functions performed by firmonyms in financial and economic texts are rather diverse.

In our research, we single out the following functions:

1. Nominative;
2. Text-forming;
3. Informative;
4. Persuasive.

Nominative function is based on designation of one or another commercial enterprise:

Stelios Haji-Ioannou ... the entrepreneur most famous for founding EasyJet, the low-cost airline, resumed his battle with the board of Stelmar Shipping, the first company he founded, by publishing details of an alleged takeover approach and recommending the sacking of the board [4, p. 15].

As we can see from the examples above, the firmonyms “EasyJet” and “Stelmar Shipping” designate the corresponding companies. In the next example, to perform this function the firmonym “Ahold” is applied:

Ahold unveiled a fresh deal to restructure its ICA Scandinavian joint venture in a move expected to contribute hundreds of millions of euros towards the Dutch grocery group's debt reduction plan [5, p. 15].

Text-forming function is also peculiar to firmonyms. It can be clearly seen in the following sentences placed in Table 1.

Table 1

Text-Forming Functions of Firmonyms

Firmonym	Constituent of the structure of the article	Example from the text
UCB	title	UCB sells films unit for €320т [4, p. 16]
	first paragraph	UCB, the Belgian pharmaceuticals and chemicals company, yesterday announced the sale of its films division for €320m (\$398m) in cash, a first step towards streamlining its portfolio following its €2.25bn agreed takeover of Celltech, the UK biotech company [4, p. 16].
	second paragraph	UCB agreed to sell the films division to a consortium led by Dennis Matthewman, former managing

THE SPECIFICS OF FIRMONYM FUNCTIONING IN FINANCIAL AND ECONOMIC TEXTS

Firmonym	Constituent of the structure of the article	Example from the text
		director of Hays Chemical Distribution, and Candover, the UK buy-out firm [4, p. 16].
	third paragraph	Buying Celltech has turned UCB into one of Europe's leading biotech companies and it is expected by most analysts to divest its remaining chemicals businesses in the near future [4, p. 16].
	forth paragraph	Georges Jacobs, chief executive, said in an interview that there was "no hurry" to dispose of other chemicals assets, even though UCB was busy "exploring and studying what could be done" [4, p. 16].
	fifth paragraph	"This sale is in line with UCB's strategy highlighted recently by the acquisition of Celltech." [4, p. 16]
	seventh paragraph	He added that timing was welcome, as well as the fact that it was a cash deal. "The Celltech operation has tightened up a bit the balance sheet of UCB, to say the least." [4, p. 16]
	tenth paragraph	Prior to its Celltech offer in May, UCB's only other sizeable acquisition was its purchase of the specialty chemicals business of US-based Solutia in December 2002 for \$500m, a move that split the Belgian group's C3bn revenues evenly between pharmaceuticals and chemicals [4, p. 16].
Delta	title	Delta reports \$312m loss as fuel costs soar
	first paragraph	Delta Air Lines underlined its precarious financial position as it reported a net loss of \$312m for the second quarter - almost a third higher than its net losses a year ago - in spite of a 13 per cent rebound in revenues [5, p. 17].
	third paragraph	Delta's problems were evident in the 10.5 per cent rise in operating expenses during the quarter, after taking out one-off events such as government reimbursements [5, p. 17].
	forth paragraph	Delta's loss per share of \$2.55, excluding the non-cash charge, compared with consensus forecasts of losses of \$2.46 [5, p. 17].
	fifth paragraph	The competitiveness of the North American market was borne out by Delta's yields, which fell 2.7 per cent, the largest decline of any region Delta serves. Delta, which has been adding back capacity removed during the Iraq war, faces tough competition at its Atlanta hub from AirTran, and from JetBlue on its Florida routes [5, p. 17].

Firmonym	Constituent of the structure of the article	Example from the text
	sixth paragraph	On Delta's Atlantic routes, yields rose 0.7 per cent, in spite of a 40 per cent rise incapacity [5, p. 17].
	seventh paragraph	Michael Palumbo, Delta's new finance director, said the company had made progress on costs but said: "It is abundantly clear that these costs savings must be combined with a competitive employment cost structure, reduced debt and additional cost reductions." [5, p. 17]
	eighth paragraph	Although Delta has warned it could be forced to file for bankruptcy if it cannot achieve cost cuts, its cash position remained strong, closing the quarter with \$2bn of unrestricted cash [5, p. 17].

We can single out the use of the UCB-firmonym in seven of ten paragraphs of the article on the UCB Company. Furthermore, it is used in the title. As for the article on the Delta Company, seven of eight paragraphs mention the name of the company, not considering the title. The firmonyms mentioned above give the information concerning one or another aspect of functioning of the enterprise.

One of the conspicuous features of firmonyms is the formation of this or that information around itself, which is considered to be an informative function of firmonyms. For example, in the following extract the information concerning share prices of Martha Stewart Living Omnimedia Inc. is given:

Investor booked profits in Martha Stewart Living Omnimedia, sending the shares down 6.4 per cent to \$11.06. The stock soared 36.7 per cent on Friday after its founder received a lighter-than-expected sentence for lying to federal prosecutors [6, p. 19].

From the sentence above we can find out that the price for one share fell 6.4 per cent to \$11.06. The next extract acquaints us with the information concerning a forecast of the reduction in profits made by strategic management analysts:

The problem with numbers games is that, as with all games, they must come to an end at some point. Richard Bernstein, quantitative strategist at Merrill Lynch, thinks the earnings woes of recent weeks may signal the beginning of the endgame [6, p. 20].

Information supplied by numerical data appears to be more definite and authentic:

UCB, Belgian Pharmaceuticals and chemicals company, sold its films division for €320m cash, a first step towards streamlining its portfolio [5, p. 17].

The persuasive function is actualized implicitly by means of facts or verbs. The texts do not represent appeals to urgently transfer money from one business to another. Furthermore, analytical information, understood by the reader in his own way, is given. In this regard, information concerning the Yukos-firmonym is significant. In Table 2 we can see an example of those parts which form recipient's negative perception of the information.

Table 2

“Negative” Components in the Text in the Process of Yukos-Firmonym
Characterization

Context	“Negative” components
Yukos yesterday lost its latest bid to stall payment of a \$3.4bn tax bill that the Russian oil group has warned could push it into bankruptcy [6, p. 16]	[Yukos] lost its latest bid to stall payment
A Moscow court set September 6 for Yukos to appeal against an earlier ruling that it had to pay the bill. But it also said that until the hearing Yukos would have to comply with the order for immediate payment [6, p. 16].	[Yukos] would have to comply with the order for immediate payment
The September Hearing will be Yukos's second appeal against a court order to pay R99bn (\$3.4bn) in taxes and fines for the 2000 financial year [6, p. 16].	a court order to pay R99bn (\$3.4bn) in taxes and fines for the 2000 financial year for [Yukos]
A separate attempt by Yukos to appeal against the tax ministry's claim of back taxes also failed when proceedings were suspended in the same court because the judge stepped down [6, p. 16].	A separate attempt by Yukos to appeal against the tax ministry's claim of back taxes also failed
The arbitration court ruling came as Yukos's former chief executive, Mikhail Khodorkovsky, prepared for another day in court today on charges of fraud and tax evasion [6, p. 16].	[Yukos's former chief executive] prepared for another day in court today on charges of fraud and tax evasion
Apart from \$3.4bn bill for 2000, tax authorities are also demanding that Yukos pay a similar sum for 2001 [6, p. 16].	tax authorities are also demanding that Yukos pay a similar sum for 2001

According to the analysis, the elements with negative components are used for the representation of the information: Yukos lost the last bid to stall payment; there is a court order for Yukos to pay 99 billion rubles (3,4 billion dollars) in taxes and fines; the Yukos’s attempt failed; charges of fraud and tax evasion were brought against the Yukos’s former chief executive; tax authorities demand Yukos to pay some other sum of money too. Such facts create a negative picture regarding this company. Consequently, those related to this company realize that it is going through a period of difficulties and needs noticeable changes in the attitude towards it.

Thus, firmonym appears to be the proper name of the commercial enterprise, including a trade or industrial one, who has the rights of the legal entity. Executed analysis of the firmonyms from several issues of the periodical *The Financial Times* clearly illustrates the specificity of functioning of firmonyms in financial and economic texts. The given category of the onyms performs various functions in financial and economic texts, which are as follows: nominative, text-forming, informative and persuasive.

References

1. Суперанская А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен / Антропонимика // Сборник статей. Ред. В.А. Никонов и А.В. Суперанская. – М. Наука, 1970. – С. 7-17.
2. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. 9500 единиц / А.Р.У. Рум, Л.В. Колесников, Г.А. Пасечник и др. – М.: Рус.яз., 1980. – 480 с.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
4. The Financial Times. – Tuesday, July 20, 2004. – P. 15-31.
5. The Financial Times. – Thursday, July 22, 2004. – P. 16-32.
6. The Financial Times. – Tuesday, July 28, 2004. – P. 15-31.

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИРМОНИМОВ В ТЕКСТАХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Фиалковская В.О., Вовк Н.А., Шевченко Н.В.

Данная статья посвящена специфике функционирования фирмонимов в текстах финансово-экономической тематики. Данная категория онимов выполняет различные функции в текстах финансово-экономической тематики, а именно: номинативную, текстообразующую, информативную и функцию убеждения. Для иллюстрации используется англоязычный фактический материал.

Ключевые слова: фирмоним, имена собственные, функционирование, тексты финансово-экономической тематики.

ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

УДК 81.243

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ *НЕЗАЛЕЖНЫЙ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Иванюк Н. И.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: n-nikolja@yandex.ru*

В статье рассматривается процесс заимствований из украинского языка в русский, связанный, в частности, с политическими событиями, происходящими в Украине. Определены причины заимствований и их особенности в близкородственных языках. Выделена наиболее часто употребляемая в русском медийном дискурсе украинская лексема *незалежний*. В статье представлен анализ ее функционирования в русской речи украинских и российских СМИ в разные периоды, начиная со времени образования Украины как независимого государства и в связи с политическими событиями, произошедшими в Украине в 2004 – 2014 гг.

Ключевые слова: заимствование, русский язык, лексика, *незалежний*, Украина.

ВВЕДЕНИЕ

Русский язык, как и все другие языки, постоянно пополняется заимствованиями, как из неродственных, так и из близкородственных языков. Предметом нашего исследования являются многочисленные заимствования в русский язык из украинского. Главной причиной такого процесса являются контакты между двумя языковыми системами, обусловленные контактами между народами, носителями языков, и государствами в целом.

Большая часть заимствований из украинского языка в русский пришла в досоветский и советский периоды. Такие украинизмы в большинстве своем описаны и классифицированы [1; 2; 6].

Начиная с 1991 года, после образования независимого государства Украина отмечается новая волна заимствований украинских лексем в русский язык, что в первую очередь связано с политическими процессами, происходящими на Украине, и необходимостью их отражения в русском дискурсе.

Изучение заимствований из украинского языка в русский является актуальным, поскольку позволяет выявить не только различие лексического состава двух близкородственных языков, но и влияние украинской лексической системы на функционирование русского языка (как в самой Российской Федерации, так и за ее пределами), что позволяет проследить динамику развития русского языка.

Причины заимствований описаны Л.П. Крысиным, который считает основной из них необходимость в наименовании вещей и понятий [3, с.12]. Имеются, однако, и другие причины, различные по своему характеру – языковые, социальные, психические, эстетические и т. п., потребность в новых языковых формах, потребность в расчленении понятий, в разнообразии средств и в их полноте, в краткости и ясно-

сти, в удобстве и т. д. Сам процесс языкового заимствования рассматривается в неразрывной связи с культурными, политическими и иными контактами двух разных языковых обществ и как часть и результат таких контактов.

Процесс заимствований из близкородственных языков имеет свои особенности [5]. Так, при сопоставлении некоторых лексических единиц или грамматических форм русского языка с соответствующими украинскими лексемами и их грамматическими формами лишь исторический критерий позволяет установить, является ли то или иное слово или его форма заимствованным в одном языке из другого близкородственного или же это слово исторически общее для обоих языков, но под влиянием внешних или внутренних факторов самостоятельного развития каждого из языков в одном из них исчезло или вышло на периферию, а затем снова активизировалось и вошло в литературный обиход под стимулирующим воздействием другого родственного языка. Например, лексема *самостийный* присуща и русскому и украинскому языкам. В украинском языке она употребляется активно, а в русском ее заменила лексическая единица *самостоятельный*. Однако после распада СССР в конце 1991 года данная лексема обрела актуальность и стала функционировать в русском языке на территории Украины, в России же она стала употребляться и по отношению к другим бывшим республикам, обретшим независимость, и приобрела коннотацию неодобрительности.

Одной из наиболее частотных украинских лексических единиц последнего периода, прочно вошедших в русскую речь, стала лексема *незалежный*. Цель данной статьи – рассмотреть функционирование лексемы *незалежный* (*незалежность*) в русском медийном дискурсе и проследить этапы ее вхождения в словарный фонд русского языка, ее становление в качестве полноценной единицы русской лексики XXI века.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В Словаре украинского языка слово *незалежный* дается в следующих ЛСВ: «1. який не залежить від кого-, чого-небудь, не підкоряється комусь, чомусь; 2. самостійний у міжнародних відносинах та у внутрішніх справах; суверенний» [7, с.308].

Лексическая единица *незалежный* является производной от *лежать* (общеславянск. **lezati*) [8, с.473].

В словарях русского языка слово *незалежный* не зафиксировано.

Говоря о заимствованиях из украинского языка в русский, необходимо отметить, что в процессе функционирования в русском языке они подвергаются лексико-семантической ассимиляции, что выражается в возможности их переносного употребления, в изменении характера экспрессивной окраски, расширения их семантики в целом. Такие процессы напрямую зависят от частоты и характера употребления слова в СМИ.

Лексическая единица *незалежный* (*незалежность*) активно начала употребляться в русском дискурсе с начала двухтысячных годов. Однако можно найти примеры функционирования и более ранние: «1 декабря 1991 года Украина проголосовала за «незалежность» («Комсомольская правда», 1991 г.).

В современном русском дискурсе лексема *незалежный* (*незалежность*) употребляется исключительно по отношению к Украине как самостоятельному государству. В

некоторых случаях она является синонимичной сочетаниям «независимая Украина», «независимость Украины» и подобным. Активизация рассматриваемого слова в русскоязычных масс-медиа Украины произошла в период 2000-2004 гг., например: «*Таков сегодня порядок в **незалежной***» (Крымская правда, 05.03.2004); «... *сейчас, при **незалежности**, об этом заговорили*» (Интер, «N-километр», 14.05.2004); «*Я голосовал против **незалежности***» (Интер, «Большая стирка по-украински», 17.08.2004); «*незалежная политика*» (Крымская правда, 01.07.2004); «*Прошло не так уж много времени, но от чувства «горячей признательности» к братскому русскому народу в **незалежной** Украине не осталось и следа*» (Крымская правда, 03.02.2004); «*Киев ставит Москву играть по «незалежным» правилам*» (Подробности.ua; 08.06.2004; www.podrobnosti.ua/outeropinion/2004/06/08/125864.html).

Лексическая единица *незалежний* (*незалежность*), ранее неизвестная русскому языку, в тот же период активно стала использоваться и в масс-медиа России. Почти все случаи употребления данной лексики связаны с описанием событий на Украине: «*Однако нынешние украинские СМИ имеют свои особенности... без малого 10 лет «незалежного» плавания они накопили некий опыт*» (Русский журнал, 26.03.1999), заголовок статьи об Украине: «*Незалежность» слили в трубу*» (Спецназ России, апрель 2001 г.); «*Вести из Незалежной*» (Дуэль, 16.10.2001; www.duel.ru/200142/?42_3_3); «*за десятилетие «незалежности» сложилось мнение*» (Невское время, 28.08.2001; www.nvrem.dux.ru/2001/arts/nevrem-2613-art-9.html).

В ходе анализа употребления в русской речи лексики *незалежний* (*незалежность*) выявлены случаи языковой игры, основанные на обыгрывании внутренней формы слова: «*ведь и в Украинской залежалой республике пора вести борьбу за внедрение этого закона*» (Дуэль, 16.10.2001 http://www.duel.ru/200142/?42_3_3); «*Не залежится ли «незалежний» сахар?*» (Российская газета, 25.11.1995); «... пока не уйдут палатки с Майдана, который, кстати, называется – **Незалежности**, правильно, а он получается – **залежности**»: почему-то он принадлежит вам, какой-то определенной части» (Корреспондент, 24.11.2004); «*15 лет «незалежности» от своего народа*» (Наш Симферополь, август, 2006, №10); «*вот уже 11 лет, как вместо Советской Социалистической Украины мы живем в так называемой «незалежной державе», где криминально-чиновничий режим Кучмы абсолютно «незалежен» от народа*» (Новая волна, ноябрь 2004).

Отметим, что рассматриваемая лексема в некоторых случаях употребляется при описании событий не только на Украине, но и в других государствах: «*Детская болезнь «незалежности»*» (в интервью с поэтом Вишневецким о событиях в Латвии и других постсоветских республиках; ТВ, Принцип домино, 02.04.2004).

На протяжении двухтысячных годов лексическая единица *незалежний* продолжала активно употребляться в русской речи. Частотность ее функционирования напрямую связана с политическими процессами, происходящими на Украине. Наиболее часто она употреблялась во время оранжевой революции (первого майдана, 2004 год) и в последние 2 года (во время и после второго майдана, 2014-2016): «*Незалежний Крым*» («Известия», 26.02.2014); «*Ещё «в заслугах» первого президента Украины — первый же «незалежний» коррупционный скандал*» («Аргументен-

ты и факты», 25.05.2014); «Беня», «Сеня» и «шоколадный папа». Кто есть кто в **Незалежной?**» (Аргументы и факты, 11.03.2015); «Эта ветка, минуя **незалежную**», соединит железнодорожным сообщением станции Журавка в Воронежской области и Миллерово - в Ростовской» (Российская газета, 27.02.2016); «Погранслужба Украины: машины из **Незалежной** в Крым снова пропускают» (Комсомольская правда, 26.02.2016); «Помимо бывшего премьера **незалежной** ...» (Комсомольская правда, 26.02.2016); «В докладе о нарушении прав человека правозащитная организация посвятила **незалежной** 10 страниц» («КП», 24.02.2016). Это слово употребил даже Президент РФ В.В.Путин в своей последней телевизионной пресс-конференции 2015 г.

В НКРЯ слово *незалежный* встречается в 25 контекстах, из которых только 2 текста датированы 1928 и 1940-1950 гг. Все остальные употребления относятся к последним двум десятилетиям (1997-2010 гг.). Во всех случаях речь идет об Украине, и данная лексема служит синонимом-символом Украины как государства.

Слово *незалежность* встречается в Национальном корпусе русского языка 12 раз, период создания текстов – с 1991 по 2015 годы, за исключением повести В.Некрасова «Взгляд и Нечто», написанной в 1977 году.

Таким образом, языковой материал свидетельствует, на наш взгляд, об освоении русским языком украинской лексемы *незалежный* / *незалежность*.

В результате исследования мы пришли к следующим **ВЫВОДАМ**:

- 1) рассматриваемая лексическая единица вошла в русскую речь, активно функционируя в дискурсе СМИ;
- 2) до 2010 года слово *незалежный* чаще употреблялось в русскоязычных СМИ Украины (по сравнению с российскими), где оно не имело негативных коннотаций;
- 3) в последние пять лет лексема стала активно использоваться в российских СМИ и перестала восприниматься как экзотизм, заменяя слова «Украина», «украинский» и приобретая негативные, зачастую пренебрежительно-саркастические коннотации.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. / В. В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1982. — 528 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — М.: Цитадель, 1998.
3. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. — М.: Наука, 1968. — 208 с.
4. Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>)
5. Николенко Н.И. Украинизмы в русской речи / Н. И. Николенко // Русский язык и литература в учебных заведениях, Киев, 2008, №1. — С. 33-39.
6. Озерова Н. Г. Украинизмы в русской газетной речи на рубеже тысячелетий/ Озерова Н. Г. // Русский язык и литература в учебных заведениях. — 2002. — №5 — С. 2-4.
7. Словник української мови. — Київ: Наукова думка, 1973. — Т.4.
8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. — М.: Русский язык, 1994. — Т.1.

**THE FUNCTIONING OF THE LEXEMES NEZALEZHNIY
IN THE MODERN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE**

Ivanyuk N.I.

The article focuses on borrowing in the Russian language. Identify their causes and characteristics of loans from closely related languages. In particular, the problem of functioning of the Ukrainian tokens in the Russian language, due to the contacts between the inhabitants of Russia and Ukraine and between the states as a whole.

It is noted that most of the Ukrainian words mastered the Russian language in the pre-Soviet and Soviet periods. These words are described and classified. However, since the formation of Ukraine as an independent state in the Russian language includes new Ukrainisms related to political processes in Ukraine. It is noted that during operation in the Russian language, they are lexical semantic assimilation, resulting in the possibility of their portable use, a change in color expressive nature, increasing their overall semantics. Such processes are directly dependent on the frequency and nature of use of the word in the media. Therefore, the material for the study served as the discourse of the media, in which the most quickly reflected the changes taking place in society.

Among the new borrowing of the Ukrainian language in the Russian most frequently used is the Ukrainian token nezalejniy, which is translated into Russian as "independent". This lexical unit is not recorded in the dictionary of the Russian language.

The aim of the article is to examine the functioning of the token nezalezhniy (nezalezhnost') in Russian political discourse. Thus it is possible to trace its entry into the lexical fund of the Russian language and becoming a full-fledged unit of Russian speech of the twenty-first century.

The analysis of the functioning of words nezalezhniy (nezalezhnost') in different periods of history of Ukraine (from 1991 to present). It was noted that most often it was used during the Orange Revolution, or the first Maidan (2004), and during the second Maidan (2014) and thereafter.

Examples of the use of the lexical unit under consideration in the Russian media in Ukraine and Russia. The study concluded that the Russian media lexical unit nezalezhniy (nezalezhnost'), a previously unknown Russian language, has been actively used in 2004 and after. Almost all cases of the use of the token associated with the description of events in Ukraine.

Word nezalezhniy represented in the Russian National Corpus.

The study concluded that, considered that lexical unit entered the Russian language is actively functioning in the discourse of the media; before 2010 nezalezhniy word most often used in the Russian media in Ukraine (compared to Russian), where it did not have negative connotations; token was used actively in the last five years in the Russian media and ceased to be perceived as exoticism, replacing the word "Ukraine", "Ukrainian" and acquiring a negative, often scornful and sarcastic connotations.

On the whole, produced the conclusion that the word nezalezhniy, nezalezhnost' have already entered the Russian lexical system and developed as a borrowing from the Ukrainian language.

Keywords: borrowing, Russian language, vocabulary, nezalezhniy, Ukraine.

Referenses:

1. Vinogradov V. V., Essays on the history of Russian literary language XVII-XIX centuries (Higher School, Moscow, 1982).
2. Dal V. I., Explanatory Dictionary of Russian language (Citadel, Moscow, 1998).
3. Krysina L. P., Foreign words in modern Russian (Nauka, Moscow, 1968).
4. Russian National Corpus (<http://www.ruscorpora.ru/>)
5. Nikolenko N. I. Ukrainianism in the Russian language, *Russian language and literature in schools*, №1, p.33-39 (Kyiv, 2008).
6. Ozerova N. G. Ukrainianism in Russian newspaper speech Millennium, *Russian language and literature in schools*, №5, p.2-4 (Kyiv, 2002).
7. Dictionnaire Ukrainian Language (Naukova Dumka, Kiev, 1973).
8. Chernih P. Y. Historical and etymological dictionary of modern Russian (Russian Language, Moscow, 1994).

УДК 808'51

О НАРУШЕНИЯХ РЕЧЕВЫХ НОРМ В ЖАНРЕ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАРИЯ

Лягунова С. В.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
Кубанский государственный университет (преподаватель), Краснодар
Email: stefy91@mail.ru*

В статье рассмотрено жанровое своеобразие спортивного комментария на материале репортажа об одном футбольном матче. Выявлены немотивированные отступления от коммуникативных стандартов.

Ключевые слова: стиль, спортивный комментарий, жанр, нарушение речевых норм.

ВВЕДЕНИЕ

Языковой стиль – разновидность языка, закреплённая за определенной социально-коммуникативной сферой и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка лексикой, грамматикой, фонетикой. Традиционно в современных развитых национальных языках выделяют три стиля – нейтральный, высокий и низкий, хотя социальная дифференциация может быть более дробной.

Многообразие стилеобразующих факторов предопределяет существование функционально-стилевых норм (общезыковых и межстилевых). Они, в свою очередь, обусловлены задачами, целями и содержанием речи определённой сферы общения. Говорящему всегда необходимо тщательно выбирать языковые средства, создающие конкретную стилистико-речевую организацию, так как принцип отбора их комбинаций характеризует сам стиль.

Целью нашей статьи является выявление типичных нарушений речевых норм в жанре спортивного комментария, который мы находим наиболее стилистически разнообразным по причине его языковой экспрессивности, потому и особым. Были поставлены следующие задачи:

- изучить фактор демократизации стиля общения в данном жанре, основываясь на нормативном аспекте употребления кодифицированных и некодифицированных единиц в речи спортивных журналистов;
- определить, какие особенности языка (экспрессивные, оценочные, функциональные, коммуникативные, познавательные, эмоциональные) присущи выбранному жанру.

В нашем корпусе текстов представлены спортивные репортажи различных комментаторов, посвящённые разным видам спорта. Количество материала позволяет выявить жанровое своеобразие телевизионного спортивного комментария. В настоящей статье для иллюстрации результатов нашего исследования представлен один репортаж футбольного матча «Реал-Барселона» от 24.03.2014 г. Комментатор – Уткин В.В.

Актуальность темы исследования можно детерминировать двумя явлениями: «СМИ формируют языковые вкусы общества. Они быстрее всего реагируют на изменения в языке и отражают их» [Кормилицына 2008], современный российский репортаж стал «сосредоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка, от областей высоких и нейтральных до сниженных <...>, пронизанных элементами просторечия» [Земская 1996].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

По мнению некоторых критиков, существует понятие идеальной модели комментария, включающей в себя следующие требования:

- исполняться грамотным и понятным для аудитории языком;
- содержать необходимую информацию для адекватного восприятия транслируемого спортивного события;
- излагаться с соблюдением норм орфоэпии и правил грамматики;
- не содержать избыточной информации (подробностей, фактов, статистических данных и т.п.);
- соответствовать событийному ряду происходящего в эфире трансляции;
- стремиться к объективной оценке событий и достижений конкретных спортсменов и команд [Мастерство журналиста. Эл. ресурс].

Неисполнение одного из вышеуказанных требований может усилить момент субъективации осуществляемого журналистом комментария, что будет указывать на ангажированность комментатора. Стремление к активному самовыражению позиции автора «порой принимает форму манипулирования фактами и прямого давления на адресата, навязывания собственной точки зрения при освещении тех или иных событий» [Кормилицына 2003].

Рассмотрим конкретные высказывания комментатора В.В.Уткина.

[1] ***Наперегонки он с ним-то ещё и побеждает, а вот что будет в остальном? Это же вам не Усейн Болд какой-нибудь примитивный.***

В первой части автор использует многозначное слово «в остальном». Когда адресант включает в свою речь многозначные слова, ему необходимо следить, понятно ли именно то значение, которое он стремится раскрыть в данной речевой ситуации. При употреблении многозначных слов очень важен контекст. Именно благодаря контексту ясно то или иное значение слова. И если контекст – законченный в смысловом отношении отрезок речи, позволяющий установить значения входящих в него слов или фраз, то каждое слово в предложении понятно. В конкретном случае иначе: спортивный журналист употребляет разговорный, бытовой стиль: ***«Наперегонки он с ним-то ещё и побеждает»***. Во второй части высказывания Уткин выказывает своё пренебрежительное отношение к представителю атлетического вида спорта при помощи слов «какой-нибудь» и «примитивный», которые носят эмоционально-негативный характер.

[2] ***Там, конечно, был пятачок, такой уголочек площадки... Вы знаете, вот в таком уголке, если взять эту линию за плинтус, то в квартире гадит кот.***

В комментарии [2] прослеживаются следующие нарушения стиля, соответствующего жанру:

1) коннотация, «эмоциональная, оценочная или языковая окраска узуального или окказионального характера» это явление отражается в ласкательных словах *пятачок, уголочек, в уголке* (в лексической и словообразовательной стилистике: лексические единицы, как правило, мотивированные, образованные путем суффиксации и служащие для выражения самого доброго отношения говорящего к объекту номинации);

2) во втором предложении автор допускает нарушение логической связи между придаточными частями сложноподчинённого предложения *если взять эту линию за плинтус, то в квартире гадит кот* (нарушение причинно-следственной связи);

3) употребление жаргонизма¹ *гадит* указывает на сниженную экспрессию комментария.

Явление негативной демократизации в использованных приёмах может быть обусловлено субъективно негативным отношением адресанта к ситуации, сложившейся во время матча.

[3] *Случайно или нет...Бензима-а-а-а! Когда-то он забил решающий Барсе ближний угол. Была такая история.*

1. В первом предложении очевидна лексическая неполнота. Выражение *случайно или нет* явно вырвано из контекста, что нарушает ясность текста.

2. В части комментария «*когда-то он забил решающий Барсе ближний угол*» разрушена структура причастного оборота. Слово *Барсе* разрывает конструкцию, что искажает смысл всего высказывания. В результате автор не может добиться желаемой коммуникативной цели. Здесь же присутствует употребление профессионализма.

3. Речевой штамп «*была такая история*».

[4] *Не, ну, конечно, вставить надо, чего уж.* Фраза составлена в разговорной, просторечной форме: ярко выражено чрезмерное употребление так называемых слов-паразитов.

[5] *Опасный момент. Ну, вот и гол. Ну, уже расстрел. Это был, конечно, расстрел в полном смысле этого слова. И это Иньеста! Брависсимо!*

1. Употребление профессионального речевого штампа «опасный момент».

2. На эмоциональную окраску комментария указывает макаронизм² *брависсимо*.

3. Использована метафора. Автор сравнивает удар с *расстрелом*. «При обращении к практической речи бросается в глаза не всеприсутствие метафоры, а её неуместность, неудобство и даже недопустимость в целом ряде функциональных стилей». «Рано или поздно практическая речь убивает метафору. Её образность плохо согласуется с функциями основных компонентов предложения. Её неоднозначность несовместима с коммуникативными целями основных речевых актов – информа-

¹ Жаргонизмы – это слова, ограниченные в своём употреблении определённой социальной или возрастной средой [Баранов 2004].

² Макаронизм – в лексической стилистике слово (или выражение) другого языка, механически вносимое в речь с неизбежным искажением его звуковой формы и естественного контекста, что придает ему гротескный характер

тивным запросом и сообщением информации, прескрипцией и взятием обстоятельств» [Арутюнова 1990].

4. Многословие. В данном комментарии присутствует повтор слова *расстрел* и междометия *ну*.

[6] *Приезжали к нам на «бис» звёзды из балета, как пелось в одном известном фильме.* Для эмоциональной окраски своего высказывания Уткин вновь использует метафору, сравнивая футболистов со «звёздами из балета», а также безличное предложение «как пелось в одном известном фильме».

[7] *Карвахаль почему-то был в центре, хотя Карвахаль, конечно, присматривал в большей степени за своей непосредственной виз-а-ви.* Ярко выражено стилистическое несоответствие между придаточными предложениями: *Карвахаль почему-то был в центре* просторечное, без высокопарных слов и словосочетаний, *присматривал в большей степени за своей непосредственной виз-а-ви* – наоборот, включает в себя бомбаст – напыщенный, чрезмерно торжественный стиль. Спортивный комментатор мог использовать его для создания иронии.

[8] *Это позволяет ему видеть пустоту в обороне соперника.* Использован метод замены слова с одной стилистической окраской на слово с другой стилистической окраской. Предположительно автор заменил выражение «пустое пространство» на всего лишь одно слово «пустота».

[9] *Тата Мартино. Тра-та-та, Мартино! 1:0.* Можно предположить, что оратор употребил приём «эвфемизм» в качестве замены нецензурного выражения, обусловленного эмоциональным напряжением. «Эвфемизмы имеют целью не образное представление действительности, как тропы поэтического языка, а затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни» [Ларин 1961, с. 110]. Считаем необходимым отметить, что данный эвфемизм образован методом изменения формы слова, а именно прозвища тренера «Барселоны».

[10] *Лео Месси – непревзойдённый бомбардир, но ещё и великолепный ассистент.* В данном выражении присутствует неоправданное употребление противительного союза *но*, так как «бомбардир» и «ассистент» лексически не могут быть противопоставлены, языковой приём можно считать логически недопустимым.

[11] *Я не изменю отношение к этому эпизоду, а теперь ещё и усугублю.* Здесь считаем необходимым отметить лексическую несочетаемость слов *отношение* и *усугублю*. Границы лексической сочетаемости определяются семантикой слов, их стилистической принадлежностью, эмоциональной окраской, грамматическими свойствами и т. п. Отношение нельзя усугубить, усугубить можно ситуацию, что доказывает неоправданное употребление слов с различной стилистической окраской.

[12] *Ах, как же здесь здорово сыграл Ди Мариа. Ну, просто виртуозно.* Высказывание эмоционально окрашено при помощи двух междометий «ах» и «ну» и просторечного слова «здорово», все они выражают в данном случае удивление и восхищение.

[13] В комментарии: «Вальдес мяч достать имел крайне мало шансов», – использован приём «инверсия», изменение порядка слов, принятого в русском языке.

[14] *Ну, вы знаете, когда «вот так тебе»: Ди Мария и открылся, и головку поднял, и посмотрел, и подал. Ну, прямо так, что я не знаю. Ну?! Мяч словно сам обнял маленькими ручками Бензема и мягонько упал в ноги.*

С целью создания комичного эффекта Уткин В.В. использовал повтор однородных сказуемых с соединительным союзом «И», просторечное предложение: «*Ну, прямо так, что я не знаю*», – приём олицетворение во фразе «*Мяч словно сам обнял маленькими ручками Бензема и мягонько упал в ноги*», и здесь же наблюдается уменьшительно-ласкательная окраска речи.

ВЫВОДЫ

Выявляя жанровое своеобразие спортивного комментария на материале репортажа В.В. Уткина, мы столкнулись с такими немотивированными отступлениями от коммуникативных стандартов:

- сниженностью и фамильярностью дискурса;
- публичным унижением представителей другого вида спорта;
- неоправданным употреблением различных языковых единиц;
- неуместным использованием определённых стилистических приёмов на синтаксическом, лексическом, морфемном языковых уровнях.

Все эти явления в других контекстах и иных речевых ситуациях могли бы быть лингвистически оправданы. Однако стоит помнить, что репортаж – это устный монолог, в котором важен контакт оратора с аудиторией (необходимое условие для достижения оратором коммуникативного успеха в монологическом выступлении).

Коммуникативный оптимум дискурса – основная задача и характеристика речевого общения, при котором говорящий решает все поставленные им коммуникативные задачи. Важнейшим фактором успешного общения является коммуникативная компетенция его участников.

Таким образом, для достижения коммуникативного успеха, по нашему мнению, необходимо такое использование стилистических приёмов, которое будет соответствовать языковым нормам русского языка.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс/ Н.Д.Арутюнова // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
2. Баранов М.Т. Русский язык: Справ. Материалы: Пособие для учащихся/ М.Т.Баранов, Т.А.Костяева, А.В.Прудникова; Под. Ред. Н.М.Шанского. – 8-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 2004. – 285 с.
3. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.
4. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет// Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Саратов, 2008.
5. Кормилицына М.А. Усиление личностного начала в русской речи последних лет// Русский язык сегодня. – Вып. 3. – М., 2003.
6. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания. Л., 1961.
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976.

Электронные источники:

1. Спортивная журналистика. Мастерство спортивного комментатора [Электронный ресурс] http://studme.org/37713/zhurnalistika/masterstvo_sportivnogo_kommentatora 01.03.2016.
2. Учебный словарь стилистических терминов. Часть 2 [Электронный ресурс] <http://sigieja.narod.ru/Stilslovar2.htm> 02.03.2016

**ABOUT VIOLATIONS OF SPEECH NORMS
IN THE GENRE OF THE SPORTS COMMENT**

Lyagunova S.V.

Language style is the kind of language assigned to a certain social and communicative sphere and partially different from other kinds of the same language lexicon, grammar, phonetics. Traditionally philologists mark out three styles in the modern national languages – neutral, high and low though social differentiation can be more fractional.

The variety of style forming factors predetermines existence of functional and style norms (common-language and interstyle). They, in turn, are caused by tasks, the purposes and contents of the speech of a certain sphere of communication. Speakers always must choose carefully the language, which means creating the concrete stylistic speech organization as the principle of selection of their combinations characterizes the style.

The genre of the sports comment is rather actual for studying because his language features influence on functioning of the live processes of Russian on lexical, grammatical and stylistic aspects.

The purpose of our research is identification of typical violations of speech norms in a genre of the sports comment which we find most stylistically various because of his language expressivity.

There have been set the following tasks in the article:

- to study a factor of communication style democratization in this genre, based on standard aspect of the use of the codified and not codified units in the speech of sports journalists;
- to define what features of language (expressional, estimated, functional, communicative, informative, emotional) are inherent in the chosen genre.

Scientific novelty of research is defined by attraction for the analysis of new language material.

There are presented the sports reporting of various commentators devoted to different types of sport. in our text's corpus. The amount of material allows revealing a genre originality of the television sports comment. One reporting of a football match "Real Barcelona" from 3/24/2014 is presented in the present article for an illustration of results of our research. The commentator is Utkin Vasilii Vyacheslavovich.

The functional, semantic analysis, the comparative and comparative analysis, the component, cognitive analysis of a language introspection, structural, contextual, method of definition, descriptive became methods of our research.

According to some critics, there is a concept of the ideal model of the comment including the following requirements:

- 1) to be executed by language, competent and clear for audience;
- 2) to contain necessary information for adequate perception of the broadcast sports event;
- 3) to be stated with observance of norms of orthoepy and rules of grammar;
- 4) not to contain surplus information (details, the facts, statistical data, etc.);
- 5) to correspond to an event number of the events on air of broadcasting;
- 6) to aspire to an objective assessment of events and achievements of specific athletes and teams.

Non-execution of one of the above-stated requirements can strengthen the moment of becoming subjective of the comment which is carried out by the journalist that will indicate an involvement of the commentator.

Communicative optimum of a discourse is the main objective and the characteristic of speech communication at which speakers solve all communicative tasks set by them. The most important factor of successful communication is communicative competence of its participants.

Thus, achievement of communicative success, in our opinion, requires such use of stylistic receptions which will meet language standards of Russian.

Keywords: style, sport comment, genre, violation of speech norms.

УДК 070:316.613.434:161.225.23

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ АГРЕССИВНОГО РЕЧЕВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Малярчук-Прошина У. О.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: maljarchuk.uljana@rambler.ru*

В статье рассматривается специфика проявления речевой агрессии в современном публицистическом дискурсе. Сегодня средства массовой информации используют агрессивную коммуникативную стратегию как средство привлечения и удержания внимания аудитории в условиях острой конкурентной борьбы, не учитывая при этом, что медиатексты формируют не только информационную среду, в которой функционирует общество, но и среду эмоциональную. Языковая агрессия в СМИ приводит к трансформации картины мира, сложившейся у аудитории, оказывает отрицательное влияние на языковой вкус и выбираемые стратегии речевого поведения языковой личности. Особенно эффективна она в силу своего имплицитного характера, поскольку воздействует главным образом на бессознательную сферу индивида. Агрессия в публицистическом дискурсе может проявляться в использовании ненормативной и бранной лексики, неоправданном употреблении заимствованных слов, лексем с отрицательной эмоциональной окраской, а также посредством отрицательной авторской оценки.

Ключевые слова: оценочность, речевая агрессия, медиатекст.

ВВЕДЕНИЕ

Информация является универсальным инструментом прогресса человечества и важнейшим ресурсом развития общества на современном этапе. При этом бесконтрольное, некомпетентное или злонамеренное использование информации может оказаться весьма опасным. Современные средства массовой информации не ограничиваются созданием исключительно информационной среды, в которую погружается каждый человек, они формируют также среду эмоциональную. Настроение каждого члена общества в значительной мере определяется тематикой и стилистикой материалов масс-медиа. При этом далеко не всегда журналисты в своей работе учитывают данный психологический фактор. Для более эффективной реализации коммуникативных задач, т.е. для привлечения аудитории, поддержания ее интереса, более активного воздействия на читателя, зрителя или слушателя, журналисты зачастую используют агрессивную стратегию [7]. Исследование проявлений такой стратегии в текстах СМИ представляется актуальным как более глубокого понимания тенденций развития современного медиадискурса. **Цель данной статьи** – рассмотреть специфику проявления языковой агрессии посредством оценочных высказываний в текстах СМИ.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Тенденция к демократизации языка СМИ привела к сближению строгой письменной речи и спонтанной устной и, как следствие, - к сниженности медиа-текстов. Исследователи отмечают, что необходимость борьбы за выживание в условиях жесткой конкуренции на рынке СМИ приводит к активному поиску новых способов привлечь внимание потенциальной аудитории. Для достижения поставленной цели используются любые средства, в числе которых прямое эпатирование [6].

Речевая агрессия учеными рассматривается как сложное явление, не ограничивающееся исключительно языковой манифестацией. Данное явление включает также психологическую, поведенческую, социальную, прагматическую составляющие. Такая многоаспектность приводит к неоднозначности при трактовке данного термина. Некоторые исследователи (О. Быкова, В. Жельвис, А. Михальская) связывают речевую агрессию с явным настойчивым навязыванием адресату сообщения (аудитории) конкретной точки зрения, лишением права выбора и невозможностью сделать самостоятельный вывод, на основе анализа фактов факты. Несколько иная точка зрения на речевую агрессию у лингвистов, определяющих ее как неаргументированное или недостаточно аргументированное вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение личностных установок (идеологических, оценочных и т. д.) или поражение в полемике (Р. Ратмайр). Часть ученых акцентирует внимание на другом сущностном качестве речевой агрессии – ее нацеленности на оскорбление или причинение вреда индивиду. Примечательно, что данная прагматическая установка далеко не всегда связана с целью говорящего переубедить собеседника. Н. Петрова считает, что речевая агрессия представляет собой выражение с помощью определенных языковых средств отрицательного эмоционально-оценочного жесткого отношения к кому- или чему-либо, зачастую идущее в разрез с требованиями этических и эстетических норм. Также к языковой агрессии исследователь относит перенасыщение текста вербально выраженной отрицательной информацией, приводящее к формированию у адресата общего тягостного впечатления. Под речевой агрессией могут понимать и особую форму речевого поведения, мотивированную агрессивным состоянием адресанта. В данном случае принято выделять два варианта речевой агрессии: прямой призыв к агрессивным действиям и формирование агрессивного состояния адресата [3].

Среди способов проявления языковой агрессии в медиа-текстах ученые называют: немотивированное использование новых иноязычных слов; увеличение использования лексики малых социальных групп; языковую демагогию; суггестивное влияние рекламных текстов; формирование особой метафорической картины мира [1].

Проявления языковой агрессии могут быть эксплицитными и имплицитными. К первым относится использование в текстах СМИ жаргонных или просторечных слов, которое Т. Буданова характеризует как экспансии лексики малых социумов. Примером имплицитной языковой агрессии является языковая демагогия, т.е. использование приемов непрямого воздействия на аудиторию, когда внушаемые идеи не высказываются напрямую, а навязываются исподволь благодаря использо-

ванию особых языковых механизмов. При этом СМИ получают возможность манипулировать сознанием индивида, формируя его оценочное отношение к фактам или событиям действительности.

В целом, языковая агрессия основана на не критичном восприятии медиатекстов. Особенно эффективна она в силу своего имплицитного характера, поскольку воздействует главным образом на бессознательную сферу читателя, зрителя, слушателя. Информация, полученная от средств массовой информации, оказывает существенное воздействие на аудиторию, но ощущается такое воздействие по-разному. Наиболее типичными исследователи называют следующие варианты:

- СМИ провоцируют возникновение отрицательных эмоций (например, страха) в связи с полученными сведениями о ситуации в стране и мире;
- влияние СМИ часть аудитории воспринимает как давление извне с целью манипулирования общественным мнением;
- под воздействием СМИ взгляды на некоторые явления действительно меняются;
- появление того или иного материала заставляет аудиторию задуматься о поставленной в нем проблеме.

Таким образом, ученые пришли к выводу, что масс-медиа оказывают на аудиторию воздействие, проявляющееся в разнообразных формах: от абсолютного неприятия информации до изменения сложившегося мнения по конкретному вопросу [1].

Ряд исследователей сходится в том, что языковая агрессия в СМИ приводит к трансформации картины мира, сложившейся у аудитории, оказывает отрицательное влияние на языковой вкус и выбираемые стратегии речевого поведения языковой личности, а также способствует ответной языковой агрессии [5; 4; 2].

В ходе проведенного нами анализа текстов информационно-аналитической газеты «Первая Крымская» за период с 2010 по 2012 год были выявлены различные способы проявления речевой агрессии. На наш взгляд, газета реализует агрессивную модель коммуникации уже на этапе отбора информации, поскольку тексты перенасыщены сведениями, вызывающими негативные эмоции у читателей независимо от их возраста и социального статуса. Наиболее распространенной на страницах газеты является криминальная тематика, при чем она прослеживается не только в рубрике «Криминал», но и в других, например, «Политика», «Инфраструктура», «Соцзащита». Авторы статей активно используют оценки в текстах, при чем не только явные, но и скрытые. При этом в текстах нередко встречаются слова и выражения с яркой экспрессивной окраской и ненормативная лексика.

Языковая агрессия реализуется в издании посредством употребления жаргонной и грубо-просторечной лексики: «сорвало крышу», «работа на сельских шабашках», «подшабашили», «приговорить [«жидкий гонорар»]», «блатные», «разводил лохов», «куча липовых документов», «банковские "лямы"», «лимон (-миллион)», «кто лимонами ворочает», «приторговывала польскими шмотками» [1К, №20(376), 02-09 июня 2011]; «нардепы завалили отработанный пакет документов по автономии», «никто не будет дербанить землю» [1К, №23(379), 24-30 июня 2011]; «бандюги» [1К, №24(380), 01-07 июля 2011]; «за очками и модным прикидом

этого никак не видно» [1К, №398, 4-10 ноября 2011] и проч. Также в текстах активно используется социолектная, и в том числе, криминальная лексика: *«все это похоже на обычный наезд»*; *«их "тепленькими" и взяли сотрудники местного Железнодорожного РОВД города»* [1К, №21(377), 10-16 июня 2011]; *«навар выходит жирный»* [1К, №25(381), 08-14 июля 2011]; *«кинул всех»*, *«жадность фраера сгубила»*, *«сходка в Днепропетровске»*, *«братки столкнулись лбами»*, *«залечь на дно»* [1К, №25(381), 08-14 июля 2012].

Еще одним проявлением агрессии является необоснованное использование в текстах СМИ заимствованной лексики: *гламурность, лимита, драйв, кастинг, экин, бренд, консалтинг, прессинг, продакшен.*

Проявлениями агрессии являются также заголовки с яркой оценочной установкой. Особенно показательными в данном случае, на наш взгляд, являются заголовки рубрики «Криминал»: *«Школьный сторож насильничал детей»*, *«Охранник супермаркета убил покупателя»*, *«Альфонс прижигал утюгом лицо одесситки»* [1К, №21(377), 10-16 июня 2011]; *«Бандита, обобрававшего коммерсанта до нитки, выпустили на свободу»*, *«Начальник колонии сколотил банду»*, *«19-летний живодер истребил 100 соба»* (1К, №45(401), 25 ноября-01 декабря 2011). Да и в целом тексты данной рубрики способны провоцировать агрессии. Журналисты охотно обращаются к деталям пугающих кровавых преступлений: *«бутылка, разбившись о голову, превратилась в розочку и еще срезала несчастной пол-уха»* [1К, №21(377), 10-16 июня 2011].

В качестве примеров агрессии можно назвать и авторские оценки, например, слова типа *«отморозок»*, *«откровенный беспредел»* [1К, №21(377), 10-14 июня 2011]; *«безобразная сцена»* [1К, №24(380), 01-07 июля 2011]; *«проходимец»* [1К, №25(381), 08-14 июля 2011] или *«а может, пора уже за господина Азарова взяться Минздраву? Не в том смысле, что его надо лечить от маниакального синдрома, сопровождающегося, как известно, неадекватно повышенным настроением, переоценкой собственной личности и бредовыми идеями грандиозного, фантастического содержания...»* [1К, №24(380), 01-07 июля 2011], *«Хотя поначалу главную героиню Серафиму прекрасной никак не назовешь. Бабище, бабец, как будто топором из камня вырублена. Да и фамилия у актрисы не самая нежная — Парубель. Мама родная...»* [1К, №24(380), 01-07 июля 2011].

Яркий оценочный компонент можно наблюдать и в следующих контекстах: *«Борьба за мандат депутата ВР Крыма в 13-м округе будет такой же бескомпромиссной, как и беспринципной. Кандидаты – мертвые души сходят с дистанции сами, а избирком снимает с выборов реальных конкурентов. На войне как на войне — все средства хороши; А виноват ты в том... По степени откровенного цинизма эти промежуточные выборы, пожалуй, дадут фору всем предшествующим»* (авторская оценка, прецедентное высказывание, метафора); *«Дело об ограблении судакского банка было одним из самых громких в милицейской практике нашего сегодняшнего рассказчика — одного из самых известных крымских правоохранителей, члена Крымского отделения Международной полицейской ассоциации Николая Федоряна»* (имплицитно авторская оценка введена в контекст) [1К, №398, 4-10 ноября 2011].

Показательным с точки зрения выявления способов реализации речевой агрессии, по нашему мнению, является текст статьи «*Виктюк не стареет и, как всегда, неотразимо гламурен*» [1К, №398, 4-10 ноября 2011]. Приведем ряд фрагментов из данного материала: «*Роман Виктюк действительно как будто неподвластен возрасту. Ему — 75, но за очками и модным прикидом этого никак не видно. Он по-прежнему проказник и угодник, дамский, а также мужской*»; «*Вот тогда-то и вышел на арену Роман Виктюк как яркий представитель гей-культуры, человек небеталаный, достаточно цинично решивший: какую бы абракадабру я теперь ни поставил, вы, зрители, будете мне рукоплескать, ибо... ибо не захотите выглядеть немодными, а однополая любовь — это модно и скандально, много завываний — это модно, много эротических телодвижений под самую разную музыку — это очень-очень модно. Плюс претензия на глубину, непонятность, истеричность, вычурность и т.п.*»; «*И только глухие провинциалы продолжают воспринимать его как мессию, а его спектакли — как художественное откровение*».

В указанном тексте наблюдается авторская оценка, ирония и др. факторы, формирующие в итоге негативную оценку, к тому же очевидный упор на сексуальность и гей-культуру может вызвать негодование у аудитории.

ВЫВОДЫ

Проведенный нами анализ текстов газеты «1К» позволяет говорить о том, что речевая агрессия активно используется в современных печатных СМИ. Реализуется речевая агрессия различными способами, среди которых стоит особо отметить ненормативную лексику, неоправданное использование заимствованных слов, использование лексем с отрицательной эмоциональной окраской, бранных слов, криминальной лексики, авторской оценки (которая в целом ряде случаев может рассматриваться как нарушающая этические нормы). На наш взгляд, речевая агрессия в данном случае используется для того, чтобы привлечь внимание аудитории и поддерживать ее интерес. При этом неумеренность в выражении авторской позиции, по нашему мнению, может провоцировать агрессию восприятия, снижает объективность подачи информации и может рассматриваться как проявление недостаточного профессионализма автора публицистического текста.

Список литературы

1. Булыгина Е. Ю. Проявление языковой агрессии в СМИ [Электронный ресурс] / Е. Ю. Булыгина, Т. И. Стеклова. – Режим доступа : http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=191.
2. Глебов В. В. Особенности речевой агрессии [Электронный ресурс] / В. В. Глебов, О. М. Родионова. – Режим доступа : <http://www.rost-prof.ru/union/partners/rudn/articles/agr.html>.
3. Дзялошинский И. М. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы [Электронный ресурс] / И. М. Дзялошинский. – Режим доступа : http://www.evartist.narod.ru/text19/093.htm#3_03.
4. Морозова Е. В. Речевая агрессия и стратегии ее смягчения [Электронный ресурс] / Е. В. Морозова. – Режим доступа : <http://www.w3.org/1999/html>.
5. Новикова Т. В. Речевая агрессия в журналистских текстах как отражение интолерантности [Электронный ресурс] / Т. В. Новикова // RELGA : науч.-культурол. журнал. – 2006. – № 3 (125). – Режим доступа : <http://www.relga.ru>.
6. Петрова Н. Е. Формы проявления речевой агрессии в газетном тексте [Текст] / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская // Русский язык в школе. – 2006. – № 1. – С. 76-82.

7. Шутак Л. Б. Словотвірна категоризація суб'єктивної оцінки в сучасній українській мові [Текст] : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Л. Б. Шутак. – К., 2002. – 169 с.

**THE VERBAL AGGRESSION ASSESSMENT COMPONENT
IN MODERN MEDIA TEXTS**

Maljarchuk-Proshina U.

The given article is devoted to the consideration of verbal aggression manifestation specifics in modern publicistic discourse. Mass media nowadays use verbal aggression in order to attract and hold the attention of the audience in conditions of intense competition. In the same time authors do not take in consideration that media texts form emotional environment along with the information environment in which society functions. Verbal aggression in mass media results in the audience picture of the world transforming, adversely affects linguistic taste and the linguistic identity choice of verbal behavior strategy. Verbal aggression is especially effective by virtue of its implicit character, as long as it mostly affects individual's unconscious sphere. The verbal aggression specifics in publicistic discourse manifests in using profanity or abuse, unwarranted use of loan words, lexemes with negative emotional connotations and by means of negative author's assessments.

Key words: assessment, verbal aggression, mass media text.

УДК-81.139.

ПРЯМАЯ НОМИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ БИЗНЕС-ПРЕССЫ)

Тортунова И. А.

*Российский государственный социальный университет (РГСУ), Москва
E-mail: tortunova@yandex.ru*

Статья посвящена функционально стилистическому анализу языка современной деловой прессы. Российские бизнес-издания, с одной стороны, являются важной формой деловой коммуникации, с другой – в них ярко выражен элемент экспрессивной окрашенности. Рассмотренные в рамках делового дискурса, современные деловые периодические издания представляют несомненный научный интерес для исследователей, занимающихся исследованием языка СМИ. Прямая номинация, которая часто встречается в заголовках материалов деловых печатных средств массовой информации, представляется одним из важнейших средств речевого воздействия. Автор рассматривает жанровую специфику материалов, которые предваряют заголовки, построенные по принципу прямой номинации и делает вывод об актуальности данной проблемы в современной филологической науке.

Ключевые слова: прямая номинация, деловая пресса, деловой дискурс, деловая коммуникация.

ВВЕДЕНИЕ

Деловое общение, которое является целенаправленной речевой деятельностью, подчиненной строгим правилам, как массовый вид социальной коммуникации приобрело в современном мире глобальное значение. Из основных видов устного речевого творчества при деловом общении можно выделить деловую беседу, разновидностями которой являются беседа по телефону, деловые переговоры, интервью, а также речь-презентацию и публичное выступление. Письменные формы бизнес-коммуникации представлены в таких видах деятельности, как деловая и служебная переписка, документация. Основой всех перечисленных видов коммуникации является официально-деловой стиль общения, а также прямая номинация, соответствующая требованиям, предъявляемым к языку делового общения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Деловая пресса – важнейшая разновидность письменных форм деловой коммуникации, представляющая собой вид печатных СМИ, в котором журналисты отслеживают, собирают, записывают и анализируют информацию, имеющую отношение к финансам и бизнесу, обеспечивающую информационные потребности предпринимательства посредством публикации тех или иных материалов (как журналистских, так и статистических, рекламно-информационных, законодательных и пр.) с целью создания информационного поля, способствующего развитию бизнеса.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОССИЙСКОЙ БИЗНЕС-ПРЕССЫ КАК ФОРМЫ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Журналы и газеты научной и экономической направленности, издававшиеся в России в XVIII веке и содержавшие сообщения информативного характера, стали первыми образцами отечественной деловой прессы, которая выпускалась государственными органами, например, Государственным банком, Министерством государственных имуществ, Министерством финансов и др. и носила однотипные названия – «Труды...», «Ведомости...». См.: «Труды Вольного экономического общества», «Ежемесячные сочинения», «Комментарии», «Экономический магазин» (XVIII век), созданные по принципу прямой номинации. Очевидно, что уже при зарождении деловой прессы в русском языке сложилась традиция активного использования в ней прямой номинации, о чем свидетельствуют названия изданий, в которых отсутствует речевая игра.

В первой половине XIX века в печатных изданиях были окончательно сформированы признаки деловой прессы, для которой характерны оперативность и достоверность информации, предоставляемой в форме статей, отчетов, мнений, прогнозов, экономическая тематика. См.: «Технологический журнал», «Журнал мануфактур и торговли», газеты «Купец», «Биржевые ведомости» и др. Позже, во второй половине XIX века, появляются «Биржевые ведомости», «Торговый сборник», «Финансовое обозрение», «Жизнь и хозяйство», «Железнодорожное дело», «Экономист», «Экономический журнал», «Русский лесопромышленник», «Конеководство», «Коннозаводство», «Вестник золотопромышленности», «Биржевые ведомости», «Банки и биржа», «Биржа за неделю», «Банки и акционерное дело», «Биржевая газета», «Банковская и торговая жизнь», «Маленький финансист», «Биржевой день», «Деньги» и др.

Специфика экономики советского времени обусловила отсутствие деловой прессы как отдельной разновидности СМИ в период существования СССР. Однако ведущие издания, например, «Известия Высшего народного хозяйства», «Экономическая жизнь», «Экономические науки», «Экономическая газета», «Советская Россия», «Правда», «Известия», «Социалистическая индустрия» уделяли внимание проблемам экономического развития страны. Свое второе рождение отечественная деловая пресса пережила в 1990-е гг., когда значительно расширился круг читателей, вовлеченных в экономические и деловые проблемы. Именно тогда появились издания, и сегодня определяющие лицо деловой прессы: газеты «Коммерсантъ», «Экономическая газета», «Российская бизнес-газета», «Ведомости», «Деловой Петербург», «Сегодня», «РБК-daily» и журналы «Эксперт», «Деньги», «Профиль», «Власть», «Экономист», «Деловые связи», «Журнал для акционеров», «Карьера», «Компания», «Однако», «Секрет фирмы», «Бизнес журнал», российские версии «Forbes», «BusinessWeek», «StartMoney» и др.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПРЕССЫ

Деловая пресса предоставляет анализ глобальных событий в стране и их влияния на экономическую жизнь общества, обеспечивает читательскую аудиторию необходимой оперативной информацией, формирует идеологию бизнеса, распространяет деловой опыт, поэтому ведущей функцией деловых СМИ является социальная, позволяющая, как утверждает Т.Б.Назарова, обеспечить бизнес-коммуникацию, поскольку в «основе делового общения лежит взаимный интерес к получению прибыли» [7, с. 44]. Очевидно, что современные бизнес-издания неоднотипны, среди них можно выделить такие разновидности, как издания «для профессионалов», ориентированные на более узкий круг профессиональных читателей (например, газеты для юристов «Эж-Юрист», учителей «Первое сентября» и т.д.), корпоративные издания, выпускаемые компаниями в разном формате (журналы, буклеты, газеты) и предназначенные для внешней и внутренней потребительской аудитории, издания общего профиля, адресованные широкой аудитории (журналы «Деньги», «Профиль», «Власть» и т.д.).

Активное употребление средств публицистического стиля в российской деловой прессе не мешает соблюдать специфику делового общения, предопределившую обращение к официально-деловому функциональному стилю речи, под которым понимается совокупность речевых средств, обслуживающих сферу рабочих, деловых, политических, коммерческих отношений, когда коммуниканты выступают в роли представителей компаний, организаций, политических партий, государств. *Координатор движения «Автомобилисты Москвы» Леонид Антонов живет в центре. Его машина стоит в Среднем Каретном переулке, в ноябре 2012 года там появилась одна из первых в Москве муниципальных платных парковок. Хотя Леонид получил резидентское разрешение на парковку возле дома (годовой абонемент стоит 3 тыс. руб.), квитанции в его почтовый ящик посылались одна за другой... Всего Антонов получил девять штрафов, каждый — на 3 тыс. руб. («Деньги», 28 апреля 2014).* Данный пример наглядно демонстрирует стилистические особенности деловой прессы, для которой характерно смешение публицистического и официально-делового стилей, приведшее к использованию слов в прямом значении, активному употреблению нейтральной лексики, сокращений, повествовательной формы речи.

Деловое общение, как правило, протекает по каноническим речевым ситуациям и связано с речевой традицией, поэтому не последнюю роль в официально-деловом стиле играет речевой этикет. В этикетных речевых формулах к которым в деловой прессе часто прибегают в письме редактора, адресованном читателю, отражена специфика деловой коммуникации – жесткая регламентированность взаимоотношений участников коммуникативного процесса, адресность обращений, актуальность и своевременность предоставленной информации. Современная бизнес-пресса, выступающая в процессе коммуникации в роли адресанта, создает образ делового человека и предоставляет необходимую ему достоверную и своевременную информацию.

Приемы подачи информации, тематика статей сделали деловую прессу антитипом развлекательных изданий и желтой прессы. Во-первых, тематика деловой

прессе (политические события, освещение экономических и культурных новостей) непосредственно связана с уровнем образования высоко мотивированного читателя, его интересами, насыщенным графиком работы и активным ритмом жизни. Анализ рубрикаторов современных ведущих бизнес-изданий наглядно продемонстрировал однотипность организации информации и позволил выделить разновидности деловых печатных изданий. Как правило, статьи организуются вокруг ключевой темы номера или освещают новости политики, экономики, бизнеса, культуры и спорта, т.е. современных ведущих отраслей бизнеса. В этом случае рубрики носят названия, созданные по принципу прямой номинации – «Политика», «Экономика», «Деловые новости», «Культура» и т.д. Во-вторых, деловую прессу отличает ракурс предоставленной информации – факт становится важным не только как самостоятельное явление, отражающее происходящие социально-общественные процессы, но и подается в прагматическом освещении, поскольку читателю интересны и последствия случившегося, возможные варианты развития событий.

Из всех функциональных стилей именно официально-деловой является самым традиционным, мало поддающимся изменениям, консервативным, клишированным. Речевой нормой для официально-делового стиля стало активное использование терминов, сокращений, аббревиатур, речевых штампов и языковых формул, нейтральный тон изложения, однозначность и точность формулировок, лаконичность и краткость. Синтаксической особенностью делового стиля является преобладание простых распространенных предложений. Важной отличительной чертой текстов, созданных в официально-деловом стиле, является содержательность и информативность, что наглядно демонстрирует современная бизнес-пресса, отличительной чертой которой также является жанровая специфика предоставляемых вниманию читателя материалов.

А. Тертычный предлагает такие названия групп жанров деловой прессы, как информационные и аналитические (заметка, статья, корреспонденция, интервью, рецензия, обзор) [11, с. 89-121], а В.Третьяков утверждает, что «исторически сложились и в практической журналистике сепарировались от второстепенных как наиболее экономичные и эффективные всего четыре основных (главных) классических жанра журналистских материалов. Это информация, репортаж, интервью и статья» [13, с. 596]. Под информацией исследователь понимает «сообщение о только что случившемся или в силу иных причин актуальном событии» [13, с. 596].

Информация/новость является основой целого ряда первичных жанровых форм, описанных современными исследователями жанровой структуры журналистских текстов. См.: новость, новостная заметка, событийная заметка, новостная статья, информационная заметка, информационное сообщение, информационная корреспонденция [2; 3; 4; 5; 6; 8; 10]. На их основе создаются журналистские материалы аналитического характера. Отличительными признаками новости являются оперативность, актуальность, востребованность [10, с. 35]. Информация, представляемая в новостях, превышает то, что известно адресату. Специфика сочетания фактологической, превентивной, вероятностной и нормативной информации [11, с. 54-60] определяет структуру и композицию традиционных и креолизованных текстов. Несомненно, новостные тексты, составляющие большую часть вербального поля деловых СМИ, создаются на основе фактологической информации. Например, *Авария на котельной в Троицке не повлияла на подачу тепла в жилые дома и объекты*

социальной сферы. Об этом вечером 15 января сообщает *«Интерфакс»* со ссылкой на заместителя мэра Москвы по вопросам ЖКХ и благоустройства Петра Бирюкова. Утечка теплоносителя произошла 15 января около 18:00. Восстановительные работы продолжаются (*«Профиль»*, 18 февраля 2014).

Задача новостей – фиксировать и беспристрастно излагать факты. Одним из критериев внутрижанрового деления новостных материалов является объем текста. Например, информационное сообщение может состоять из одного предложения, в котором сформулирована сама новость: *В первый день осени стартовал Всероссийский конкурс «Понтифик – 2014», которому оказывает информационную поддержку газета «Эж-Юрист» («Эж-Юрист», 1 сентября 2014).* Новостная статья, предполагающая больший объем, содержит детали, подробности, мнения компетентных лиц. Неслучайно, Т.А. ван Дейк [1, с. 17] утверждает, что предоставление наиболее важной информации в начале сообщения и дальнейшее ее разворачивание – неперемное условие создания текста новости. Тот же «принцип перевернутой пирамиды» положен в основу новостных PR-текстов, в первую очередь пресс-релиза. Например, данный принцип реализован в информационно-аналитической статье *Вы что не прощаете?* (*«Власть»*, 28 апреля 2014): *Лидер ЛДПР Владимир Жириновский в Госдуме оскорбил перед камерами беременную журналистку. Депутатская комиссия по этике осудила этот поступок, но ограничилась требованием публичных извинений... Сейчас я всех простила, пока у меня непрощенных нет. А гипотетически — патологическую жадность, подлость, предательство. И такую глупость, от которой страдают другие. Но больше всего не переношу, когда сильный изгаляется, пользуясь властью, унижает слабого. И еще мне глубоко противна бестактность. Владимир Вольфович — талантливый и красноречивый человек. Но сможет ли он, исходя из своих многочисленных талантов, найти такие аргументы, чтобы пострадавшая журналистка его простила? Должно быть побуждение к прощению. Элла Памфилова, уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Подлость. Но сейчас ни на кого зла не держу. У меня когда-то был конфликт с Жириновским. Что его прощать? Мне его жалко, он человек подневольный. Вопрос ему задали невинный — должна ли Россия отвечать на санкции. А он понимает, что сам этого не решает, ему опять предлагают сыграть роль какого-то клоуна. Наверное, это его достает, вот и выплеснулась накопившаяся злоба на свое подневольное положение. Я бы завел в Думе комиссию по психиатрии, потому что у Жириновского был срыв. Но он нужен Кремлю, потому что оттягивает избирателей с инфантильным сознанием, недообразованных, не очень культурных. Сергей Митрохин, лидер партии "Яблоко".* Очевидно, что новость является информационным поводом для изложения мнения людей, компетентных в области политики и представляющих разные позиции. Стилистическая неоднородность новостной статьи, активное использование в ней разговорных форм речи обусловлена формой, которую избрал журналист для подачи материала. Адресат - читательская аудитория, которая является важнейшим фактором, позволяющим охарактеризовать печатное СМИ как деловую прессу, в данном случае не только получила детальное сообщение о произошедшем, но и комментарии политиков, позволяющие строить версии о дальнейшем развитии событий.

Заголовки статей в деловой прессе часто строятся по принципу прямой номинации. Названием новостного материала является, как правило, сама новость: *Красная площадь будет пригодна для жизни; 200 заключенных рязанской колонии примут участие в эксперименте; В честь Дня Победы состоится парад на Красной площади*. Такая организация текста позволяет привлечь внимание читателя, а также значительно экономит его время, чему способствует и система подзаголовков, разъясняющих и анонсирующих содержание статьи и являющихся важной композиционной частью материалов новостей [12, с. 78-83]. Так, например, заголовки и подзаголовки, представленные в газете «Коммерсантъ» (08.05.2014) позволяют высоко мотивированному читателю, не изучая детально тексты статей, получить представление о новостях дня: *Владимир Путин отодвигает войска и пододвигает выборы. Россия готова признать украинские выборы на определенных условиях; Крым переводят на запасной путь. Украина может заблокировать движение транспорта на полуостров 10 мая; Бывшего сенатора постигло возмещение. Александр Сабадаш стал подозреваемым по делу о незаконном возврате НДС; «Однодневкам» готовят амнистию. Налоговые долги «брошенных» компаний могут быть прощены; Минкрыма выбирает свободу. Ведомство предлагает развивать полуостров за счет максимальных льгот, а не бюджета и др.* Двенадцать ежедневных информационных полос ведущей деловой газеты дают максимальное представление о новостях политики, бизнеса, культуры и спорта.

ВЫВОДЫ

Деловая пресса изучена системно и детально (Я.Н. Засурский, Е.Л. Варганова, А.Г. Бочаров, М.И. Шостак, Л.А. Теплова, Г.А. Холованова, В.С. Кулев, Е.И. Мордовская, М.В. Шкондин, Д.А. Мурзин, А.А. Грабельников и др.), однако вопрос о единых критериях, позволяющих отнести издание к деловой прессе, стоит в современной науке остро. Это связано с неоднородностью современных бизнес-изданий, одну часть которой представляют газеты и журналы, стимулирующие спрос, а другую – издания, обеспечивающие широкий круг читателей специальной деловой и профессиональной информацией. Минимальная развлекательная функция является важной отличительной чертой бизнес-прессы, авторами материалов которой являются не только профессиональные журналисты, но и эксперты, а также лица, занимающие высокие кадровые позиции в разных профессиональных областях. Деловая направленность коммуникации, отражение и формирование общественного мнения, создание разностороннего образа делового человека позволили бизнес-прессе занять прочное место и лидирующие позиции в системе современных средств массовой информации, а также стать важной разновидностью деловой коммуникации.

Список литературы

1. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М.: Наука, 1989. – 243 с.
2. Воскобойников Я. Журналист и информация / Я. Воскобойников, В. Юрьев. – М.: Флинта, 1993. – 365 с.
3. Газетные жанры. – М.: МГУ, 1971. – 121 с.
4. Гребенина А. Обзор печати: Проблемы теории жанра / А. Гребенина. – М.: МГУ, 1980. – 129 с.
5. Коппервуд Р. Как преподносить новости / Р. Коппервуд, Р. Нельсон. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 243 с.
6. Лазутина Г. Основы творческой деятельности журналиста/ Г. Лазутина. – М.: Наука, 2000. – 341 с.
7. Назарова Т.Б. Семиотика коммуникантов в деловом общении на английском языке / Т. Б. Назарова, В.В. Буданова // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 32. – М.: МГУ, 2006.
8. Основы творческой деятельности журналиста (под ред. С.Корконосенко). – СПб, 2000.
9. Пельт В. Информация в газете / В. Пельт. – М.: МГУ, 1980. – 154 с.
10. Солганик Г. Язык газеты / Г. Солганик. – М.: МГУ, 1998. – 186 с.
11. Тертычный А. Жанры периодической печати / А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 320 с.
12. Тортунова И.А. Заголовок как композиционная особенность современных печатных СМИ / И. А. Тортунова // X Годичные научные чтения Социально-гуманитарного факультета РГСУ «Модернизация российского общества: опыт, проблемы, перспективы»: сб. статей. – М.: Изд-во РГСУ, 2012.
13. Третьяков В. Как стать знаменитым журналистом / В. Третьяков. – М.: Ладомир., 2004. – 623 с.

**THE ARTICLE IS DEVOTED TO FUNCTIONAL AND STYLISTIC ANALYSIS OF
THE LANGUAGE OF MODERN BUSINESS PRESS**

Tortunova I.A.

Russian business publication, on the one hand, are an important form of business communication, with another – they pronounced element of expressive coloring. Considered in the framework of business discourse, modern business periodicals are of great scientific interest to researchers who study language media. Direct nomination, which is often found in the titles of the materials business of the print media, seems to be one of the most important means of speech influence. The author considers the genre of materials that dominate the headlines, built on the principle of direct nomination and makes a conclusion about the relevance of this problem in modern philological science.

Keywords: direct nomination, business press, business discourse, business communication.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81'373.43

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ НЕОЛОГИЗМОВ – СОЦИАЛЬНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА

Козак Н.В.

*Донецкий национальный университет, Донецк
E-mail: nvkozak@yandex.ru*

В статье рассматриваются социальные наименования агентов. Исследование проводится на материале лексических новообразований современного русского языка. В ходе работы были определены наиболее продуктивные ономаσιологические модели образования заимствованных и исконных слов, особенности применения данных моделей, а также описаны ономаσιологические модели социальных и статусных наименований лица. Автор предлагает использовать для обозначения неологической части лексико-семантического поля термин «неологическое поле».

Ключевые слова: неологизм, ономаσιологическая модель, социальные наименования лица, поле, неологическое поле.

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшей функцией слова является обозначение и интерпретация фрагментов окружающей человека действительности. Совокупность слов, таким образом, отражает особенности восприятия действительности человеком через его язык, поэтому рассмотрение лексикона языка путем деления его на взаимодействующие системы актуально и перспективно. Однако единой модели структуры словарного состава не существует. Разные исследователи по-разному называют эти структуры. Существуют также и различные точки зрения на состав выделяемых структур, но большинство ученых подчеркивают наличие в них ядра и периферии, а также иерархическую зависимость компонентов.

Исследованием лексико-семантического поля лица занимаются Маклакова Е.А., Салимьянова И.В., Шерина Е.А., Потураева Е.А., Чубур Т.А. Предлагаемое нами исследование актуально тем, что проводится на материале лексических неологизмов современного русского языка и делает акцент на важнейшем аспекте жизни каждого человека – социальном.

Цель статьи – рассмотреть неологические поля социальных наименований агента. Под «социальным наименованием агента» мы понимаем лексические единицы, которые обозначают людей по отношению к другим людям (*интервьюер, фолловер, бро*), а также по социальному свойству, средоточию социальных черт своего времени (*сепаратист, it-girl, укрон, днровец*). **Задачи** настоящего исследования:

– определить наиболее продуктивные модели образования заимствованных и исконных слов;

– определить особенности применения ономаσιологических моделей и различных наименований агентов;

– описать ономаσιологические модели компонентов неологических полей «социальные наименования агентов» и «наименования агентов по статусу».

Картотека, послужившая фактическим материалом для написания статьи, насчитывает 50 неологизмов. Отобраны они были путем сплошной выборки из словаря-справочника «Новые лица на рынке труда» Н. В. Исаевой, «Самого новейшего толкового словаря русского языка XXI века», а также из интернет-источников и печатных СМИ.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В русском языке функционирует два типа слов: заимствованные и исконные. В нашем материале заимствованных слов больше (70%), что обусловлено развитием науки, техники, экономики, культуры и других важных сфер жизни человека и, вследствие этого, заимствованием соответствующей терминологии, а также определенной престижностью и благозвучностью заимствований. Заимствование на лексическом уровне в основном происходит из английского языка (*нюсмейкер, селебрити, фолловер*). В рамках исследуемого нами неологического поля также присутствуют слова, образованные от заимствованных слов по русским моделям словообразования (22 слова, что составляет 44% от общего числа рассмотренных единиц). Наиболее многочисленны группы слов, образованные по моделям суффиксации – 5 слов, 23% (*пикапер* – от англ. pickup + суф. -ер) и сложения основ – 4 слова, 18% (*фэшн-икона* – от англ. fashion + икона).

ОБ ИСТОРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

И. А. Бодуэн де Куртэнэ, А. А. Потебня, М. М. Покровский писали о том, что необходимо изучать значения через законы внутреннего объединения групп слов: «История значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним, и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [5, с.75]. В результате объединения слов на основе семантической общности выделяются разнообразные группы лексем. Единого названия для них пока не существует. Наиболее распространено именование таких лексических групп термином «лексико-семантическая группа» (Г. Ипсен, О. Духачек, Ф. Филин, А. Уфимцева, В. Кодухов) или «лексико-семантическое поле». Данные термины обычно используются как синонимы. Например, как утверждается в Лингвистическом энциклопедическом словаре, «термин «поле» часто употребляется недифференцированно наряду с терминами «группа» (лексико-семантическая группа, тематическая группа), «парадигма» (лексико-семантическая, синтаксическая парадигма) и др.»[4].

Понятие «поле» появилось в языкознании еще в XX веке. Немецкие ученые (Г. Ипсен, Й. Трир, В. Порциг) распространяли идею полевой организации только на лексический материал их исследований. Однако далее эта концепция стала применяться в связи с изучением общих принципов построения системы языка. Полевой подход распространился на многие явления – ученые стали выделять лексиче-

ские группы (Й. Трир, Э. Косериу), синтаксические (В. Порциг), грамматические (В. Адмони), функционально-семантические поля (А. Бондарко) и т.д.

Считается, что идея Ф. де Соссюра о «значимости языковых сущностей», которые приобретаются только внутри замкнутых систем, стала источником для начала развития полевой теории. Й. Трир развивает приведенную идею Ф. де Соссюра: он предполагает, что «все получает смысл только из целого» и что «слово имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова» [9, с.12]. По мнению исследователя, при выделении определенного множества слов из общей лексической системы нужно опираться на наличие общих значений у данной группы слов. Й. Трир выделяет два типа полей: «понятийные» и «лексические», при этом понятия (единицы понятийного поля) полностью покрываются словами (единицами лексического поля). Об этом же пишет Э. Косериу, по мнению которого любая лексическая единица выражает понятие, но не каждое понятие может быть выражено одной лексемой (например, в сфере терминологии) [9, с.16]. Понимание поля Л. Вайсгербера несколько отличается от трировской концепции. Он полагает, что слово существует только благодаря целому, т.е. лексическому полю. Чтобы определить значение конкретного слова, исследователь предлагает «представить его поле и найти в его структуре место этого компонента» [9, с.12]. Различаются только методы выделения семантического поля, предлагаемые Л. Вайсгербером и Й. Триром. Й. Трир предлагает делать это ономаσιологически (т.е. соотносить языковые единицы с обозначаемыми ими понятиями, элементами действительности), в отличие от Вайсгербера, который считает более перспективным семасиологический подход (рассмотрение содержания слов в связи с внутренними законами их развития и функционирования).

В качестве рабочего определения ЛСП мы будем использовать в нашей работе определение Ю.Н. Караулова: «ЛСП называется группа слов одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу» [2]. В настоящем исследовании нами рассматривается ЛСП «Наименования человека – неологизмы».

Выделение лексико-семантических групп происходит на основе идентифицирующей семы (семантический признак, который повторяется во всех лексемах) и дифференцирующих сем (признаки, которые противопоставляют данное слово всем остальным словам выделенной системы). Целью выделения семантического поля является описание отражения в языке определенного участка внешнего мира, с которым соотносится это самое поле.

Основные признаки поля обычно формулируются так:

- 1) поле определяется как инвентарь элементов, которые связаны между собой системными отношениями;
- 2) в языке элементы поля выполняют единую функцию;
- 3) элементы поля могут быть однородными и разнородными (слова разных частей речи; лексемы, лексико-семантические варианты и фразеологизмы; номинативная и метафорическая лексика);
- 4) поле состоит из микрополей, между которыми отсутствуют четкие границы;

5) поле имеет вертикальную и горизонтальную организацию (где вертикальная организация – структура поля, а горизонтальная – взаимоотношения между полями);

6) имеет ядерные и периферийные элементы (при этом один элемент может находиться в ядерной системе одного поля и периферийной другого) [7, с. 30-31].

На нашем материале эти черты частично прослеживаются. Отсутствие четких границ в выделяемых микрополях можно иллюстрировать словом «*роллер*». Так называют и профессиональных спортсменов, и любителей покататься на роликах. Таким образом, лексему можно отнести к двум группам сразу: «профессиональные наименования» и «наименования по роду занятий». Однако мы не можем говорить о ядерных и периферийных элементах внутри выделенных нами полей, так как каждое наименование является значимым для языка, отражая ту или иную сферу человеческой жизни. Таким образом, наш материал дает основания утверждать, что не все выделенные параметры поля прослеживаются в ЛСП «Наименования человека – неологизмы».

В связи с этим для обозначения выделенных групп мы предлагаем термин «неологическое поле». Под ним мы понимаем совокупность слов в пределах ЛСП, которые, в отличие от единиц ЛСП, не формируют ядра и периферии, а объединяют неологические элементы, актуально пополняющие данное ЛСП. Выделенные нами неологические поля характеризуются в первую очередь тем, что их головное слово (*человек*) лежит за их пределами. В связи с этим можно согласиться с точкой зрения В.В. Левицкого: «Идентификатор семантического поля находится всегда вне поля и, как правило, представляет собой не слово, а словосочетание, обозначающее родовое понятие, по отношению к которому все члены поля являются видовыми понятиями» [3, с. 70].

В собранном лексическом материале при помощи методик «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой были выделены такие неологические поля в пределах ЛСП «Наименования человека – неологизмы» [6, с. 60-350]:

- 1) наименование человека по расе, национальности, территории, месту жительства, местонахождению;
- 2) наименование человека по интеллектуальному, эмоциональному, психологическому состоянию;
- 3) социальные наименования человека;
- 4) профессиональные наименования человека;
- 5) наименование человека по роду занятий, характеру деятельности;
- 6) наименование человека по физическому состоянию;
- 7) наименование человека по статусу;
- 8) наименование человека по внешности.

В статье рассматриваются только слова, принадлежащие к неологическим полям «социальные наименования человека» и «наименование человека по статусу». Обе эти группы, по нашему мнению, являются родственными и не имеют четких границ. В связи с этим мы будем ориентироваться на критерий «наличие – отсутствие семы сравнения». В неологическом поле «Наименование человека по статусу» наличествует сема сравнения. Например, *vip-гость* – таким наименованием обозначают человека в сравнении с другими участниками мероприятия, т.е. с теми,

кто не *«вип»*. Та же самая ситуация со словом *«профи»* – такое именование имеет человек, который выделяется из остальной группы людей своими профессиональными навыками (кто-то *«профи»*, а кто-то – нет).

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Понятие ономасиологической структуры впервые появилось в работах М. Докулила [10], им же было предложено представлять семантические отношения между частями производного слова в виде ономасиологических моделей, включающей ономасиологический базис (основа наименования) и ономасиологический признак (ОП – значение форманта, уточняющий компонент значения). Ономасиологический базис в нашем случае – название субъекта, ономасиологический признак – функциональная актуализация какого-либо аспекта жизни человека. Нами было выделено 10 ономасиологических моделей для русских слов, некоторые слова включают в себя несколько ОП. Далее рассмотрим каждую ономасиологическую модель.

1) Наиболее многочисленна группа слов, образованных по модели «агент+локатив», сюда входит 6 слов (25%). Это такие наименования агентов, как *майдановец* (тот, кто стоял на Майдане во время политических волнений 2013-2014 годов), *школота* (пренебрежительное название тех, что учится в школе).

Майдан закончился, пора разгонять боевиков-майдановцев — европейский комиссар (<http://www.donetskiy.org/6912-maydan-zakonchilsya-pora-razgonyat-boevikov-maydanovcev-evropeyskiy-komissar.html>)

Я школота и я расклеил демотиваторы по школе (<http://demotivators.to/p/516538/ya-shkolota-i-ya-raskleil-demotivatoryi-po-shkole.htm>)

2) Немногим меньше слов в группе «агент+коррелятив», где в наименовании агента актуализируется принцип сравнения. Как уже отмечалось ранее, неологическое поле «Наименования лиц по статусу» формировалась нами на основе этого принципа. Сюда относится 5 слов из нашей картотеки (21%): *вип-гость* (от англ. «very important person» – очень важная персона), *вице-чемпион* (второй призер).

Сначала он стал вице-чемпионом Вооруженных Сил, проиграв матч никому иному, как Лутикову, а затем и чемпионом («Шахматное обозрение», 2004.10.15)

3) Группа слов, образованных по модели «агент+каузатив», насчитывает 4 слова (17%). Образованные по данной модели слова актуализируют причину того, что послужило названием для агента: *феминистка* (названа так по причине того, что является сторонницей течения феминизм).

Изначально феминизм ставил своей целью равенство полов, поэтому и сегодня многие феминистки борются не только за свои права, но и за права мужчин, которые порой точно также ущемляются (<http://virgoclub.ru/feminizm-woman.html>).

5) Группа «агент+дестинатив» тоже насчитывает 4 слова (17%). Здесь в наименовании агента актуализируется цель действия, совершаемого данным агентом. Например, *сепаратист* (тот, кто хочет отделения), *пикапер* (от англ. pick up – знакомство с целью соблазнения).

По словам лидера профсоюза, конечная **цель сепаратистов** – «хоть какое-то, но **отделение**». «Они преследуют **цель отделить часть Украины**» (http://novostimira.com/novosti_mira_103354.html).

Но в некоторых случаях вы рискуете познакомиться с матерым **пикапером**, который преследует единственную **цель** – **соблазнить** девушку, увеличить за ваш счет свой донжуанский список, а после бурной ночи просто **испариться** (<http://personallife.ru/2014/06/kto-takoj-pikaper/>).

Также мы выделили 4 группы, которые насчитывают по 1 лексеме (4%):

«Агент+медиатив» (объект в роли средства) – **it-girl** (девушка, создающая свой образ с помощью информационных технологий: соцсетей и т.д.): *Еще одно из определений «It girl» - девушка, созданная с помощью информационных технологий* (http://blogs.privet.ru/community/inocnranctvia_/70806554).

«Агент+фабрикатив» (в названии агента содержится указание на то, из чего он «сделан») – **ватник** (*тот, кто одет в ватник – стеганую ватную куртку*): **Ватник** это пренебрежительное название российского ура-патриота, одетого, согласно расхожескому стереотипу о русском быдле, в стёганую **ватную** фуфайку тёмно-серого цвета (<http://что-ето-такое.ru/vatnik>)

«Агент+аллатив» (над объектом совершается действие) – **ньсмейкер** (букв. «тот, кто делает новости»): *Казалось бы, это заимствованное слово говорит само за себя: **ньсмейкер** — тот, кто **делает новости*** (<http://newslab.ru/article/304857>)

«Агент + компаратив» – **титушка** (последователь, сторонник Вадима Титушко; кто-то, кто как Титушко): *На востоке Украины в срочном порядке набирают "последователей" Титушко. В украинских городах Полтаве и Луганске представители "регионалов" активно заняты поисками "титушек" для запланированной поездки в столицу для непосредственного участия в провокациях всех собравшихся людей на евромайдане за двести гривен* (<http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/ukraine/entry1008188365.html>)

ВЫВОДЫ

Итак, проведенная работа показала, что в неологическом поле социальных наименований субъекта чаще всего встречаются такие модели образования, как «агент+локатив», «агент+коррелятив» и «агент+каузатив». Такое распределение по частотности свидетельствует о стремлении языка назвать агентов путем указания на принадлежность их к определенному месту события, обозначить по локальному признаку, указать на причину деятельности, а также дать наименование в сравнении с другими участниками процесса (статусные наименования). Целью дальнейших исследований мы видим описание образования профессиональных и других названий лица, определенных нашей классификацией.

Список литературы

1. Исаева, Н.В. Новые лица на рынке труда: словарь-справочник / Н.В.Исаева.– Москва: Флинта, Наука, 2012. – 194с.
2. Караулов, Ю.Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57-68.
3. Левицкий, В.В. Типы лексических микросистем и критерии их различия / В.В. Левицкий // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1988. - №5.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва: Советская энциклопедия, 1990.
5. Покровский, М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. – Москва, 2006. – 136 с.
6. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.; 2002. Т.1.
7. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985. – 138 с.
8. Шагалова, Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов / Е.Н.Шагалова. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – 413с.
9. Шафиков, С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц: учебное пособие / С.Г. Шафиков. – Уфа, 1999. – 88 с.
10. Dokulil 1962: Dokulil M. Tvorenislov v ceštine. I. Teorieodvoznislov / M. Dokulil. – Praha: SAV, 1962. – 263 s.

ONOMASIOLOGICAL TYPES OF NEOLOGISMS – SOCIAL NAMES OF A PERSON

Kozak N. V.

The aim of this article was the description of neologisms – social human names. The topicality of the study of person's names is associated with the tendency to anthropocentrism. The study proposed by the author is vital as it is carried out on the newest lexical material of the modern Russian language. The «social name of a person» is understood as lexical units which designate the people in relation to others, on the basis of social characteristic, the focus of the social features of the time as well. For the purpose the author solved such tasks: to identify the most productive word-formation models of loanwords and primordial words, and peculiarities of the onomasiological models of the name of agents; to describe the onomasiological models of the neological field components of the «social name of a person» and «the name of persons according to the status».

To identify the neological part of the existing language fields in linguistics, the author proposes the term «neological field». 50 neologisms are the factual material for the study. They were selected by continuous sampling from dictionaries, as well as from online sources, and print media. The author concludes that in the framework of the lexical-semantic field of «human names – neologisms» it needs to talk about neological fields. They are characterized by the fact that the words, being a part of it, as opposed to units of lexical-semantic field, do not form the cores and peripheries. They are neological elements that actually replenishing this lexical-semantic field. Thus, the dedicated neological fields are characterized primarily by the fact that the head word (human) lies beyond. The author also highlights the most commonly used onomasiological models of word-formation in the modern Russian language.

The work showed that the most common derivation models are «agent + locative», «agent + correlates» and «agent + causative». Such frequency distribution indicates the tendency of language to call agents according to their belonging to a particular ground, to identify them on a local basis, specify the cause of the activity, to give a name in comparison with other participants of the process (statusnames) as well.

Keywords: neologism, onomasiological model, social names of a person, field, neological field.

References

1. Isayeva N. V. New faces on the labor market [Text]: the dictionary-reference book / N. V. Isayeva. – Moscow: Flinta, Science, 2012. - 194 p.
2. Karaulov Ju. N. The structure of the lexical-semantic field [Text] / Yu. N. Karaulov // Philological Sciences. – 1972. – № 1. – P. 57-68.
4. Levitskiy, V. V. Types of lexical microsystems and the criteria for their distinction / V. V. Levitskiy // Scientific reports of higher school: Philological Sciences. – 1988. – №5.
5. Linguistic Encyclopedic Dictionary / ed. V. N. Yartseva. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990.
6. Pokrovskiy M. M. Semasiological research in the field of ancient languages. – Moscow, 2006. – 136 p.
7. Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, systematized on classes of words and meanings / RAS. Institute of the Russian language; Under the general editorship. N.Yu. Shvedova. M: 2002. Vol.1.
8. Sternin I. A. The lexical meaning of the word in speech. – Voronezh, 1985. – 138 p.
9. Shagalova E. N. The newest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century: approx. 1500 words / E.N.Shagalova. – Moscow: AST: Astrel, 2011. – 413 p.
10. Shafikov S. G. The theory of semantic fields and component semantics of its units: a tutorial / S. G. Shafikov. – Ufa, 1999. – 88 p.
11. Dokulil 1962: Dokulil M. Tvorenislov v češtine. I. Teorie odvozovnislov / M. Dokulil. – Praha: CAV, 1962. – 263 s.

УДК 811.166.1'42

О ПОЗИЦИОННОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА¹

Забаица Р. В.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: zabry@yandex.ru*

Статья посвящена характеристике типологических особенностей поэтического текста, выявляемых при использовании общего позиционного подхода к его анализу и интерпретации. На примере анализа стихотворений Ю. Друниной «Не встречайтесь с первой любовью...» и Л. Мартынова «Гномы» проиллюстрирована действенность методики лингвистической инструментологии в отношении понимания поэтических текстов с опорой на сильные позиции текста.

Слово в словаре и слово в художественном тексте есть не одно и то же. Автор может наделять его любым значением, и только в его произведении слово будет иметь необычное для общенародного языка значение. Выделение стратифицированной типологии позиций поэтического текста способно очертить круг характерных для него способов соотнесённости языковых средств. Основным критерием определения композиционной организации поэтического текста может быть выбран принцип разграничения элементов обыденной, массовой картины мира и индивидуально-авторской. Сильными позициями текста выступают заголовок, позиция предмета изображения, позиция семантической аномалии и доминантная позиция; слабыми позициями текста выступают отсутствие заголовка (нуль-знак), позиция атрибуции предмета изображения.

Ключевые слова: регулятивная функция, поэтический текст, позиция, стержневой элемент, интерпретация.

ВВЕДЕНИЕ

Художественный текст как система обладает рядом конститутивных моментов, которые определяют особенности функционирования текста в целом. К этим моментам относятся: 1) предметно-смысловое содержание; 2) субъективное, оценивающее отношение автора к предметно-смысловому содержанию; 3) конфликт (или противоречие) между представлениями автора о должном и желаемом и реальной действительностью; 4) набор соотнесённых между собой, в пределах определённых позиций текста, языковых средств (так называемых «ключевых слов», или «стержневого элемента»), которые отражают ход развития авторской мысли.

Выделение в художественном тексте репертуара ключевых слов стало необходимой практикой, тем не менее «ключевой знак не может быть самопонятен: он как таковой не встречается нигде, кроме своего текста» [1, с. 35]. Слово в словаре и слово в художественном тексте есть не одно и то же. Автор может наделять его любым значением, и только в его произведении слово будет иметь необычное для общенародного языка значение. Это сродни того, как скульптор придаёт материалу

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Русистика в Республике Крым», проект № 15-04-00080.

какую-либо форму, а для физического мира он по-прежнему остаётся лишь куском камня...

Цель предлагаемой статьи – охарактеризовать типологические особенности поэтического текста, выявляемые при использовании общего позиционного подхода к его анализу и интерпретации.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

М. В. Панов определяет позицию прежде всего через «окружение» [3, с. 4]. Разумеется, фонетическая позиция и позиция реализации компонентов текста относятся к различным аспектам проявления языка. Так, традиционно под «сильными позициями» текста понимают его начало, так называемый гармонический центр, образуемый ключевыми словами, и концовку. Как отмечает Л. В. Чернец, «...понятие "сильная позиция" применяется не только в стиховедении – оно может считаться универсальным инструментом анализа любого произведения как целостного высказывания, как текста, имеющего начало и конец (т. е. как бы заключенного в "раму"). Здесь, как и в стихе, в фокусе внимания исследователей – границы, только это границы между единствами гораздо большего масштаба, чем стиховой ряд. Это, во-первых, границы самого произведения как текста, отделяющие его от других текстов; во-вторых, границы частей произведения» [8]. Следовательно, анализ поэтического текста на первом этапе подчинён задаче определения композиционно-смысловых частей, критерии выделения которых не всегда ясны и требуют опоры на вполне конкретные методологические принципы описания.

Начало и концовка поэтического текста могут частично не совпадать с экспозиционной и основной частями. Например, авторы уже в экспозиции используют языковые единицы, необходимые как для экспликации фактуальной информации текста, так и для последующего утверждения его идейного содержания в результате соотнесённости этих единиц с другими. Одна из функций позиции предмета изображения может быть определена как образно-конститутивная, т.е. она обеспечивает предметно-логическое построение художественной модели мира (что именно познаёт герой и в каких образах это реализовано), но данная позиция не способна раскрыть сущность такой модели, тот признак, который автором переосмыслен. В данном контексте справедливо следующее мнение Л. М. Кольцовой и О. А. Луниной: «Организация начала текста в виде многоступенчатого построения, где каждая следующая «ступенька», введённая дополнительная позиция поддерживает предшествующую, что в целом образует приступ, необходимый для экспликации авторской идеи, мировоззренческой установки, может быть определена как суммирующая позиция абсолютного начала текста. Сумма компонентов, выстроенных в определённом порядке, представляет собой свёрнутый текст со сложным рематическим комплексом. Весь этот комплекс может быть развёрнут в связный текст, что, по сути дела, и происходит в ходе повествования, но уже в преобразованном, расширенном, образном предъявлении» [1, с. 32]. Таким образом, в экспозиционной части текста может быть представлено несколько позиций, а именно: позиция предмета изображения, выполняющая образно-конститутивную функцию, позиция атрибуции предмета изображения и позиция семантической аномалии («семантической заусеницы»),

по словам А. Н. Рудякова ([4; 5]), выполняющая функцию первичного средства соотнесённости элементов обыденной и индивидуально-авторской картин мира. Дальнейшее развитие мысли автора обеспечивается доминантной позицией – экспликацией компонентов стержневого элемента текста.

В нашем исследовании используется регулятивная концепция языка, в частности, инструменталистский подход. Концептуальные положения регулятивной теории текста были заложены в работах Н. А. Рудякова «Основы анализа художественного текста» (1989), «Поэтика, стилистика художественного произведения» (1993) [6; 7], – в которых под термином *стилистический анализ художественного текста* подразумевалась оригинальная герменевтическая концепция.

Функциональный подход к анализу и интерпретации художественного текста был обоснован в работах крымских языковедов (А. Н. Рудякова, Ю. В. Дорофеева, Л. А. Мори-Мицык, М. Г. Маркиной-Гурджи и др.). В основу лингвистической инструментологии положены следующие принципы:

1) системообразующим фактором художественного текста является его идейно-образное содержание;

2) функция текста – регуляция, т.е. воздействие на картину мира читателя с целью приобщить его к сознанию автора, сделать явной для него элемент индивидуальной системы ценностей;

3) художественная ценность текста в отношении его устройства заключается в особой соотнесённости языковых единиц – результата осознанной и целенаправленной деятельности автора; эта деятельность обусловлена стремлением представить предмет изображения с позиции авторского идеала, т.е. путём противопоставления общепризнанного и индивидуального; следовательно, развитие идеи произведения объясняется осознанным автором и выраженном им в языковых средствах текста противоречием между «данным» и «желаемым» [4];

4) соотнесённость единиц обусловлена композиционно, поскольку текст, как и всякий инструмент, состоит из двух функциональных частей: подсистемы, которая непосредственно воздействует на картину мира читателя («острие», по А. Н. Рудякову), и подсистемы, которая обеспечивает функциональность первой («рукоять», по А. Н. Рудякову).

Материал исследования. Нами были проанализированы 30 стихотворений русских поэтов XX века (Б. Ахмадулиной, И. Бродского, Д. Быкова, В. Высоцкого, Н. Гумилёва, Ю. Друниной, Л. Мартынова, С. Маршака, С. Михалкова, В. Набокова, Л. Пастернака, Р. Рождественского, К. Симонова, М. Цветаевой, Г. Шпаликова), выявлены общие типологические закономерности в организации сильных позиций поэтического текста. В качестве иллюстрации обратимся к функционально-семантическому описанию двух текстов: «Не встречайтесь с первой любовью...» Ю. Друниной и «Гномы» Л. Мартынова.

Имя Юлии Друниной в сознании русского человека прочно ассоциируется со стихами о войне. Однако есть у поэтессы и прекрасные стихотворения о любви. Данный текст – одно из них. Я не раз предлагал своим студентам для анализа этот простой текст, но его «простота» даётся не всем. Первая любовь – то, что дорого каждому, и вопрос о том, как к ней относиться всю оставшуюся жизнь, совсем не праздный.

*Не встречайтесь с первой любовью,
Пусть она останется такой –
Острым счастьем, или острой болью,
Или песней, смолкшей за рекой.*

*Не тянитесь к прошлому, не стоит –
Все иным покажется сейчас...
Пусть хотя бы самое святое
Неизменным остается в нас.*

В первой строфе автор даёт совет: «Не встречайтесь с первой любовью». Этот совет пока не подкреплён аргументом. Здесь «первая любовь» – метонимия, имеется в виду конкретный человек, т.е. не надо искать встречи с человеком, к которому впервые испытываешь настоящее чувство. По мнению лирического героя, следует сохранить это чувство в первозданном виде. Каким? «Острым счастьем» – безмерной радостью, или «острой болью» – безответным чувством, мучением, или «песней, смолкшей за рекой» – тем, что само прошло со временем... По сути, Друнина в двух строчках изображает три возможных варианта развития событий в отношении. Первую строфу можно определить как начальную позицию.

Совет усиливается во второй строфе: «Не тянитесь к прошлому...». А далее следует тот самый аргумент, т.е. указание на причину, почему не стоит этого делать: всё меняется, и человек не может через некоторое время пережить то же, что переживал раньше. В этом стихотворении есть важная оппозиция «изменяющееся» / «постоянное». В ней – ключ к пониманию текста. Первая любовь названа по-разному: «первая любовь», «острое счастье», «острая боль», «песня, смолкшая за рекой», «прошлое», «самое святое». Итак, это стихотворение о способе сохранения первой любви. Мы все хотели бы, чтобы она всегда была с нами. Но это невозможно. Правила жизни другие... Люди обычно готовы бежать за своей первой любовью на край света... Это обыденный взгляд на предмет изображения. И ничего не получается... Почти никогда не получается... Друнина же (вопреки всему!) считает, что есть способ сохранения первой любви: её можно сохранить в своём сердце, т.е. нужно разделить её не с реальным человеком, которого вы любите, а разделить её только с самим собой! Вот идея текста: в меняющемся мире обстоятельств есть один верный способ сохранения первой любви – сделать это чувство только частью себя. Удивительно! Оказывается, можно всю жизнь наслаждаться своей первой любовью, и источник этого наслаждения заключён совсем не в объекте этой любви, он заключён в вас!

Таким образом, первая любовь становится «самым святым» и «неизменным» тогда, когда мы ищем её не в реальной жизни (т.е. не в отношениях с человеком), а в своём внутреннем мире (т.е. в своей чувственной памяти). Это и есть источник, противодействующий времени. Поэтому «Не встречайтесь с первой любовью...»

Второй пример – стихотворение Леонида Мартынова «Гномы» – прекрасный образец того, как слово в поэтическом тексте может иметь не свойственное русскому языку значение.

*Нас ссорят гномы.
Много ли гномов?
Гномов великое множество.
Тут и там есть свой гном, но неведомый нам,
И, зная их качественное ничтожество,
Мы гномов не знаем по именам.
В самом деле –
Ссорили нас великаны?
Нет!
Исполины не ссорили нас?
Нет!
Разве могли бы гиганты забраться в тарелки,
графины, стаканы
И причинить нам хотя бы микроскопический вред?
Нет! Это бред!
Лишь одни только гномы за нами гоняются вслед!*

Название «Гномы» важно потому, что заглавие, вынесенное автором отдельно, есть сильная позиция текста. Как известно, гномы – это сказочные карлики из западноевропейского, в первую очередь германо-скандинавского, фольклора, частые герои сказок и легенд. Их изображают как безобразных маленьких карликов, но при этом в этом образе сохраняются и такие черты, как коварство, богатство, способность к магии. В этом ли смысле употребляет слово «гном» Мартынов?

В стихотворении речь идёт о том, что ссорит людей. В первой фразе («Нас ссорят гномы») глагол «ссорить» стоит в форме настоящего времени, обладающего семантикой повторяющегося действия. Следовательно, по мысли автора, людей обычно ссорят, т.е. побуждают к отношениям открытой взаимной неприязни, именно гномы. Тут нормальному человеку – чтецу – пора схватиться за голову и подумать что-то типа: «Всё ли в порядке со мной и с автором?!» Перед нами семантическая аномалия, и понять её можно только при внимательном прочтении последующего фрагмента текста.

Неслучайно далее раскрывается понятие 'гном': «Гномов великое множество». Герой рассказывает, что гномы везде («Тут и там есть свой гном...»), но люди обычно не осведомлены о них («...но неведомый нам...») и не знают о них почти ничего («Мы гномов не знаем по именам...») в силу их незначительности, незаметности («ничтожество» – 'крайняя незначительность, бессодержательность; крайняя бедность') [2]. Таким образом, люди не знакомы с этими странными гномами в силу того, что эти существа по своим качествам весьма незначительны, малы, бедны.

Вторая часть стихотворения построена по принципу от противного: лирический герой задаёт ряд вопросов, направленных на то, чтобы понять, что является причиной людских ссор («Ссорили нас великаны?», «Исполины не ссорили нас?»),

«Разве могли бы гиганты забраться в тарелки, / графины, стаканы / И причинить нам хотя бы микроскопический вред?»). Функцией этих вопросов, на которые герой даёт категорически отрицательные ответы, становится противопоставление 'значительный' / 'ничтожный'. Действительно, слова-характеристики («великаны» – перен. 'тот, кто выделяется среди окружающих своим значением, достоинствами и т. п.', 'человекоподобные существа огромных размеров'; «исполины» – 'человек очень высокого роста, крупного телосложения; великан, богатырь'; «гиганты» – 'в др.-греч. мифологии — один из чудовищных исполинов, рождённых Геей и вступивших в борьбу с богами'), находящиеся в доминантной позиции, соотносятся со словом «гномы». Люди обычно не ссорятся из-за чего-то величественного, важного, значительного, благородного («Нет! Это бред!»). В данном тексте одновременно работают два плана выражения значения: прямой (фантастический, фольклорно-мифологический) и переносный (в результате противопоставления образов по признаку 'значительный' / 'ничтожный'). Действительно, великаны в тарелки забраться не могут. Для героя это становится доказательством того, что во всём виноваты только «гномы»!

В результате использования фольклорно-мифологических образов и благодаря соотнесённости номинативных единиц, выражающих их содержание, в завершающей части текста происходит семантический сдвиг: в слове «гномы» актуализируется новый, ранее не свойственный этому слову смысл – 'пустяк, мелочь, глупость'. Таким образом, стержневой элемент текста – это единицы «гномы», «ссорить», «ничтожество» (первая группа) и единицы «великаны», «гиганты», «исполины», «микроскопический вред» (вторая группа). Следовательно, в данном стихотворении одна из сильных позиций текста – его название – является частью доминантной позиции, т.е. речевых условий, в которых реализуются языковые единицы, обеспечивающие новое, авторское понимание предмета изображения.

Итак, идею текста можно сформулировать следующим образом: люди начинают относиться друг к другу неприязненно, начинают ссориться только и только по мелочам (!), не замечая того, что всё существенное, значительное для них проходит мимо. Слово «гном» в тексте Мартынова значит 'пустяк, мелочь, глупость'.

В результате проведённого исследования мы пришли к следующим **ВЫВОДАМ**:

1. Лингвистическая инструментология – оригинальная герменевтическая концепция крымских функционалистов (научная школа А. Н. Рудякова). В данном направлении исследований художественный текст понимается как инструмент воздействия на ценностные фрагменты индивидуальной картины мира.

2. Выделение стратифицированной типологии позиций поэтического текста способно очертить круг характерных для него способов соотнесённости языковых средств.

3. Основным критерием определения композиционной организации поэтического текста может быть выбран принцип разграничения элементов обыденной, массовой картины мира и индивидуально-авторской.

4. Следует различать понятия линейная часть текста (начало, развитие, кульминация, развязка) и функциональная часть текста (экспозиция и «приступ»,

т.е. основная часть). Существуют также типичные позиции поэтического текста, среди которых мы выделили такие, как позиция предмета изображения, выполняющая образно-конститутивную функцию, позиция атрибуции предмета изображения и позиция семантической аномалии («семантической заусеницы», по словам А. Н. Рудякова), выполняющая функцию первичного средства соотнесённости элементов обыденной и индивидуально-авторской картин мира. Дальнейшее развитие мысли автора обеспечивается доминантной позицией – экспликацией компонентов стержневого элемента текста.

5. Сильными позициями текста выступают заголовок, позиция предмета изображения, позиция семантической аномалии и доминантная позиция; слабыми позициями текста выступают отсутствие заголовка (нуль-знак), позиция атрибуции предмета изображения.

Перспективой исследования является построение функциональной типологии поэтических текстов с опорой на позиционное видение (путём расширения эмпирической базы): описание наиболее часто используемых русскими авторами моделей стержневых элементов, а также характеристика уникальных моделей.

Список литературы

1. Кольцова Л. М., Лунина О. А. Художественный текст в современной лингвистической парадигме: учебно-методич. пособие для вузов. – Воронеж, 2007. – 51 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 25.02.2016).
3. Панов М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века / М. В. Панов // Вопросы языкознания. Вып. XII. №1, январь – февраль 1963 г. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 3–18.
4. Рудяков А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология: учеб. пособие / А. Н. Рудяков. – М.: Флинта, 2013. – 312 с.
5. Рудяков А. Н., Дорофеев Ю. В. Homo textus: человек в паутине текстов, или учебник чтения для умеющих читать / А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев. – Симферополь: мсп «Ната», 2007. – 176 с.
6. Рудяков Н. А. Основы анализа художественного текста / Н. А. Рудяков. – К.: Наукова думка, 1989. – 152 с.
7. Рудяков Н. А. Поэтика, стилистика художественного произведения / Н. А. Рудяков. – Симферополь: Таврия, 1993. – 146 с.
8. Чернец Л. В. Композиция литературного текста / Л. В. Чернец // Материалы международной конференции «Языковая семантика и образ мира» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.kpfu.ru/science/news/lingv_97/n159.htm (дата обращения: 09.03.2016).

ON A POSITIONAL APPROACH TO THE ANALYSIS
AND INTERPRETATION OF POETIC TEXT

Zabashka R. V.

The article is devoted to the typological features of a poetic text, identified by using a common positional approach to its analysis and interpretation. For example, analysis of poems Y. Drunina's "Не встречайтесь с первой любовью..." and L. Martynov's "Гномы" illustrated the effectiveness of method of linguistic instrumentology in relation to understanding poetic texts relying on strong text positions.

A word in the dictionary and a word in literary text are not the same things. Author can endow it with any value, and the only in his work a word may have unusual meaning in relation of the popular language. Isolation stratified typology of positions of poetic text is able to outline the range of typical for it way of correlation of linguistic units. The main criterion for determining the compositional organization of poetic text can be selected the principle of differentiation of the elements of everyday, mass world picture and of individual author world picture. Strong positions of text are the followings: title, position of subject of depiction, position of semantic anomaly, and dominant position; the weak position of text are the followings: absence of a title (a null sign), position of attribution of subject of depiction.

Keywords: regulatory function, poetic text, position, core element, interpretation.

УДК 811.161.1'367.625

ПАРАДИГМА БЕЗЛИЧНЫХ ГЛАГОЛОВ: ПОЛНАЯ ИЛИ НЕПОЛНАЯ?

Чабаненко Т. С.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
E-mail: Kostina-tatyana@mail.ru*

Статья посвящена изучению статуса парадигмы безличных глаголов. Проанализированы причины особого состава форм у безличных глаголов, возможности функционирования традиционно не употребляемых форм. Сравнительная характеристика безличных глаголов и ряда глаголов с неполной парадигмой позволяет сделать выводы об их схожести.

Ключевые слова: глагол, безличный глагол, полная парадигма, неполная парадигма, категория лица, форма слова.

ВВЕДЕНИЕ

С античных времен в грамматике прочно закрепилось понятие *парадигма*, которое определяется как «совокупность всех словоформ слова или его изменение по системе форм» [5, с. 367]. Если лексема обладает всеми предусмотренными в языке для данного грамматического класса слов формами, ее парадигму называют полной. Так, имена существительные изменяются по числам и падежам, поэтому их полная парадигма включает 12 форм; 78 грамматических форм образуют полную парадигму качественных прилагательных, изменяющихся по числам, в единственном числе – по родам, а также обладающих категорией компаратива, полной и краткой формами. Самую объемную словоизменительную систему в русском языке имеет глагол, в полную парадигму которого входят словоформы всех наклонений, причастий, дееспричастий и инфинитива. Поэтому в полную парадигму одного глагола, по мнению А. Н. Тихонова, может входить до 395 форм [12, с. 6].

Однако часто не все формы присутствуют в парадигме или функционируют в речи. Иными словами, полной парадигме как совокупности всех форм противопоставляется неполная, или дефектная, «в составе которой отсутствует одна или несколько словоформ» [5, с. 368]. Так, в парадигме глагола *победить* остается нереализованной форма 1-го л. ед. ч. и т. д., у глагола *пасть* неупотребительны формы 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч., повелительного наклонения. Особое место занимают безличные глаголы, в парадигме которых насчитывается обычно до пяти форм.

Цель нашей работы – проанализировать состав парадигмы безличных глаголов и определить, какое место она занимает по отношению к полным и к неполным парадигмам.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Категория безличности издавна привлекала внимание исследователей. А. Вежицкая отмечает, что в ней отражается традиционное для русской культуры отношение к миру как совокупности событий, «не поддающихся ни человеческому

контролю, ни человеческому разумению» [2, с. 76]. Ядро этой категории составляют безличные глаголы, «в которых действие предстает как процесс, совершающийся без участия какого-либо деятеля, как бы сам собой» [5, с. 310].

Парадигма безличных глаголов представлена следующими формами:

- инфинитив, употребляющийся только в сочетании с глаголами, имеющими форму 3-го лица единственного числа или среднего рода прошедшего времени: *В хате **начало холодать*** (А. Платонов);
- формы 3-го лица единственного числа настоящего (у глаголов НСВ) и будущего (простого – у глаголов СВ и сложного – у глаголов НСВ) времени: *Вот я и думаю: **подъеду** вечером, как **стемнеет*** (В. Быков); *А по дороге домой **будет пахнуть** снегом* (Б. Окуджава);
- формы прошедшего времени среднего рода единственного числа: *Когда она вышла из милиции, уже **рассветало*** (Л. Улицкая);
- формы сослагательного наклонения среднего рода единственного числа: *Если бы в ту пору где-нибудь **грянула музыка**, это не **показалось бы** странным* (К. Чуковский).

Именно эти формы предлагаются для безличных глаголов в «Грамматическом словаре русского языка. Словоизменение» А. А. Зализняка, в «Словаре-справочнике по русскому языку» А. Н. Тихонова.

В связи с тем, что безличные глаголы имеют значительно меньше грамматических форм, нежели другие, личные, глаголы, возникает вопрос о том, можно ли считать их парадигму полной.

В. В. Виноградов писал, что безличные глаголы «не кажутся недостаточными» [3, с. 384]. А. Н. Тихонов в «Словаре-справочнике по русскому языку» отмечает, что грамматические формы безличных глаголов «представлены в полном наборе» [11, с. 16]. То есть исследователи считают парадигму безличных глаголов полной.

С другой стороны, достаточно часто такие глаголы относят к глаголам с неполной, или дефектной, парадигмой. Эта позиция представлена в ряде вузовских учебников, в академических грамматиках: «Не все глаголы имеют полные парадигмы. Образованию отдельных словоформ препятствуют значения: 1) сов. вида, 2) непереходности, 3) страдательности и 4) безличности» [5, с. 424].

И. А. Мельчук также относит парадигму безличных глаголов к дефектным. Ученый предлагает различать два типа дефектности:

- систематическую, при которой невыраженной остается целая граммема, т. е. у слова отсутствует ряд форм;
- случайную, когда в парадигме не выражается одна конкретная грамматическая форма.

Систематическая дефектность в свою очередь распадается на два подтипа:

- семантическая дефектность, возникающая из-за семантической несовместимости граммы с лексическим значением слова;
- формальная дефектность, которая обусловлена формальными сложностями с построением той или иной лексы [8, с. 343].

Парадигма безличных глаголов в соответствии с этой классификацией относится к семантической систематической дефектности, т. е. причина неполноты их парадигмы связывается с особенностями лексического значения. Иными словами, именно невозможность безличных глагольных форм сочетаться со значением субъекта или адресата речи, определяет состав их парадигмы. Это подчеркивает и В. В. Химик: «Для выражения негативной отнесенности действия к позиции активно действующего субъекта-лица избираются формы максимальной отвлеченности, неконкретности, формы специфически интерпритационной сигнификативной природы» [13, с. 21].

Мы также полагаем, что парадигмы безличных глаголов следует относить к числу неполных. Идея о том, что состав форм таких слов не кажется недостаточным, на наш взгляд, объясняется причинами этой неполноты. Так как лексическое значение безличных глаголов не соотносится с понятием активного деятеля, у носителей языка в процессе коммуникации не возникает необходимости в употреблении форм 1-го и 2-го лица, форм повелительного наклонения и т. д. от этих глаголов. Следовательно, нет и ощущения недостаточности, неудобства, какое возникает, например, при использовании глаголов *победить*, *убедить*, *шелестеть*, формы 1-го лица единственного числа которых коммуникативно востребованы, но не соответствуют нормам литературного языка.

Е. С. Кубрякова справедливо отмечает: «С точки зрения чисто формальной такие формы, как «хочусь», «смеркаешься», являются абсолютно нормальными» [7, с. 220 – 221]. В. Г. Шершеневич, один из основателей и главных теоретиков имажинизма, полагает, что подобные формы даже необходимы: «Все колеблется и лепится в форме трех измерений. Народ иногда даже допускает полную асогласованность рода: каналья ушел, калика переходящая, судья неправедная. Почему же «для живости», «для образности» не мог я сказать: «огромная море»? Необходимо создать формы: светаю, сплюсь, вечереешь, моросю, дремлешься, мне веселится, мне смеется, помощи не приходила. Необходимо, наконец, создать причастие будущего по принципу: придуций, увидящий, прошумящий» [14].

Глаголы, отдельные формы которых в процессе коммуникации обычно не востребованы, т. е. неполнота их парадигмы обусловлена семантическими особенностями, в русском языке не ограничиваются безличными глаголами. Так, лексическое значение ряда глаголов, как отмечают исследователи, «может не совмещаться с представлением о 1 или 2 лице как о производителе действия» [10, с. 637]. Поэтому такие глаголы «употребляются только в форме 3-го лица единственного и множественного числа» [4, с. 468]. Например, от глаголов *блеять*, *журчать*, *дымиться*, *зеленеть*, *течь* мы легко можем обрзовать все личные формы: *блеять* – *блею*, *блещешь*, *блещет*, *блещем*, *блещете*, *блещут*; *журчать* – *журчу*, *журчишь*, *журчит*, *журчим*, *журчите*, *журчат*; *дымиться* – *дымлюсь*, *дымишься*, *дымится*, *дымимся*, *дымитесь*, *дымятся*; *зеленеть* – *зеленею*, *зеленеешь*, *зеленеет*, *зелеем*, *зеленеете*, *зеленеют*; *течь* – *теку*, *течешь*, *течет*, *течем*, *течете*, *текут*. Однако формы 1-го и 2-го лица этих глаголов, как правило, не встречаются ни в художественной литературе, ни в разговорной речи. В новейших словарях, например, в «Словаре-справочнике по русскому языку» А. Н. Тихонова, в современных изданиях «Толко-

вого словаря русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой такие глаголы обычно имеют помету «1 и 2 л. не употр.»

По мнению А. В. Бондарко, отсутствие форм 1-го и 2-го лица у безличных глаголов и неупотребительность тех же форм у глаголов, лексическое значение которых таково, что субъектом действия не может быть лицо, – это разные типы дефектности. Объясняется это следующим образом: «Безличные глаголы по своей природе не могут иметь форм 1-го и 2-го лица, тогда как некоторые из указанных выше глаголов в каких-то особых условиях могут быть употреблены в 1-м и 2-м лице (ср. возможность употребления в сказке: *ты блеешь*)» [1, с. 147 – 148]. Глаголы второй группы действительно в особых контекстуальных условиях, причем не только в сказках, реализуют полную парадигму:

- *Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?* (М. Шолохов);
- *Скоро я вырасту? – Скоро, скоро, сынок, – говорит мама. – Как листья пожелтеют – будешь большой! Мы, зайцы, быстро растем!* (Б. Заходер);
- *Мы не кричим, а воем, не плачем, а истерически рыдаем, взываем к Богу, кроем в бога, в душу, в мать, по-детски лепечем, умоляем, лаем, мычим, блеем, не палата, а скотный двор* (Ю. Нагибин);
- *Подъезжая поближе, я свистал и сколько было сил кричал на лошадей, дабы дать знать Евгении о прибытии ее друга; однако же никто не показывался. Въезжаю на двор, шумлю, бурлю – нет никого* (В. Нарезный);

Появление таких необычных форм объясняется по-разному. Во-первых, глаголы, не употребляющиеся в формах 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, обозначают действия и процессы, производимые животными, птицами, насекомыми или неодушевленными предметами, которые потенциально могут выступать как участники речевого акта, производители действия. Во-вторых, такие глаголы могут развивать новые, переносные значения, например, в романе Ю. Германа «Дорогой мой человек» форма *пасемся* имеет значение «быть, находиться где-л.», не зафиксированное в толковых словарях: *Ты, часом, не женился? Не делай этого опрометчивого шага, потом проклянешь сам себя. Просто, знаешь ли, люби любовь, люби любить, наш быт дает в этом смысле совершенно неограниченные возможности. Пасемся, можно сказать, среди ароматных цветов, так кому же вдыхать эти ароматы, как не нам, – так выразился инспектировавший нас недавно полковник м.с. Константин Георгиевич Цветков, который тебе, кажется, известен* (Ю. Герман).

В парадигме некоторых безличных глаголов также могут реализовать формы, обычно не употребляемые. Так, безличным глаголам не свойственны формы императива: они не отмечаются ни в «Грамматическом словаре русского языка. Словоизменение» А. А. Зализняка, ни в «Словаре-справочнике по русскому языку» А. Н. Тихонова. Однако для выражения условности, т. е. в значении сослагательного наклонения, или в значении прошедшего времени, когда подчеркивается неожиданность действия, стремительно прошедших или начавшихся, иногда используются формы второго лица единственного числа повелительного наклонения безличных глаголов:

- Вероятно, лучше было бы, **доведись** мальчику исполнить свое желание (А. Шаров);
- Только вижу, что тут же, в швейцарской, и камердинер особы стоит – и **угоразди** меня нелегкая в разговор с ним вступить (М. Салтыков-Щедрин).

Безличные глаголы *светать* и *рассветать* достаточно часто в разговорной речи реализуют формы повелительного наклонения с частицей *не*:

- Парни чего-то плели насчет петуха, который забыл петь иль поет как дурак непутевый: прокукарекало, а там хоть не **светай!** (В. Астафьев);
- Ты как тот петух: прокукарекал, а там хоть не **рассветай** (В. Распутин);
- Петух, конечно, считает, что он прокукарекал, а там хоть не **рассветай** (Ф. Кривин).

Весьма показателен пример из романа Е. Радова «Змеесос»:

— *Что же вы раньше не сказали... Я проглотил – поздно.*

— **Тошните немедленно!** – крикнул Яковлев.

Как видим, безличный глагол *тошнить* «о состоянии тошноты или о рвоте» здесь употреблен в форме повелительного наклонения в прямом значении побуждения к действию определенного лица. То есть и безличные глаголы способны в определенных коммуникативных условиях реализовать формы, которые обычно у них остаются не востребуемыми.

ВЫВОДЫ

Таким образом, безличные глаголы целесообразнее всего относить к числу глаголов с неполной парадигмой. При этом их не стоит противопоставлять другим глаголам, лакуны в которых обусловлены коммуникативной не востребуемостью тех или иных форм. Основное различие этих двух групп глаголов заключается лишь в том, что категория безличности давно и подробно изучается, безличные глаголы регулярно описываются в учебниках, грамматиках, справочниках, фиксируются в словарях. Другие же типы лакун еще достаточно противоречиво представлены в учебниках и грамматиках и только начинают отражаться в словарях.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Л. : Просвещение, 1967. – 190 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: [пер. с англ.] / Анна Вежбицкая ; [отв. ред. М. А. Кронгауз]. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов; [под ред. Г. А. Золотовой]. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
4. Грамматика русского языка : в 2 т. Т. 1 : Фонетика и морфология. / [ред. В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов]. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 720 с.
5. Грамматика современного русского литературного языка. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
6. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка : Словоизменение. / А. А. Зализняк. – [3-е изд., стер.] – М. : Рус. яз., 1987. – 880 с.
7. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М. – 1995. – С. 144 – 238.

8. Мельчук И. А. Курс общей морфологии : в 3 т. Т. 1. / И. А. Мельчук. – М. – Вена : Языки русской культуры, Венский славистический альманах, Издательская группа «Прогресс», 1997. – 416 с.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – [4-е изд.]. – М. : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
10. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. / [редкол.: Н. Ю. Шведова и др.] – М. : Наука, 1980. – 783 с.
11. Словарь-справочник по русскому языку : правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов / А. Н. Тихонов, Е. Н. Тихонова, С. А. Тихонов. – М. : Словари, 1995. – 704 с.
12. Тихонов А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования / А. Н. Тихонов. – М. : Academia, 1998. – 280 с.
13. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 181 с.
14. Шершеневич В. Г. Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы / В. Г. Шершеневич [Электронный ресурс] / Сост., предисл., примеч. В. Ю. Бобрецов. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1996. – Режим доступа: <http://teatr-lib.ru/Library/Shershenevich/Listi/>. Проверено 12.03.2016.

PARADIGM OF IMPERSONAL VERBS: COMPLETE OR INCOMPLETE?

Chabanenko T. S.

The article addresses the research of the paradigm of impersonal verbs in Russian language. The category of impersonality attracts attention of researchers for a long time. Its hearth include impersonal verbs, in which an action appears as a process that is carried out without the participation of any figure. A feature of impersonal verbs is a paradigm that includes five grammatical forms only. This is due to the semantics of impersonal verbs, which does not correspond with the category of persons, therefore, grammatical forms, indicative on a certain person. Researchers determine status of such paradigms variously. Some scientist consider that it is complete paradigms. Frequently we see that the paradigm of impersonal verbs are called incomplete. In the article authors argue that the paradigm of impersonal verbs should be regard as incomplete. Lacuna in such paradigms caused by communicative unclaimedness of several forms. The same type of lacunas should include verbs that have not used the form of the first and second person. They are usually term actions and processes that made animals, birds, insects, or inanimate objects. In certain context verbs that are not used in the forms of the first and second persons, and impersonal verbs can generate forms, which are usually are not used. It unite named paradigms and dissociates them from paradigms the separate forms of which conflict with the norms of literary language, but wanted in communication.

Key words: verb, impersonal verb, complete paradigm, incomplete paradigm, category of person, word forms.

УДК 81'373.611.161.1

СТРУКТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ КАК ФАКТОР ИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Чепурина И.В.

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
E-mail: simgt@inbox.ru*

В статье определяются деривационные возможности русских глаголов со значением эмоций на уровне такой комплексной единицы, как словообразовательная парадигма. В частности, исследуется морфемная и словообразовательная структура эмотивных глаголов как фактор их словопорождающих способностей.

В результате анализа выявлена структурная специфика данной глагольной лексики. Предметом подробного рассмотрения стало деривационное поведение непрямых глаголов и глаголов с нечёткими словообразовательными связями, составляющих опорные единицы анализируемой лексико-семантической группы.

Ключевые слова: эмотивные глаголы, деривационная активность эмотивов, производные и непрямые глаголы, морфемная и словообразовательная структура.

ВВЕДЕНИЕ

Выбор эмотивной лексики в качестве объекта исследования обусловлен возвращением принципа антропоцентризма в современную научную парадигму. Исследования новой ориентации (Н. Д. Арутюнова, А. Вежицкая, Е. С. Кубрякова, Е. А. Селиванова, Б. А. Серебренников и др.) позволяют увидеть известные явления в новом свете, а главное – адекватно объяснить их. В полной мере это относится и к изучению деривационных возможностей слов, в том числе на уровне таких комплексных единиц, как словообразовательная парадигма, словообразовательное гнездо.

В русском языке семантическое поле чувств является хорошо разработанным, эмотивная лексика тонко дифференцирована. Однако словообразовательные возможности эмотивов, арсенал деривационных категорий, порождаемых этим классом слов, нуждаются в более детальном и полном описании.

Анализ литературы. Объектом современного исследования все чаще становятся классы производящих слов и подсистемы мотивированных ими дериватов. Вопросы влияния грамматических и семантических признаков отдельных производящих баз на их словопорождающие способности в контексте теоретических проблем рассматриваются в работах О. И. Блиновой, В. В. Грещука, О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, И. И. Ковалика, Е. С. Кубряковой, Л. А. Кудрявцевой, Р. С. Манучаряна, И. С. Улуханова, И. А. Ширшова и др. При этом акцент исследования смещается в сторону семантического устройства комплексных единиц словообразования, о чём свидетельствуют изыскания в этой области Т. С. Морозовой, Т. С. Яруллиной, Н. Е. Грушко, Н. Я. Тышкивской, М. Н. Янценецкой, Т. Б. Шевчук, Е. С. Федотовой и др. Различные аспекты в изучении семантической структуры слово-

образовательных парадигм расширяют содержательную сторону данного понятия, что обусловило появление его новых трактовок (Е. С. Федотова, Чжун Сяовен).

Цель статьи – определить деривационные возможности эмотивных глаголов русского языка в зависимости от их морфемной и словообразовательной структуры.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Объектом анализа является морфемная и словообразовательная структура исходных эмотивных глаголов в составе словообразовательной парадигмы. В результате анализа выявлена структурная неоднородность производящих баз, релевантная для их деривационного развития. С этих позиций нами выделены следующие группы производящих слов:

1. Непроизводные нечленимые глаголы, появившиеся в результате полного опрощения (три единицы: влечь, гнести, клясть).

2. Непроизводные членимые глаголы.

3. Пограничная зона – глаголы, формально сходные с производными, но с частичным или полным нарушением семантических связей с производящими словами.

4. Производные глаголы: а) отсубстантивные, образованные от непроизводных и производных имён существительных; б) отадекативные, образованные от непроизводных и производных имён прилагательных; в) девербативные, мотивированные непроизводными и производными глаголами.

Непроизводные глаголы и глаголы с нечёткими словообразовательными связями (первые три группы) называют лексическим минимумом, или опорными единицами лексико-семантической группы. Глаголы с живой словообразовательной структурой и чётким словообразовательным значением (четвёртая группа) – лексическим максимумом [6, с. 24]. В настоящей статье предметом подробного рассмотрения стали опорные единицы эмотивных глаголов.

1. НЕПРОИЗВОДНЫЕ ЧЛЕНИМЫЕ ГЛАГОЛЫ

В смысловом отношении эти глаголы подразделяются на два типа: одни сохраняют своё первичное значение (завидовать, упрекать, пререкаться, угождать), а у других современным стало вторичное значение (опешить, обожать, пренебречь, изумить, оскорбить). В языке преобладают последние, так называемые генетически вторичные глаголы (И. Т. Яценко). Данный факт можно объяснить особенностями появления эмотивной лексики, а именно закономерностями в области семантических мотиваций. Эти закономерности обнаруживаются при более глубоком этимологическом анализе данного класса слов. Так, по наблюдениям П. О. Селигея, большинство наименований эмоций возникает в результате метонимии от названий реальных событий, которые так или иначе связаны с эмоциональными переживаниями (семантическая модель: «предмет или событие → эмоция, которую они вызывают»), или как следствие метафоры, где отражаются, как правило, мифические образы и донаучные представления, которыми раньше люди пытались объяснить свои эмоции [11, с. 24–33]. Исследование немотивированных глаголов с точки зрения производности / непроизводности выявило в них членимые беспрефиксные основы и основы, содержащие исторические префиксы. Наибольший интерес представляет второй тип, отличающийся многообразием связанных корней.

Связанные корни наблюдаются у разных в диахроническом плане словообразовательных структур.

1. У глаголов, образованных от именных основ при помощи структурного инфинитивного суффикса. После утраты соотносительных производящих основ такие глаголы стали восприниматься как непроизводные: брезг/а/ть (от *брезг* «горечь»), роб/е/ть (от *робя* «ребёнок»), руг/а/ть (от *руг* «насмешка») и т. д.

2. У глаголов, образованных при помощи префиксов от неупотребляемых сегодня непроизводных глаголов: вос/хит/и/ть (от *хытитъ* «хватать, похищать»), по/риц/а/ть (от *рицать* «говорить»), у/год/и/ть (от *годить* «угождать») и др.

3. У суффиксально-префиксальных единиц. Такими являются глаголы, образованные от неупотребляемых в настоящее время существительных и утратившие с ними смысловые связи: о/шелом/и/ть (от *шлем*, первоначально «сбить шлем»), у/друч/и/ть (от *друк*, первоначально «ударить палкой»).

4. У префиксальных глаголов, образованных от производных именных или глагольных основ: со/блазн/и/ть (от *блаз/и/ть* ← *блазнь* «обольщение, обман»), не/на/вид/е/ть (от *на/вид/е/ть* ← *вид/е/ть* ← *вид*).

5. У глаголов, являющихся возвратной формой к неупотребляемым непроизводным или производным глаголам: гнушаться (от *гнуш/а/ти* ← *гнусити* ← *гнус*), нравиться (от *нрав/и/ть* ← *нрав*).

6. У сложных глаголов, заимствованных из старославянского языка, в котором они калькированы с греческого, например: благоволить, благоговеть, прекословить.

Выявленные структурные разновидности влияют на словообразовательные возможности глаголов-эмотивов. Значимыми являются следующие наблюдения:

1. Факты несоответствия синхронной и диахронной производности среди исторически отымённых глаголов. Так, страдать, грозить, скучать, трепетать, вдохновить и др. исторически образованы соответственно от существительных *страда* («работа, нужда»), *гроза* («ужас, угроза») и т. д. Но «под влиянием сближения с непроизводными глаголами типа знать, гулять, решать и т. п. многие отымённые глаголы стали осознаваться тоже как непроизводные, а соотносительные с ними имена существительные... теперь сами представляются отглагольными образованиями... Произошло смещение грамматических отношений» [1, с. 345–346]. Поэтому в современном языке в парах типа трепет – трепетать, ревность – ревновать, скука – скучать существительные рассматриваются как производные или как производные и производящие одновременно, в рамках двунаправленной мотивации между лексемами, установление производности которых является проблематичным [4; 7; 8; 10; 13]. Сказанное обуславливает несоответствие словообразовательных возможностей глаголов с эмоциональной семантикой в синхронном и диахронном аспекте.

2. Историческое присутствие префикса в описанных лексических единицах ослабляет их современный деривационный потенциал, а именно является причиной отсутствия или единичности приставочных глагольных образований (выборка парадигм производилась из Словообразовательного словаря А. Н. Тихонова): восхитить → восхищение, восхитительный, восхищённый, восхититься, восхищать; издеваться → издевательство, издевательский, поиздеваться. Сравним с искон-

но бесприставочными основами: *плакать* → *плач, плакса, плакальщик, плакучий, плачущий, плакаться, выплакать, доплакать* и т. д. (всего 17 префиксальных образований).

Очевидно, что от префиксальных, как и от беспрефиксных глаголов, регулярно образуются имена действия (*восхитить* → *восхищение; издеваться* → *издевательство*). На современном этапе беспрефиксные основы по деривационной активности в рамках этой словообразовательной категории уступают префиксальным. Об этом свидетельствуют данные современных толковых словарей, где беспрефиксные синтаксические дериваты перестают фиксироваться или представляются с пометой «устаревшее». Так, в МАС и в БТС отсутствуют толкования следующих существительных, имеющих в словообразовательном словаре: *дразнение, ругание, жаление, пугание, цепенение, ласкание, щемление*. (В Словаре В. И. Даля они зафиксированы и толкуются как «действие по значению производящего глагола».) Следовательно, подобные существительные, некогда продуктивные, выходят из современного употребления.

От глаголов с этимологической приставкой наиболее регулярны адъективные дериваты. Ср.: *раздразнить* → *раздразнительный (человек); восхитить* → *восхитительный (роман)* и др. и отсутствие прилагательных от *роптать, ныть, ссорить, хаять, хулить, брюзжать, любить, брезгать* и т. д.

2. ПОГРАНИЧНАЯ ЗОНА МОТИВИРОВАННОСТИ

Значительное количество эмоциональных глаголов находится в зоне, пограничной между мотивированными и немотивированными словами, что составляет структурно-семантическое своеобразие исследуемого класса лексики.

Наличие общего семантического элемента, семантическая выводимость производного слова из производящего является, как известно, условием объединения их в словообразовательную пару. Однако в силу лингвистических и экстралингвистических факторов лексико-семантические связи между производящими и производными словами могут затемняться или утрачиваться. Ср.: *горький* «1. Имеющий особый неприятный едкий. 2. Исполненный тягот, невзгод, горя; тяжелый, горестный» и *огорчить* «причинить огорчение кому-либо опечалить, расстроить», см. также семантические отношения в парах *жалеть – сожалеть, болеть – соболезновать, чувствовать – сочувствовать, влечь – развлечь* и т. д. Чаще ослабление или потеря семантической соотносительности между производными и производящими словами наблюдается, когда производные возникают на базе метафорических значений производящих или подвергаются метафоризации в процессе словопроизводства.

Семантическая декорреляция охватывает значительную часть однокоренных слов, называющих эмоции. При этом наибольшую сложность представляют случаи, когда смысловые расхождения между членами корреляции не дошли до полного разрыва. Производные, имеющие слабые семантические связи с производящими, находятся на стыке двух срезов. Являясь элементами синхронной системы, они в то же время полностью не порвали с прошлым состоянием. В подобных случаях, согласно мнению И. А. Ширшова, мы имеем дело с гнездом переходного типа, в котором слова объединяются на основе общности семантики, но с разрушенными деривационными отношениями [14, с. 49]. Такое гнездо исследователь называет д в у х в е р -

ш и н н ы м и определяет его следующим образом: «...если между этимологически родственными словами деривационные отношения разрушены, а семантические связи живы, то они объединяются в одно гнездо на правах двух вершин, словообразовательно не выводимых одна из другой» [Там же, с. 50]. В двухвершинные последовательно организуются гнезда с эмотивными глаголами, имеющими разную степень семантической декорреляции с производящим. Данное понятие разрешает противоречия, возникающие при словарной подаче исследуемого класса лексики. Ср.:

жалеть	<p><i>жаление</i></p> <p><i>жалельщик</i></p> <p><i>жалкий</i></p> <p><i>пережалеть</i></p> <p><i>пожалеть</i></p> <p><i>ужалеть</i></p>	сожалеть	<p><i>сожаление</i></p> <p><i>сожалеющий</i></p> <p><i>сожалительный</i></p>
---------------	--	-----------------	--

Первая вершина признаётся основной, а вторая, с модификационным корнем, – дополнительной.

Современные теории о видах и степенях мотивации, в частности концепция И. С. Улуканова [13], исследования И. А. Ширшова, Н. А. Пугиевой в рамках создания толково-словообразовательного словаря [9; 14; 15], позволили сузить сферу опрощения в области эмотивных глаголов и использовать новые критерии выделения производной и непроизводной основы.

Словообразовательное поведение данной структурной группы обнаруживает сходство с деривационным поведением немотивированных глаголов: сужение словообразовательного потенциала за счёт отсутствия или сокращения префиксальных производных, активность в образовании субстантивных и адъективных дериватов. Таким образом, непроизводные эмотивы и эмотивы пограничной зоны принимают активное участие в процессах именного словообразования.

ВЫВОДЫ

Анализ морфемной и словообразовательной структуры опорных единиц эмотивных глаголов как фактора его деривационного развития выявил, что словообразовательное поведение немотивированных глаголов обнаруживает сходство с деривационным поведением глаголов, имеющих разную степень семантической декорреляции с производящим: сужение словообразовательного потенциала за счёт отсутствия или сокращения префиксальных производных, активность в образовании субстантивных и адъективных дериватов.

Выявленные структурно-семантические особенности эмотивных глаголов с позиций современных типов мотивации позволяют сузить границы опрощения в рамках исследуемого лексического множества и разрешить противоречия, возникающие при подаче глаголов-эмотивов в словообразовательном словаре.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
2. Вольф Е. М. Состояние и признаки. Оценки состояния / Е. М. Вольф // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 45–61.
3. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке / О. П. Ермакова. – М.: Русский язык, 1984. – 152 с.
4. Коряковцева Е. И. Имена действия в русском языке, словообразовательная семантика / Е. И. Коряковцева. – М.: Печатный знак, 1998. – 220 с.
5. Кузнецова А.И. Глубина слова как фактор, регулирующий процессы образования новых слов (на материале русского языка) / А. И. Кузнецова // Деривация и семантика: слово – предложение – текст. – Пермь, 1985. – С. 43–50.
6. Кузнецова Э. В. Лексико-семантические группы русских глаголов / Э. В. Кузнецова. – Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1989. – С. 3–24.
7. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1977. – 315 с.
8. Медведева Л. А. Спорные вопросы словообразовательных отношений между глаголом и существительным / Л. А. Медведев // Русск. яз.и лит. – 2000. – № 2. – С. 25–28.
9. Пугиева Н. А. Полисемантизм глагольного слова, место и роль его в толково-словообразовательном словаре / Н. А. Пугиева // Принципы составления гнездового толково-словообразовательного словаря современного русского языка. – Грозный: Книга, 1991. – С.74–126.
10. Розентова А. Я. Спорные случаи установления производности в глагольно-именных парах / А. Я. Розентова // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. 1. – Самарканд, 1987. – С. 409–413.
11. Селигей П. О. Внутренняя форма наименований эмоций в украинском языке / П.О. Селигей // Мовознавство, 2001. – № 1. – С. 24–33.
12. Улуханов И. С. О степенях словообразовательной мотивированности слов / И. С. Улуханов // Вопр. языкознания. – 1992. – № 5. – С. 74–88.
13. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М.: Русские словари, 1996. – 222 с.
14. Ширшов И. А. Границы словообразовательного гнезда / И. А. Ширшов // Филол. науки. – 1996. - № 5. – С. 43–54.
15. Ширшов И. А. Типы словообразовательной мотивированности / И. А. Ширшов // Филол. науки. – 1995. – № 1. – С. 41–53.
16. Яруллина Т. С. К понятию словообразовательной парадигмы / Т. С. Яруллина // Сб. научн. тр. ТашГУ им. В. И. Ленина, 1979. – № 580. – С. 153–161.

**STRUCTURAL PECULIARITY OF EMOTIVE VERBS AS A FACTOR OF THEIR
DERIVATIONAL ACTIVITY**

Chepurina I.V.

The article defines the derivational abilities of Russian verbs with the meaning of emotions on the level of such a complex unity of word formation as a word formation paradigm. In particular, we investigate the morphemic and derivational structure of emotive verbs as a factor of their word creation abilities.

The purpose of the article is to determine the derivational possibilities of emotive verbs in Russian language depending on their morphemic and formative structures.

The analysis revealed the structural specific of the given verbal lexicon: the presence here of non-derivative verbs and verbs with fuzzy word-formation bonds composing the supporting units of the analyzed lexical-semantic group, or its lexical minimum, and the verbs with a lively word-formation structure and a clear word-formation meaning – so called lexical maximum. The subject of a detailed review became supporting units of the emotive verbs. Significant observations were the following:

1. The inconsistencies facts of synchronic and diachronic derivation among the historically derived verbs, that determine a mismatch of the word-building abilities of the verbs with emotional semantics in synchronic and diachronic aspect.

2. The historical presence of the prefix in the described lexical units weakens their modern potential derivation, so that is namely the cause of the lack or singleness of suffixal verb formations. At the same time the names of action and adjectival derivatives are regularly formed from the verbs with etymological prefix.

Structural and semantic distinctiveness of the investigated class of vocabulary compile a zone, which border between motivated and unmotivated words. Semantic de-correlation comprises significant portion of cognate words, naming emotions. Nests with the emotive verbs that have different degree of semantic de-correlation with the producer are organized consistently into bimodal. This concept solves the contradictions that arise while presenting the investigated class of vocabulary, as they are given in the dictionary.

The author concludes that derivational behavior of the given structural group reveals similarities with the derivational behavior of the unmotivated verbs: narrowing of word-formation potential by eliminating or reducing the prefixed derivatives, activity in the formation of substantive and adjectival derivatives. Therefore, the non-derivative emotives and emotives of the border area are actively involved in the process of noun derivation.

Identified structural and semantic features of emotive verbs with the standpoint of modern types of motivation allow to narrow simplification boundaries in the frame of the investigated lexical variety and to solve the contradictions that arise while presenting the verbs-emotive in word-formation as in the dictionary.

Key words: emotive verbs, derivational activity of emotives, derivative and non-derivative verbs, morphemic and derivational structure.

References

1. Vinogradov V. V. Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) / V. V. Vinogradov. – M.: Vysshaya shkola, 1972. – 616 s.
2. Vol'f E. M. Sostoyanie i priznaki. Otsenki sostoyaniya / E. M. Vol'f // Semanticheskie tipy predikatov. – M.: Nauka, 1982. – S. 45–61.
3. Ermakova O. P. Leksicheskie znacheniya proizvodnykh slov v russkom yazyke / O. P. Ermakova. – M. : Russkiy yazyk, 1984. – 152 s.
4. Koryakovtseva E. I. Imena deystviya v russkom yazyke, slovoobrazovatel'naya semantika / E. I. Koryakovtseva. – M. : Pечатnyy znak, 1998. – 220 s.
5. Kuznetsova A.I. Glubina slova kak faktor, reguliruyushchiy protsessy obrazovaniya novykh slov (na materiale russkogo yazyka) / A. I. Kuznetsova // Derivatsiya i semantika: slovo – predlozhenie – tekst. – Perm', 1985. – S. 43–50.
6. Kuznetsova E. V. Vvedenie / E. V. Kuznetsova // Leksiko-semanticheskie gruppy russkikh glagolov. – Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta, 1989. – S. 3–24.
7. Lopatin V.V. Russkaya slovoobrazovatel'naya morfemika / V. V. Lopatin. – M. : Nauka, 1977. – 315 s.

8. Medvedeva L. A. Spornye voprosy slovoobrazovatel'nykh otnosheniy mezhdu glagolom i sushchestvitel'nyim / L. A. Medvedev // Russk. yaz. i lit. – 2000. – № 2. – S. 25–28.
9. Pugieva N. A. Polisemantizm glagol'nogo slova, mesto i rol' ego v tolkovo-slovoobrazovatel'nom slovare / N. A. Pugieva // Printsipy sostavleniya gnezdovogo tolkovo-slovoobrazovatel'nogo slovarya sovremennoogo russkogo yazyka. – Groznyy, 1991. – S. 74–126.
10. Rozentova A. Ya. Spornye sluchai ustanovleniya proizvodnosti v glagol'no-imennykh parakh / A. Ya. Rozentova // Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Ch. 1. – Samarkand, 1987. – S. 409–413.
11. Seligey P. O. Vnutrennyaya forma naimenovaniy emotsiy v ukrainskom yazyke / P. O. Seligey // Movoznavstvo, 2001. – № 1. – S. 24–33.
12. Ulukhanov I. S. O stepenyakh slovoobrazovatel'noy motivirovannosti slov / I. S. Ulukhanov // Vopr. yazykoznaniya. – 1992. – № 5. – S. 74–88.
13. Ulukhanov I. S. Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya / I. S. Ulukhanov. – M. : Russkie slovari, 1996. – 222 s.
14. Shirshov I. A. Granitsy slovoobrazovatel'nogo gnezda / I. A. Shirshov // Filol. nauki. – 1996. – 1 5. – S. 43–54.
15. Shirshov I. A. Tipy slovoobrazovatel'noy motivirovannosti / I. A. Shirshov // Filol. nauki. – 1995. – 1 1. – S. 41–53.
16. Yarullina T. S. K ponyatiyu slovoobrazovatel'noy paradigmy / T. S. Yarullina // Sb. nauchn. tr. TashGU im. V. I. Lenina, 1979. – 1 580. – S. 153–161.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Александрова
Ирина Викторовна
- доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Андриенко
Валентина Петровна
- кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Богданович
Галина Юрьевна
- доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Бойкарова
Линуре Рустемовна
- аспирантка кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Вовк
Николай Александрович
- старший преподаватель кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Диброва
Сергей Михайлович
- старший преподаватель кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Егорова Людмила Геннадьевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Забашта Роман Валентинович	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Иванюк Наталья Ивановна	старший преподаватель кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Калугина Анастасия Юрьевна	обучающаяся 2 курса факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
Козак Наталья Вадимовна	обучающаяся филологического факультета Донецкого национального университета, г. Донецк
Кондратская Виктория Леонидовна	кандидат наук по социальным коммуникациям, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Криворученко Екатерина Юрьевна	ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Крылова Виктория Александровна	обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Курьянов Сергей Олегович	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Ладинская Анастасия Александровна	обучающаяся 2 курса факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Лягунова Светлана Витальевна	аспирантка кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», преподаватель Кубанского государственного университета, г. Краснодар
Малярчук-Прошина Ульяна Олеговна	кандидат филологических наук, ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Московчук Денис Константинович	обучающийся второго курса магистратуры кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Мустафаева Медине Алимовна	магистрант кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Новикова Татьяна Юрьевна	кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-методического центра полилингвального образования Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Оленева Анна Андреевна	обучающаяся 2 курса факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
Околова Екатерина Александровна	обучающаяся второго курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Первых Вадим Владимирович	аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Первых Диана Константиновна	кандидат культурологии, ассистент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Петренко Даниил Александрович	кандидат филологических наук, заведующий кафедрой немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Синельникова Лара Николаевна	доктор филологических наук, профессор кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Ялта
Сметанина Мария Олеговна	ассистент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Таймазова Ление Ленмаровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь
Тортунова Ирина Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Российского государственного социального университета, г. Москва
Усеинова Эльвина Усеиновна	аспирантка кафедры русской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

- Фиалковская
Валерия Олеговна обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Чабаненко
Татьяна Сергеевна кандидат филологических наук, ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
- Чепурина
Инна Владимировна кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Чернышова
Марина Викторовна кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Шевченко
Наталья Владимировна старший преподаватель кафедры английской филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Шеремет
Дарья Владимировна преподаватель кафедры иностранных языков №4 Института иностранной филологии Таврической филологии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
аспирантка кафедры русского языкознания и

Эсаулова
Инна Юрьевна

коммуникативных технологий Луганского государственного университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск

Ярута
Анастасия Викторовна

обучающаяся 3 курса факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Кондратская В. Л.

Зависимость общества от коммуникативных ресурсов: фактор опасности
или объективный процесс.....3

Синельникова Л. Н.

Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции 10

Сметанина М. О., Оленёва А. А.

Детское телевидение на примере российского и американского контента 16

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Егорова Л. Г., Ладинская А. А.

Трансформация медиапространства Республики Крым
в 2014-2015 годах23

Криворученко Е. Ю., Калугина А. Ю.

Диффузия жанров журналистики в печатных сми на примере
региональных газет «Крымский телеграфъ» и «Новый Крым».....31

Московчук Д. К.

Спортивная проблематика в газете «Крымская правда»36

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Александрова И. В.

Явление художественной циклизации в русской комедии первой трети
XIX века41

Бойкарова Л. Р.

Шекспірівська фразеоматика в інтерпретації Бориса Тена48

Курьянов С. О.

Миф о крыме как о восточной мусульманской стране в повестях
азовского цикла (XVII век).....53

Мустафеева М. А.

Засоби психологізму у створенні образу Богдана Хмельницького (за
романом П. Загребельного «Я, Богдан»)62

Андрюенко В. П., Околова Е. А.	
Феномен прошлого в творчестве Бернхарда Шлинка (на примере романа «Чтец»)	68
Первых Д. К., Первых В. В.	
Политическая карикатура и лубок периода Крымской войны (на материале журнала «Современник» 1854-1856 гг.)	73
Таймазова Л. Л.	
Киммерия в поэтическом восприятии М. Волошина	80
Усеинова Э. У.	
Комическое начало в рассказе Н. А. Тэффи «Крепостная душа»	88
Петренко Д. А., Чернышова М. В.	
Способы перевода немецких реалий на русский язык	94
Шеремет Д. В.	
Аббревиация онкологических терминов в системе TNM	102
Эсаулова И. Ю.	
Концепт «неопределенность» в русском языковом сознании	107
 СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ	
Богданович Г. Ю., Новикова Т. Ю.	
Парадигма языкового образования в многонациональном Крыму	115
Діброва С. М., Ярута А. В.	
Лексико-семантичні особливості сучасного молодіжного жаргону	120
Krylova V.A., Vovk N.A., Petrenko D.A.	
The specifics of ergonym functioning in the texts of financial and economic sphere	126
Fialkovskaya V.O., Vovk N.A., Shevchenko N.V.	
The specifics of firmonym functioning in financial and economic texts	130
Иванюк Н. И.	
Функционирование лексемы <i>незалежный</i> в современном русском медийном дискурсе	136
Лягунова С. В.	
О нарушениях речевых норм в жанре спортивного комментария	141
Малярчук-Прошина У. О.	
Оценочный компонент агрессивного речевого высказывания в современных медиатекстах	147

Тортунова И. А.

Прямая номинация как средство речевого воздействия в современном деловом дискурсе (на примере современной бизнес-прессы) 153

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ
ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Козак Н.В.

Ономазиологические типы неологизмов – социальных наименований лица..... 160

Забашта Р. В.

О позиционном подходе к анализу и интерпретации поэтического текста..... 168

Чабаненко Т. С.

Парадигма безличных глаголов: полная или неполная?..... 176

Чепурина И.В.

Структурная специфика эмотивных глаголов как фактор их словообразовательной активности..... 182

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 190